

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Каченовскимъ и В. Жуковскимъ.

ЧАСТЬ XLIX.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1810.

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 1. ЯНУАРИЙ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Лютна, цвѣлы и сонъ.

(Старинная сказка.)

Вы знаете, какъ много вѣрили въ старинну предсказаніямъ, волшебству и снамъ — и кто этого не знаетъ? Въ то время очень не рѣдко случалось, что сновидѣніе, которое мы, просвѣщенные люди, сочли бы просто бредомъ, рѣшало жребій чловѣка. Теперь и колдуны, и предсказанія, и сновидѣнія лишились тѣхъ почестей, которыя оказывали имъ наши дѣдушки и бабушки. Но кто правъ и кто виноватъ: мы, или наши праотцы? Не беру на себя рѣшить этого вопроса; пускай чиншпели сами добираются до истины; а я разскажу имъ сказку (не сказку, а быль), въ которой сонъ играетъ важную роль.

Жилъ былъ въ городѣ Временѣ — когда, не знаю, только очень давно — Мельхїоръ богатый человекъ; онъ имѣлъ многое множество денегъ, всего болѣе на свѣшѣ любилъ деньги, и былъ такъ ужасно скупъ, что, естли въришь преданію, отказывалъ себѣ въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. Но вошѣ спранность: въ домѣ его находилась одна такая горница, въ копорой весь полъ вымощенъ былъ червонцами. Знавшіе скупость Мельхїора дивились, что онъ позволялъ топшашь ногами своего бога — золото; но Мельхїоръ имѣлъ свои причины, и причины весьма умныя: онъ былъ купецъ: слѣдовательно не могъ обойшисъ безъ кредита. Не лзя не имѣть довѣренности, — разсуждалъ онъ — къ такому человеку, у копорого вмѣсто ковра лежатъ на полу золотыя деньги. И въ самомъ дѣлѣ онъ не обманулся: въ нѣсколько лѣтъ накопилъ онъ несмѣнное богатство, копорое безъ сомнѣнія было бы ушроено, когда бы смерть не вздумала ему помѣшашь, и не опправила его прежде времени на шѣ свѣшѣ. Послѣ него ошлся одинъ только сынъ, молодой Франкъ, копорого прозвали *миловиднымъ*, попому что Природа наградила его прелестною наружноспію, голубыми глазами, въ копорыхъ сіяла нѣжная душа; улыбкою добросердечія; прекрасными свѣплорусыми кудрями, копорыя клубились какъ мягкій шолкъ вокругъ

бѣлой шеи; голосомъ звонкимъ, вливающимся прямо въ душу. Но Франкъ былъ очень молодъ — девятнадцать лѣтъ, какой эпо возрастъ! — не имѣлъ добрыхъ людей, наставниковъ, попому что отецъ его ни съ кѣмъ не хотѣлъ вести знакомства и ни кѣмъ не былъ любимъ; долго былъ мученикомъ нестерпимой скупости Мельхѳора — удивительно ли, что онъ сдѣлался распочищенъ, какъ скоро доспались ему всѣ кованные сундуки покойника, а съ ними и полъ, вымощенный червонцами? И скоро кованные сундуки начали пускаться, и скоро совсѣмъ они опустѣли. Франкъ не желалъ денегъ, могалъ, надѣлалъ шьму долговъ, и ему вѣрили, попому что коверъ изъ червонцевъ служилъ за него порукою. Но вдругъ пронесся слухъ, что въ домъ сына Мельхѳорова не спало драгоценнаго ковра изъ червонцовъ, и что его мѣсто заступилъ простой, дубовой, досчатой полъ. Заимодавцы пришли въ волненіе: посѣщаяющъ Франка — въ самомъ дѣлѣ молва ихъ не обманула. Полно вѣрить Мельхѳорову сыну. Заимодавцы очень добрые люди, пока они надѣются, что деньги будутъ заплачены имъ вѣрно и въ срокъ; но они очень грубы и неопшупны, когда имѣющъ причину бояться, что можно поперять имъ и капиталъ свой и свои проценты. Франкъ узналъ эпо на самомъ дѣлѣ. Заплаши деньги, говорилъ ему шопъ, гово-

рилъ ему другой — но заплапипть было не чемъ! Все это кончилось пѣмъ, что его лишили имѣнїя, копораго едва едва доспало на уплапу долговъ, и выгнали изъ опеческаго дому. Насилу могъ онъ спасти нѣсколько драгоцѣнныхъ камней, принадлежавшихъ его мапери; при нихъ сохранилъ онъ еще другое сокровище, копораго никакой заимодавецъ опняпть не можепть — свою веселость, а съ нею и вѣрное средство никогда не быть совершенно нещаспнымъ. Онъ не имѣлъ денегъ, за то не имѣлъ и заботъ. Съ паѣимъ-то легкимъ грузомъ переселился онъ въ предмѣстїе Бремена; нанялъ въ одной изъ самыхъ пѣсныхъ улицъ пѣсную горницу, въ копорую рѣдко заглядывало солнце; довольствовался умбренымъ обѣдомъ своей хозяйки, и былъ веселъ.

Но чѣмъ же бѣдный Франкъ занимался въ маленькой своей горницѣ, въ копорую заглядывало рѣдко солнце? Онъ умѣлъ только проживать деньги; но теперь не было у него денегъ; онъ умѣлъ чипать (очень важное знанїе въ то время); но гдѣ же взять книги? и какїя чипать книги? Теологическїя разсужденїя! рыцарскїе романы! Но бѣдный Франкъ не былъ ни Рыцаремъ, ни Теологомъ. Оспавалось одно: думать о прошедшемъ, играть на лютнѣ, копорая какимъ-то случаемъ спасена была отъ заимо-

давцевъ, и дѣлашь ученія наблюденія надъ погодою, что было нѣсколько трудно, потому что Франкъ изъ окошка своего едва едва могъ видѣть небольшой клочокъ голубаго неба. Но съ этимъ занятіемъ соединилось очень скоро другое, веселое, сладостное — увидише сами какое!

Прямо прошивъ Франковой хижинъ находилась другая, такая же бѣдная, такая же пѣсная, и въ этой хижинѣ жила вдова Бригитта, имѣвшая дочь пятнадцати лѣтъ, по имени Мешу, и эта дочь была прекрасна какъ Ангелъ. И мать и дочь отъ утра до вечера сидѣли за пряжею; ибо онѣ кормили себя своею работою. За нѣсколько лѣтъ Бригитта не имѣла нужды въ этомъ руководѣніи: мужъ ея былъ одинъ изъ богатѣйшихъ Бременскихъ купцовъ; но онъ ушелъ на корабль вмѣстѣ со всемъ своимъ богатствомъ, оставя и жену и малолѣтнюю дочь нищими. Бригитта перенесла это несчастіе съ твердостью доброй матери, которая болѣе всего на свѣтѣ любитъ свою дочь, а для нее любитъ и жизнь. Меша, воспитанная въ нищетѣ, заранѣе пріучена была къ руководѣнію. Переселившись въ новую бѣдную хижину, прошивъ которой находилась хижина Франкова, Бригитта каждый Божій день вспавала вмѣстѣ съ солнцемъ и садилась за самопрядку. Меша, которая разцвѣтала

какъ майской цвѣтѣ, просыпалась въ одно время съ матерью, и вмѣстѣ съ нею работала отъ утра до вечера. Навыкъ обратился въ искусство: наконецъ и мать и дочь могли уже вести небольшой торгъ своею пряжею.

Бригитта надѣялась не вѣчно сидѣть за сѣмонрядкою; она была очень набожна, и слѣдственно крѣпко увѣрена, что Богъ ее не оставитъ, что Онъ позволитъ ей насладиться щастіемъ Мелы, которое цѣнила она выше собственнаго. И часомъ, любуясь своею Мелюю, которая была свѣже розовой разпукольни и привлекательнае свѣтлаго весенняго дня, она думала: эта милая весна усладитъ зиму жизни моей и превратитъ ее въ веселое лѣто; не льзя спастись, чтобы такая красота оставлена была въ забвеніи; у моей Мелы будутъ женихи и женихи богатые. Бригитта имѣла причину такъ думать, ибо въ тѣ времена и красота и доброе сердце были такъ же важны для молодыхъ жениховъ, какъ нынче знашная порода и богатство. Каждый отецъ говорилъ своему сыну: добрая и прекрасная жена есть лучшее украшеніе семейства; каждая мать была тому примѣромъ; а каждая дочь старалась подражать своей матери, чтобы, по словамъ Царя Соломона, быть драгоцен-

ною жемчужиною, кошпоруо украшается жилище супруга.

Такимъ образомъ Бригитта берегла свою дочь больше глаза; она лишила себя послѣдняго, чшобъ дать ей хорошее воспитаніе и одѣвать ее опрятно, будучи увѣрена (по примѣру всѣхъ добрыхъ матерей), что лучшая добродѣтель молодой дѣвушки есть любовь къ работѣ и уединенію; и Метта ни минушы не сидѣла безъ работы; она оспавляла свою хижину шолько по ушрамъ, когда ходила къ обѣднѣ въ приходскую церковь.

Франкъ сидѣлъ передъ окномъ и дѣлалъ свои наблюденія надъ погодою, — въ эту минушу прекрасная Метта возвращалась домой изъ церкви. Онъ увидѣлъ ее, и почувствовалъ въ душѣ своей то, чего никогда не чувствовалъ; онъ еще не имѣлъ привязанности ни къ одной женщинѣ, и любовь и желанія были неизвѣстны его сердцу, неспорченному и чисному — удивительно ли, что Метта, прелестная какъ ангелъ, произвела на душѣ его впечатлѣніе неизгладимое? Съ этой минушы Франкъ почши не спсходилъ съ окошка. Онъ видѣлъ и хотѣлъ видѣшь одну шолько Метту; иногда сидѣла она подѣ матерей за самосядкою; иногда выглядывала въ окно, чшобы

нѣсколько минуць подышашь чистымъ воздухомъ; а всякое утро, въ одинъ и тотъ же часъ, проходила по улицѣ мимо Франковой хижины въ приходскую церковь. Ахъ, бѣдный Франкъ! какъ много жалѣлъ онъ тогда о поперянномъ своемъ богатствѣ! Какое щастіе, думалъ онъ, когда бы я могъ раздѣлить его съ Мешою! Но теперь имѣю ли какую-нибудь надежду? Осмѣлюсь ли предложить ей мою нищету? Мнѣ ошалося одно: любишь спрассно, и не смѣешь сказать ей ни слова.

Но Франкъ не одинъ замѣчалъ производившее по сосѣдству, и Бригитта имѣла зоркіе глаза, и Бригитта дѣлала свои замѣчанія; она скоро угадала, для чего прекрасный сосѣдъ ихъ по цѣлому дню просиживаетъ передъ окномъ; она знала Франка; она знала по слуху, что онъ въ короткое время разпочилъ все богатства, оставленные ему отцомъ: паной женихъ не могъ быть находкою для Мешы; но Бригитта, зная человеческое сердце, которое всегда привязываетъ насъ къ тому, что намъ запрещаютъ, расположилась препящивовашь намрѣніямъ Франка, не обращая на нихъ вниманія своей дочери.

И въ одно утро Франкъ по обыкновенію подходилъ къ своему окну, смощ-

рипъ — о ужасъ! окно сосѣдокъ его задернушо занавѣсомъ и шавимъ часнымъ, что Аргусовы глаза не могли бы никакъ сквозь него проникнуть. Возмемъ перивнѣ, сказалъ про себя Франкъ; эштоу занавѣсъ черезъ минушу будетъ опдернутъ. Но Франкъ ни съ мѣста, и занавѣсъ ни съ мѣста. На другое утро въ обыкновенный часъ Меша пошла къ обѣднѣ; но вопъ несчастіе! Съ нею Бригитта, и лице ея закрышо покрываломъ, такимъ же непроницаемымъ, какъ и занавѣсъ! Франкъ вздохнулъ, проводилъ глазами прекрасную Мешу и грозную машь ея до самой церкви; онѣ вошли въ церковь, черезъ полчаса изъ нее вышли, попомъ зашворилась за ними и дверь хижины, а занавѣсъ всё ни съ мѣста.

Можно ли описать горестъ Франка? Не видашь Мешы — какое мученіе! думалъ, и наконецъ рѣшилъ не показываться у окна, чтобы успокоить Бригитту. Но какъ же узнать, что занавѣсъ опдернутъ, и что окно сосѣдокъ открыто? Любовь изобрѣтательна. Франкъ продаетъ одинъ изъ своихъ драгоценныхъ камней, покупаетъ большое зеркало, устанавливаетъ его такъ, что вся хижина Бригитты въ немъ отражается; попомъ садится къ нему лицомъ, а спиною къ окну, и не сводитъ съ него глазъ. Проходитъ день, проходитъ другой, еще про-

ходишь пять дней, на шестой — о радость! занавѣсъ отдернутъ, окно отворилось, и въ него выглянула прелестная Меша. Франкъ не обманулся; Бригитта, не видя его передъ окномъ, вообразила, что онъ перемѣнилъ жилище, сняла съ окна темный занавѣсъ, который мѣшалъ имъ работашь, и зеркало Франково начало представлять ему очень ясно все то, что дѣлалось въ Бригиттиной хижинѣ. Но этого было для него не довольно, Меша не знала, Меша не могла вообразить, что есть подлѣ нее такой человекъ, который всякую минушу обѣ ней мыслишь, который никого вромѣ ея не видишь. Какъ сдѣлать, чтобы она обѣ этомъ узнала? Опять начинается онъ думашь, и думалъ долго, и наконецъ выдумалъ средство, по его мнѣнью, вѣрное. Какое? А люшна — развѣ забыли вы о Франковой люшнѣ? Сказашь правду, онъ не былъ музыкантъ искусный; но любовь есть самый лучший учитель — и Франкъ въ короткое время сдѣлался виртуозомъ: онъ научился выражашь игрою своею и удовольствіе, и горесть, и безпокойство. Подходила ли прекрасная Меша къ окну — стройная люшна изображала радость и щастіе; оспавалась ли она у окна — звуки спановились нѣжны, выразишельны, они прогали душу, извлекали изъ глазъ слезы; удалялась ли она отъ окна — люшна изобража-

ла горестъ и муку; медлилали она возвратишься къ нему — гармонія выражала нешерпѣливостъ; являлась ли вмѣсто ея Бригитта — люшна молчала; однимъ словомъ, никакой челоѳческой языкъ не могъ обьясняться выразишельнѣэ эпоѳ люшны, и Меша наконецъ почувспвовала, чего желалъ отъ нее невидимый музыкантъ; она въ свою очередь начала выдумывать средства, какъ опѳвѣчать ему, не говоря ни слова; наконецъ выдумала, и прекрасное.

Машушка! сказала она однажды Бригиттѣ, я люблю цѳшны, и никогда ихъ не вижу: мы рѣдко выходимъ въ поле — не лзя ли мнѣ поставишь на окно два или три горшка съ цѳшами?

Бригитта не захотѣла опказать въ эпомъ невинномъ ушѳщеніи своей Мешѣ. И она также слышала всякой Божіѳ день люшну, но она понимала ее совсѣмъ не такъ, какъ Меша; она протто думала, что въ хижинѣ Франковой поселился музыкантъ, спраспно привязанный къ своему искусству, и что эпотѣ музыкантъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своей люшны; она хвалила его искусство, и Меша хвалила его также, но съ равнодушіемъ, чтобы не подать никакого подозрѣнія. „Эпотѣ музыкантъ, говорила Бригитта,

вравился мнѣ гораздо болѣе, нежели празд-
 ный Франкъ, который по цѣлымъ днямъ
 просиживалъ у окна безъ всякаго дѣла и зѣ-
 валъ на проходящихъ. Разпочивъ свои день-
 ги, онъ разпочалъ безжалостно и время,
 не принося ни себѣ, ни другимъ пользы; на-
 прошивъ эполтъ музыкантѣмъ своею прекра-
 сною игрсю веселилѣ насъ, когда мы си-
 димъ за пряжею, и наша работа идетъ го-
 раздо лучше. Меша не отвѣчала ни слова;
 но она догадывалась, что Франкъ и музы-
 кантѣ-невидимка одинъ человекъ. Она слу-
 шала съ великимъ вниманіемъ музыку, ко-
 гда сидѣла за самопрядкою, и оставляла свою
 работу для однихъ шолько цвѣтшвъ, за ко-
 торыми смотрѣла очень прилѣжно. Франкъ
 обрадовался чрезвычайно, когда увидѣлъ въ
 зеркало, что на окнѣ Мешы появились цвѣ-
 шы — роза и миртѣ. Цвѣшы и люпна
 сдѣлались скоро самымъ понятнымъ язы-
 комъ для Мешы и Франка. Меша, согла-
 суясь съ звуками невидимой Люпны, сбли-
 жала свои горшки, когда уходила отъ сво-
 его окошка на одну шолько минушу; и
 спавила ихъ очень далеко одинъ отъ дру-
 гаго, когда ея отсутствіе должно было про-
 должиться нѣсколько часовъ; но роза при-
 касалась къ мирту, когда Меша сидѣла
 подъ окномъ. А игра люпны соотвѣстство-
 вала движенію цвѣтшвъ, и наконецъ Меша
 по многократному опыту увѣрилась, что

музыкантѣ - невидимка ее видитѣ, и такѣ же хорошо понимаетѣ языкѣ цѣвцовѣ, какѣ она языкѣ люины.

Франкѣ, обѣдая съ своею хозяйкою, иногда заводилѣ разговорѣ о сосѣдкахѣ. Всѣ обстоятельства ихѣ были ему извѣстны; наконецѣ узналѣ онѣ, что Мелѣ весьма хотѣлось имѣть новое платье, и что Бригитта отказывала ей въ этомѣ удовольствіи, потому единственно, что въ этомѣ годѣ, за дороговизною льна, не могли онѣ выработать достаточнаго числа денегѣ и на нужды.

Долго ли думаетѣ Франку? Бѣжитѣ къ золоухѣ дѣлѣ масшеру, продаетѣ одинѣ изѣ оставшихся у него драгоценныхѣ камней; на всѣ вырученныя деньги покупаетѣ льну, уговариваетѣ одну стоворчивую торговку опнести этомѣ ленѣ къ Бригиттѣ и продать его за бездѣлицу — такѣ и сдѣлалось. Бригитта была въ Восхищеніи опѣ своей находки, а въ слѣдующее Воскресенье, въ часѣ обѣдни, Франкѣ имѣлъ удовольствіе увидѣть Мелу идущую по улицѣ въ новомѣ платьѣ, которое весьма ей было къ лицу и увеличивало ея прелести.

По Воскресеньямѣ не прядутѣ, и Бригитта провожала Мелу къ обѣднѣ. Вообра-

зивъ, что онъ уже удалился, Франкъ подошелъ къ окну, желая полюбоваться Мешою и посмотрѣвъ, какова она съзади въ новомъ прекрасномъ платьѣ; въ эту минуту и Меша оборотила голову, чтобы поправить прекрасное платье, и быспрой взглядъ, брошенный спороною на окно соседа, который стоялъ передъ нимъ съ своею люшнею, удостовѣрилъ ее, что она не ошиблась въ своей догадкѣ, что музыкантъ-невидимка и миловидный Франкъ одно и то же: она обрадовалась, а возвращаясь домой, такъ сблизила свои горшки, что одна изъ розъ, совершенно разпускившаяся, переплелась съ зеленою вѣшкою мирпа. Въ эту минушу заиграла и люшня, и заиграла такъ нѣжно, такъ нѣжно, что никакое перо эшаго не опишетъ. Но, увы! щаспливѣйшая минуша въ жизни бываетъ не рѣдко очень близка къ несчастной; Франкъ испыталъ это на самомъ дѣлѣ. Бригипша была такъ довольна дешевою покупкою льна, что захопѣла и всегда покупать его такъ же дешево: она пригласила къ себѣ на обѣдъ услужливую порговку, поставила передъ нею на столъ блюдо пшена варенаго на молоко съ сахаромъ, жареную индѣйку и бупылку ма-лаги. Кончивъ обѣдъ и опорожнивъ бупылку, Бригипша спросила: не лзя ли еще доспать ей шакого же льна, за шакую же дешевую цѣну? — Я не знаю, отвѣчала пор-

говка; улыбаясь — будешь ли продавецъ мой по прежнему доброхошень и разсудить ли опять подарить ее своими деньгами? Слово за словомъ; и наконецъ Бригитта узнала, что продавецъ льна; музыкантъ - невидимка; и Франкъ, одинъ человекъ; все это увѣрило ее, что любовь Франка къ Мешѣ не прекратилась, и что онъ по прежнему живетъ у нихъ въ сосѣдствѣ. Она взглянула на Мешу; Меша сидѣла пощупивъ глаза, покраснѣвши, какъ роза; переплешенная съ зеленою миршою, въ задумчивости, наслаждаясь мысленно любовію Франка; и нѣсколько сожалѣя, что Бригитта объ ней узнала. Бригитта съ своей стороны сердилась, осыпала укоризнами бѣднаго Франка, величала его обольстителемъ, мошенникомъ; лѣнникомъ. Не смотря на слезы и прозѣбы Мешы; новое прекрасное платье было продано, а деньги, вырученныя за него и за оспаповъ льна; возвращены Франку съ надписью: *изъ Гамбурга*. Получивъ эти деньги; онъ обрадовался неожиданной помощи, и побѣжалъ къ зеркалу, чтобы удвоить радость свою взглядомъ на Мешу... Боже мой! что онъ увидѣлъ! окно задернуто опять тѣмъ же ужаснымъ занавѣсомъ; который приводилъ его и прежде въ опчяніе. Но горшки сполнѣ еще на окнѣ — они избавились отъ пре-

нищательнаго взора Бригитты — прекрасная роза все еще переплетена съ зеленымъ миршомъ: это оживило нѣсколько душу печальнаго Франка. Ждашь, подождашь — напрасно! занавѣсъ неподвиженъ. Около вечера онъ заколыхался — его опдернули — Франково сердце запрепепало — онъ приближается къ зеркалу, и что же видитъ? Сухую руку Бригитты . . . она безжалостно отдѣляетъ розу отъ мирша и уноситъ горшки одинъ за другимъ въ горницу. Но любовь доставила ему послѣднее утѣшеніе: онъ видѣлъ позади Бригитты прелестную Мешу, видѣлъ, что она ушпирала глаза бѣлою своею рукою; онъ въ ту же минушу заигралъ на люпнѣ и такъ жалостно, такъ заунывно, что всѣ проходившіе неволь-но останавливались передъ окномъ его жижины. И Бригитта слышала звуки — въ эту минушу все для нее обяснилось: любовь Мешы къ цвѣшамъ началась въ то самое время, въ которое началась и музыка въ домъ сосѣдки. Съ одной стороны люшня, съ другой цвѣшны! это языкъ любви! какое сомнѣніе! и Бригитта рѣшилась какъ можно скорѣе перебраться свое жилище.

И на другой день Франкъ имѣлъ удовольствіе проникнуть во внутренность Мешиною горницы; но это удовольствіе было минувшее. Занавѣса уже не было, но

шавже не было ни Мешы, ни Бригишцы, ни самопрялки, ни розы, ни мирпа, ни надежды — все исчезло! Бѣдный Франкѣ! бѣжишь, спрашиваешь, узнаешь, что сосѣдки его оставили ночью свою хижину, что онѣ переселились неизвѣстно куда — бѣдный Франкѣ! Первые два дни посвящены были горести; на третій началъ онѣ думать о томѣ, какимъ бы способомъ отыскашь и Бригишцу и Мешу. — „Я отыщу ихъ, ешьли онѣ еще въ Бременѣ.“ — Онѣ вспомнилъ, что Меша весьма набожна, что она всякое утро ходишь ко обѣднѣ — и вотъ начинаешь онѣ бѣгать изъ церкви въ церковь. Ешьли любовь можетъ дать паланты, по еще скорби можетъ она сдѣлать набожнымъ. И Франкѣ, при входѣ въ каждую церковь, спановился на колѣни и начиналъ со слезами молишься, чшобъ милосердное Небо возвратило ему обожаемую Мешу. Въ одинъ день (конечно молива его была усерднѣ обыкновенной) оборачиваешь онѣ голову и видишь неподалеку отъ себя — Мешу; она стояла на колѣняхъ, молилась, и молилась, можетъ ешь, шавже о томѣ, чшобы опять услышать люшню своего сосѣда. Вотъ она гшала; оглянулась; взоръ ея вспрѣвился въ его взоромъ, опустился въ землю; она покраснѣла; но вотъ она идетъ медленнымъ шагомъ изъ церкви, у выхода спанавливается, оборачиваешь глаза назадъ, опять

ихъ опускаетъ, опять краснѣетъ. Франкъ споймѣтъ какъ очарованный — едва дышитъ — но Меша уже удалась. Онъ опомнился, побѣжалъ изъ церкви и не переспаивалъ слѣдовать за Мешою; ибо желалъ узнать, гдѣ новое жилище ея; но слѣдовалъ за нею издавна, опасаясь ужасной Бригитты; въ этомъ случаѣ однако ему удалось обмануть ея прозорливость: Бригитта, которая не хотѣла перестать своего времени, ходила къ обѣднѣ только по Воскресеньямъ и праздникамъ; во всѣ прочіе дни опускала она Мешу одну въ церковь, а сама оставалась за самопрялкою. И Франкъ началъ ходить къ обѣднѣ во всѣ простые дни; въ праздники и по Воскресеньямъ молился онъ дома. Онъ видѣлъ Мешу, видѣлъ, съ какою набожносцію она читала свои молитвы, и думалъ: она молилась за меня — и онъ не ошибался. Меша, которая очень часто встрѣчалась съ глазами Франка, чувствовала, что они говорили *какъ людина*; скоро безмолвный красавецъ, который смотрѣлъ на нее такъ нѣжно, такъ нѣжно, что сердце ея пренепало и наполнялось радостію, сдѣлался ей милѣе всего на свѣтѣ, а наконецъ и ея глаза начали выражаться какъ *роза и мирты*.

Но Франкъ не одинъ смотрѣлъ на Мешу и находилъ ее прекрасною. Молодой живописецъ, новый сосѣдъ Бригитты, гдѣ-то,

очень богатой человекъ, всякой день видѣлъ Мешу, проходящую мимо его сперва въ церковь, потомъ изъ церкви домой; всякой день казалась она ему лучше, нежели наканунѣ, и всякой день увѣрялся онъ болѣе и болѣе, что она рождена смотрѣнь за его пивоварню. Какая она скромная, какъ любившъ опрятность, какъ богомольна! Какая небесная благодать сойдетъ на пивоварню мою съ такою женою! . . . И нѣсколько дней онъ восхищался пріятностію Мешы; потомъ нѣсколько дней думалъ; потомъ поспавилъ большую свѣчу передъ Образомъ Святаго Венедикта, своего патрона; потомъ, вырядившись въ праздничный кафтанъ, навѣстилъ Бригитту— въ это время прекрасная Меша стояла у обѣдни, почти рядомъ съ Франкомъ, поглядывала на Франка и молилась за Франка.

Венедиктъ нашелъ Бригитту за самопрялкою, сказалъ ей свое имя, потомъ безъ дальнихъ околичностей объявилъ желаніе свое жениться на Мешѣ; потомъ началъ расчислявать по пальцамъ, сколько у него денегъ, какую огромную имѣеть онъ пивоварню, какой у него прекрасной домъ въ городѣ, какой обширной огородъ съ хмѣлемъ за городомъ, сколько богатыхъ уборовъ накупилъ онъ для своей невѣсты и ея матери. Глаза Бригитты сверкали

опѣ радости. Наконецъ, говорила она про себя, сбылось мое предсказаніе, нашелся женихъ и женихъ богатый. Она посмопрѣла на самопрялку свою съ презрѣніемъ, пошомъ на богатаго Венедикша съ благодарностію и въ шу же минушу ударила бы съ нимъ по рукамъ, когда бы, слѣдуя обычаю, не надлежало ей потребовать у него осьми дней на размышленіе. И такъ она сказала Венедикшу, что дастъ ему отвѣтъ черезъ недѣлю. „И надѣюсь, отвѣтъ пріятный, прибавила она, пожимая ласково его руку.“ Венедикшъ просился съ Бригитшою, исполненъ будучи веселой надежды, а его прелесная невѣста возвратилась изъ церкви съ живѣйшею любовію къ Франку. Они опять увидѣлись, и глаза ихъ говорили яснѣе прежняго. Метѣ нашла великую перемену въ своемъ домѣ: самопрялки были прибраны, ленъ, прежде висѣвшій на стѣнахъ большими связками, опнесенъ былъ на чердакъ, и Бригитша сидѣла на деревянномъ стулѣ, поджавши руки, съ великою важностію, въ пріятномъ бездѣйствіи, какъ прилично почтенной женщѣ богатаго пивовара Венедикша. Не давъ времени Метѣ осмолиться, начинаетъ она ей описывать, какую благодать посылаетъ имъ Царь Небесный въ богатомъ Венедикшѣ, у котораго есть прекрасный домъ въ городѣ и большой огородъ съ хмѣлемъ за городомъ. Но какъ

описашь ея удивленіе, когда Меша, вмѣсто того, чшобы обрадовашься такому благополучію, зашрепешала, поблѣднѣла, воскликнула: *ни за что въ свѣтѣ . . . лучше умереть!* и упала безъ памяти къ ногамъ Бригишпы.

Никогда въ жизни, даже при неожиданномъ извѣстїи о пошопленїи мужа, не чувствовала Бригишпа такого ужаса, какъ въ эту минушу. Увидя Мешу безъ чувствъ, блѣдную, неподвижную, она вообразила, чшо ея милая дочь, ея послѣднее ушѣшенїе, умерла — и едва не лишилась разсудка; но Меша черезъ нѣсколько минушъ пришла въ себя, и видя опчаянїе мапери, начала ушѣшашь ея своими ласками; но она снова обливалась слезами, когда Бригишпа напоминала ей о замужствѣ. На другой день Меша была задумчива и плакала — а Бригишпа не переспавала говорить о Венедиктѣ; на третїй день, проведя цѣлыя двѣ ночи безъ сна, Меша насилу могла вспашь съ постели, насилу могла смощрѣшь на блѣдый свѣтъ, глаза ея были шѣмны, лице блѣдно — Бригишпа посмащривала на нее съ безпокойствомъ и упоминала о Венедиктѣ гораздо рѣже. На четвертый день Меша, совсѣмъ разслабленная безсонницею, не могла уже вспашь съ постели, чувствовала жаръ — Бригишпа испугалась, при-

ложила руку къ головѣ Мещы, почувствовала, что она горѣла, заплакала, поцѣловала свою дочь въ разкраснѣвшуюся щеку и сказала ей съ нѣжностію; милый другъ, ты мнѣ всего дороже на свѣшѣ! захочу ли я выдать тебя неволею за такого человѣка, который пропишетъ своему сердцу! пусть богатый Венедиктъ ищетъ себѣ другой невѣсты; а мы ему откажемъ. И сухие глаза Мещы опять оживились; она приложила къ сердцу руку своей матери, улыбнулась и черезъ нѣсколько минутъ заснула спокойнымъ сномъ. На другой день была она весела по прежнему, и сидя за самопрядкою, раздѣвала, какъ канарейка, обыкновенную свою цѣсенку. Въ назначенный срокъ богатый Венедиктъ посѣтилъ Бригишшу, и получилъ отъ нее отказъ такой ласковой, такой привѣтливой, что не возможно было не принять его съ благодарностію.

Дней черезъ пять пробхалъ онъ мимо оконъ Бригишши съ прекрасною женою, за ними слѣдовала великолѣпная свадебная церемонія. Меща сказала про себя; слава Богу! Бригишша вздохнула. Пошомъ все пришло въ прежній порядокъ: Меща совсемъ успокоилась; пивоваръ поставилъ другую свѣчу передъ Образомъ Святаго Венедикта; самопрядки опять начали вертѣть.

ся ; а Меша и Франкъ каждое утро поглядывають другъ на друга у об. дни . одна Бригитта не съ такимъ веселымъ духомъ сидла за пряжею ; она часто говорила со вздохомъ : какъ всѣ веселились на свадьбѣ Венедикта ! Ахъ, Меша ! естли бы ты была его жеңою ! Но Меша не говорила ни слова ; она улыбалась , цѣловала у машери своей руки и думала о Франкѣ ,

Между тѣмъ и Франкъ начиналь разсуждають самъ съ собою : разговаривая съ Мешою нѣжными взглядами , молясь съ нею въ одной церквѣ Богу , онъ все оставался бѣденъ по прежнему ; а можно ли съ бѣдносшю показаться на глаза Бригитты ! Побдемъ въ Антверпенъ — сказалъ онъ однажды самому себѣ — покойникъ отецъ мой имѣлъ когда-то въ эгомъ городѣ должниковъ ; всѣ они , правда , по бѣдносши своей оказались неспособными плащить ; но Богъ милосливъ , можеть быть нѣкоторыя изъ нихъ шеперь уже разбогашвли , можеть быть найду въ нихъ и совѣсшь ; они заплащатъ мнѣ старый долгъ — и Меша моя ! Ёду въ Антверпенъ ! Но что же подумаетъ Меша , естли вдругъ перестану ходишь въ церковь ? Она вообразитъ , что я умеръ , или что я пересталъ ее любишь ! огорчипся , попомъ утѣшипся , попомъ можеть и выдши замужъ ! Какимъ образомъ предо-

хранишь себя отъ шакого нещасія? — Любовь, какъ извѣстно, очень богата вымыслами. Франкъ опдалъ половину своихъ денегъ Священнику шой церкви, въ копорую Меша всякой день приходила молишься, и опдалъ ихъ съ шѣмъ, чшобы онъ всякой день передъ Образомъ Богоматери, покровишельницы пупешествующихъ, во время обѣдни чшпалъ молишву обѣ успѣхъ и скоромъ окончаніи его пупешествія. Это средство имѣло свое дѣйствіе. Меша пришла къ обѣднѣ; глаза ея искали вездѣ Франка, но Франка не было нигдѣ; вдругъ слышпвъ она молишву о пупешествующемъ: глаза ея наполнились слезами; поднялись къ небу, и она съ глубокимъ чувствомъ повпорила ее за Священникомъ.

Оспавимъ Мешу молишься, надѣяшься, и, сидя за самопрялкою, думашь о шомъ, кшо милъ ея сердцу, и послѣдуемъ за Франкомъ. Онъ шелъ пѣшкомъ по большой дорогѣ, былъ задумчивъ, иногда мечпалъ о будущемъ, копорое предспавлялось его воображенію со всѣми очарованіями надежды, повпорялъ самому себѣ обѣщаніе не быть разпочишельнымъ, и въ доказательство, что можешъ его исполнишь, оспанавливался въ самыхъ бѣдныхъ шранширахъ и ѣлъ шолько для шого, чшобы не умерешъ дорогою съ голоду. Въ то время пупешествен-

ники не были такъ безопасны, какъ нынче: въ лѣсахъ жили разбойники, а владѣльцы замковъ были и сами не лучше лѣсныхъ разбойниковъ; сверхъ того и дьяволъ нападалъ иногда на бѣдныхъ путешественниковъ. Но Божіе милосердіе хранило Франка; онъ невредимо дошелъ до Антверпена. Пышность эшаго города привела его въ изумленіе: на улицахъ толпился народъ, а въ лавкахъ блистали бѣгашства. Самъ Богъ вложилъ въ мое сердце намѣреніе придти въ эшопъ городъ, думалъ Франкъ; здѣсь возвращу опять то, чего лишила меня разпачишельность, и черезъ нѣсколько времени Меша будетъ моя. Онъ останавливается въ лучшемъ пракширѣ города, спрашиваетъ у пракширщика о должникахъ своего ошца, и узнаетъ, что они всѣ разбогатѣли и всѣ почищаются очень чеспными людьми; великъ принести въ горницу бушылку лучшаго вина, пьетъ за здоровье добрыхъ людей, сказавшихъ ему такое пріятное извѣстіе, попомъ идетъ въ опведенную ему горницу, ложится спать и видитъ самые веселые сны.

На другое утро посѣщаетъ онъ своихъ должниковъ — одинъ, признавши вексель, не вривъ, что Франкъ сынъ Мельхіоровъ, и угрожаетъ ему шюрьюю; другой не признаетъ ни векселя, ни Франка, и такъ же упоминаетъ о шюрьмѣ; прешій, при-

знавши и вексель и Франка, сыпаетъ ласками своего гостя, приглашаетъ его въ себя на обѣдъ, послѣ обѣда развертываетъ свои счефы, начинаетъ вычислять всѣ издержки свои на пересылку товаровъ его опцу, проценшы, проценшы на проценшы, подводитъ *итогъ*; потомъ доказываетъ, какъ дважды два четыре, что не онъ Франку, а Франкъ ему обязанъ платишь значущую сумму, пребуетъ уплаты; потомъ услышавъ, что Франкъ не въ состоянїи съ нимъ расплатишься, великъ, безъ всякихъ околнчсстей, запереть его въ городскую тюрьму.

Бѣдный Франкъ! можно ли описать его горесъ! Онъ думаетъ что Ангелъ хранишель отъ него опспунился! Спрадатъ въ тюрьмѣ, спрадатъ въ разлукѣ съ Мешою . . . лучше умереть! Такъ, умереть! и для чегожъ опкладывать? но у него нѣтъ оружїя — ему подають кусокъ хлѣба и кружку воды; онъ не хочетъ къ нимъ прикоснуться! Два дни мучитъ онъ себя голодомъ; на прешїй природа и любовь къ жизни побѣдили опчаянїе; онъ покорился своему жребїю, опсаясь жить, плаканъ, мечпанъ о Мешѣ, и иногда, посреди ужасовъ тюремнаго мрака, находишь удовольствїе въ своихъ мечпанїяхъ.

Въ одну ночь привидѣлся ему сонъ, и сонъ удивительный: вдругъ видитъ, будто онъ въ Бременъ, и въ помъ саду, который сгнняли у него съ домомъ; будто отецъ его Мельхїоръ копаетъ заступомъ яму, ставитъ въ нее кованный сундучокъ съ деньгами, и забросавъ ее землю, говоритъ: сынъ мой, Франкъ! эти деньги пригодятся тебѣ въ несчастїи; молись о душѣ Мельхїора. Такой чудесный сонъ поразилъ чрезвычайно Франка и видѣлся ему при ночи сряду, думавши о немъ очень много, Франкъ наконецъ увѣрился, что онъ пророческій. Мѣсто въ саду, гдѣ, по свидѣтельству сновидѣнїя, должно находишься сокровище, глубоко запечатлѣлось въ его памяти. . . . Онъ пишетъ записку къ своему заимодавцу, въ которой общаетъ расплатиться съ нимъ непременно, еслии онъ возвратитъ ему свободу и опуститъ его обратно въ Бременъ. Займодавецъ разсчелъ, что для него не было никакой выгоды мучить должника своего въ шюрмѣ, согласился на его требованїе, далъ ему пять ефимковъ на дорогу, и Франкъ опять отправляется въ путь.

Какъ долго продолжалось его путешествїе, не знаю; но вошъ онъ уже опять въ Бременъ, опять въ своемъ предмѣстїи, опять въ той низкой темной хижинѣ, въ которой провелъ столько щасливыхъ

минуть, играя на лютнѣ и смотря на прекрасную Мешу. Не лзя описать тѣхъ чувствъ, копорыми наполнено было его сердце, когда онъ всступилъ въ свое прежнее жилище: прошло болѣе года, какъ онъ оставилъ Бременъ! Сколько переменъ могло случиться въ это время! Жива ли Меша? и естли жива, помнишь ли Франка? — Онъ съ препомъ начинаеть спрашивать свою хозяйку, и къ неописанной радости узнаеть, что Меша по прежнему сидишь за самопрялкою подлѣ своей машери, и что она всякой Божій день ходишь къ обѣднѣ въ свою приходскую церковь.

И Франкъ, успокоясь сердцемъ, начинаеть думать о исполненіи своего предпріятія. Онъ повѣрилъ пророческому сновидѣнію, и на немъ основаны были всѣ его надежды. Онъ съ неперпнѣемъ дожидается ночи — наконецъ солнце сѣло, показался мѣсяць, небо усѣялось звѣздами. Франкъ помолившись съ усердіемъ Богу, беретъ заступъ и идетъ за городъ, прямо въ потъ садъ, копорый нѣкогда принадлежалъ ошцу его Мельхіору. Сокровище, по свидѣтельству сна, зарыто было подъ розовымъ кустомъ, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ сада. Луна свѣшила ярко — Франкъ очень скоро находить знакомой кустъ, усѣянный множествомъ пышныхъ розъ, копорыхъ благовоніе далеко разливалось. Франкъ на-

чинаешь копать землю — чувствуешь, что заснувь ударился во что-то твердое — продолжает рыть, и наконецъ глазамъ его представляется кованый желѣзомъ сундукъ, довольно большой и чрезвычайно тяжелый. Къ верхней скобкѣ привязанъ былъ ключъ, почти сбѣденный ржавчиною; Франкъ съ великимъ усиленъ опираетъ замокъ — наконецъ кровля поднята — о радость! сундукъ наполненъ золотыми деньгами. Наверху лежитъ бумажка; Франкъ беретъ ее, развертываетъ — рука Мельхїора — онъ читаетъ: „Я знаю, сынъ мой, Франкъ! „что ты не будешь въ состоянїи сохра- „нить оставленнаго мною тебѣ богатства; „я даже увѣренъ, что ты со временемъ „придешь въ бѣдность; надѣюсь однако, „что ты не продашь этого сада, который „я любилъ и который украшалъ было мнѣ „паче прїянно. Сокрытое здѣсь сокровище „пригодится тебѣ въ то время, когда, из- „правленъ будучи нищетою и несчастїемъ, „ты узнаешь истинную цѣну бережливости. „Я предстану тебѣ во снѣ и скажу, гдѣ мо- „жешь отыскать этого кладъ. Употреби „его въ пользу; женись, и не забывай мо- „литься о грѣшной душѣ отца своего „Мельхїора.“

Франкъ упалъ на колѣни, поднялъ ру-
ки къ небу, нѣсколько минутъ молился,

попомъ поклявшись повиновался наспа-
вленіямъ отца своего, принялся выбиратьъ
изъ кованаго сундука червонцы — но ихъ бы-
ло слишкомъ много и одинъ человекъ не
могъ бы поднять такой тяжелой ноши —
чтожъ сдѣлалъ Франкъ? Онъ перешаскалъ
ихъ мало по малу въ дупло спараго дуба,
находившагося въ полѣ, неподалеку отъ
садоваго забора, попомъ засыпалъ землею
пустой сундукъ, опкланялся розовому ку-
спи и побѣжалъ обратно въ городъ. Три
ночи сряду ходилъ онъ къ дуплисту
дубу — наконецъ сокровище все перенесено въ
маленькую его хижину. Франкъ спѣшилъ
навѣстить того Священника, которому при-
отвѣдъ своемъ далъ онъ деньги, чтобъ вся-
кую обѣдню чинить молишву о успѣхѣ и ско-
ромъ окончаніи его путешествія; онъ даетъ
ему двойную сумму и велитъ чинить дру-
гую, благодарственную молишву; о щаспли-
вомъ возвращеніи путешественника въ от-
чизну. Меша услышала новую молишву;
сердце ея успокоилось; она искала глазами
Франка, но Франка не было въ церковь. Что
это значитъ? спрашивала она сама у се-
бя съ замѣшательствомъ, и молишва ея
не была уже такъ усердна, какъ прежде,
ибо она думала объ одномъ только Франкѣ.

Но Франкъ не терялъ времени: онъ
вунчалъ огромный домъ, попомъ украсилъ

его великолѣпно; попомъ объявилъ на биржѣ, что имѣя большую сумму денегъ, намѣренъ открыть банкъ и завести значущій торгъ; попомъ возобновилъ знакомство съ нѣкопорыми знаменитыми купцами, имѣвшими обширный кредитъ, и заперилъ двери свои для тѣхъ празднующевъ, которые, за нѣсколько лѣтъ, помогали ему разпочать Мельхѣоровы богатства. Во все это время ни разу не показался онъ на глаза Метши — но онъ опираясь свое щастіе для того единственно, чтобы насладиться имъ послѣ съ большею живостію.

А Метша, нѣжная Метша — что она дѣлаетъ? что она думаетъ? Метша сидитъ за пряжею и плачетъ. И благодарственная молитва въ приходской церквѣ, и слухи, носившіеся по всему городу Бремену, извѣстили ее, что Франкъ, Мельхѣоровъ сынъ, возвратился изъ Антверпена, что онъ разбогатѣлъ по прежнему, что онъ купилъ себѣ огромный домъ — и Метша, которая уже не видитъ Франка въ приходской церквѣ, которой глаза не вспрѣчаютъ уже съ его глазами, исполненными нѣжнаго пламени, оплакиваетъ свою нищету и проклинаетъ богатство, измѣняющее человѣческое сердце.

Спустя нѣсколько дней, навѣщаетъ Бригитту одна сосѣдка и рассказываетъ, что

Франкъ, Мельхіоровъ сынъ, женился, что онъ ошдѣлываетъ великолѣпно домъ свой, и что на сихъ дняхъ прибудетъ къ нему изъ Антверпена богатая невѣста. Меша поблѣднѣла, сердце ея замерло. Она не могла снести своего горя, бросилась на шею къ Бригиттѣ, залилась слезами и начала разсказывать ей, какъ она любила Франка, что съ нею случилось съ первой минушы ея съ нимъ знакомства, и какое для нее нещасіе, что сердце его такъ непостоянно. Бригитта плакала вмѣстѣ съ своею дочерью. „Ахъ, бѣдная моя Меша! говорила она, для чего не согласилась ты выдти за богатаго Венедикта? Онъ сдѣлалъ бы тебя щасливою; онъ тебя любилъ, не смотря на свое богатство, но ты сама не захотѣла воспользоваться милосіію Божіею.“ Меша не отвѣчала, ибо она чувствовала, что мать ея не имѣла никакого понятія о томъ щасіи, котораго шребовало ея сердце. Увы! она оплакивала не жениха, оплакивала не богатство — она оплакивала Франка и ту нѣжную, почтительную, скромную любовь, которою, по видимому, онъ былъ наполненъ и которую питала она въ своемъ сердцѣ. Она думала о тѣхъ минутахъ наслажденія, минутахъ, прелестившихъ съ удивительно быстрою, когда она сидѣла за самопрялкою, подлѣ своей матери, и слышала его нѣжную любу,

которая выражала такъ много, такъ много — шеперь и люшна, и спокойствіе душевное, и веселыя надежды, все исчезло! она забываетъ вертѣшь колесо самопрялки, слезы ея падаютъ крупными каплями на пряжу — Бригитта не знала, какъ развеселить Мешу. Она сказывала ей сказки — Меша не слушала; пѣла пѣсни — Меша еще болѣе плакала.

Въ одно утро и мать и дочь сидѣли по обыкновенію за пряжею; Бригитта молчала, а Меша была задумчива: вдругъ слышатъ онѣ пріятную музыку. Бригитта бѣжитъ къ окну — а Меша, при первомъ звукѣ, узнаетъ Франкову люшну и сердце ея забилось такъ сильно, что она не могла подняться съ мѣста. Но люшна замолчала — музыкантъ входилъ въ двери — это Франкъ. Онъ приближается къ Мешѣ. Милый другъ! говоритъ онъ, я пришелъ сюда за тѣмъ, чтобы въ присутствіи твоей матери приложить слова къ той музыкѣ, которую такъ часто слыжала ты въ прежнее время. Я тебя люблю — ты слышишь это отъ меня въ первый разъ. Дай мнѣ свою руку, и проси вмѣстѣ со мною твою мать, чтобы она благословила союзъ нашъ. — Можно ли описать, что происходило въ сердцѣ Мешы! Она краснѣла, блѣднѣла, не могла сказать ни слова, наконецъ подала свою руку Франку

и бросила на него робкій взглядъ, въ которомъ сіяла вся нѣжность ея сердца.

На другой день хижина Бригитты наполнилась торговками, купцами, поршными; множество дорогихъ вещей, множество богатыхъ маперій лежало на ея столѣ: Бригитта и Меша выбирали, что имъ нравилось, а Франкъ опсчитывалъ деньги. Дни черезъ три повелъ онъ невѣсту свою въ ту самую церковь, въ которой они такъ долго разговаривали одними взглядами, въ которой нѣмая любовь извѣщалась такъ нѣжно — и любовь щасливая не менѣе была краснорѣчива. Наконецъ Франкъ и Меша спали супругами, и они долго служили въ Бременѣ примѣромъ супружескаго согласія. Франкъ выкупилъ Мельхѣоровъ садъ и сдѣлалъ подъ розовымъ кустомъ деревянную сидѣлку. Онъ часто, въ минуты отдохновенія, приходилъ на это мѣсто съ своею Мешою, и часто на этомъ же мѣстѣ заспавлялъ дѣшею своихъ благословляшь Мельхѣорово имя.

(Съ Французскаго.) В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э К Л О Г А.

Меналкъ и Дамелъ.

Меналкъ.

Покоюсь у ручья, подъ тѣнистою твоею,
Пасухъ, мечтаешь ты въ безопасности ща-
спливой
О радостяхъ твоихъ — овечкахъ, или плодахъ,
Блещащихъ для тебя на пышныхъ деревьяхъ;
Мечтаешь, сладостной любовью упоенный,
О Сильвіи твоей . . . А я, всего лишенный,
Я горьки слёзы лью о милой сторонѣ,
О сродникахъ, друзьяхъ! . . .

Дамелъ.

Ахъ, не завидуй мнѣ!
Меналкъ! и для меня давно дни ненастные
(Тому лишь дѣвъ весны) переѣнились въ ясны?
И я сперва въ поскѣ щипалъ недѣлей день;
Искалъ покойствия, его лишь видѣлъ тѣнь.

Меналкъ.

Повѣрь, мой другъ, Дамелъ! я зависи не знаю,
И счастья другимъ, какъ и себѣ желаю;
Но дружба, но любовь, вся прелестъ жизни сей,
Угасли для меня съ весной печальныхъ дней. . .
Нѣтъ крова бѣдному среди полей родимыхъ! . . .
И нѣтъ убѣжища въ тѣни деревъ любимыхъ! . . .
Погибло все! навѣкъ! . . . Гдѣ прежде земледѣль

За плугомъ, щасливый, веселы пѣсни пѣлѣ, —
Тамъ въ хижинахъ пусныхъ лишь спонущѣ
враны злые! . . .

Гдѣ волновалися колосья золотые,
Тамъ въшерѣ носился межъ перномъ и волж-
цемъ,

И мирный серпъ жнецовъ спалъ пагубнымъ
мечемъ! . . .

Корысполубіемъ и яростію водимой,
Тиранъ опустошилъ поля спраны родимой!
Ощовску хижину, гдѣ я родился, взросъ,
Онъ въ пепелъ обратилъ — и въпрѣ ее раз-
нёсъ . . .

Тѣнисшыя дрова, гдѣ часто я опѣ зноя
Искалъ убѣжища и сладкаго покоя,
(Увы! ихъ слѣда нѣпѣ; я собственной рукой
Въ саду ихъ посадилъ, ихъ самъ поилъ водой!) . . .
Прощайте радости съ свободою злапою! . . .
Уже вы чужды мнѣ, убишому судьбою!
Простите пѣсенки! прости и шы свирѣль,
На коей при зарѣ я прелесць дружбы пѣлѣ!
Ужъ эхо звучное швое не будешъ болѣ
Въ часѣ ушра оглашать родишельское поле!
Ужъ холмы и лѣса, зари вечерней въ часѣ,
Не будущъ болѣ внимаць швой сладкой гласѣ! . . .
Простите жишницы, зелены огороды!
Цвѣшы, простише! Кто, въ часѣ бурной не-
погоды,

Иль полдня въ вредный зной опѣ смерти васѣ
спасетъ?

Вы, пчелки! гдѣ шеперь сберете сладкой медѣ?
Цвѣшы завянушъ всѣ . . . вы съ голоду помрѣше!
Ягняша смирные! вы шакже не найдете
Ни поля, ни луговъ, гдѣбѣ върный кормъ до-
спшшь:

Бѣдняжки! знатъ и вамъ голоднымъ умирашъ! . . .

Д а м е т ъ .

Учясь шерпѣшь, Меналкѣ; шерпѣнье — наша
доля!

Бышь щаспливымѣ спрадашь, — на шо есть
Божья воля!

Увы! я знаю самѣ, сколь бѣденѣ жребій швой!
И я вздыхалѣ, и я вѣ шокѣ былѣ самѣ не
свой!

Теперь гроза прошла; опяшь всего довольно,
Живу безѣ шягоспи, и щаспливо и вольно;
Хочу — рабошаю, хочу — пересшаю;
Иль сѣвши вѣ холодокѣ, беру свирѣль мою,
И вмѣстѣ сѣ Сильвией прелесшной прославляемѣ
Блаженшво нашихѣ дней; другѣ друга укра-
шаемѣ

Гирландами цвѣшовѣ; иль подѣ вечерѣ, когда
Сойдушя на загонѣ усшалыя шпада,
Играемѣ вѣ хороводѣ сѣ пасшуцками своими;
Повѣрь, Меналкѣ! цари сѣ сокровищми земными
Ничшо передо мной! Хошь я и не богашѣ,
За шо заботѣ ихѣ чуждѣ, и скромной долѣ радѣ.
Но швой печальный видѣ, пасшухѣ, меня шре-
вожишѣ;

Ахѣ! ешьли гласѣ души моей досшигнушь
можешѣ

Престола Вышняго: пускай благій Творецѣ
Пошлетѣ Меналковымѣ спраданямѣ конецѣ!
Да возвращишѣ шебя вѣ родимыя дубравы,
На лоно дружештва, любви и забавы,
Да снова будешѣ шы вѣ кругу своей семьи!

М е н а л к ѣ .

Нѣшѣ! горешѣ унесла всѣ радости мои! . . .
Какѣ часшо, жаждою и зноемѣ упомленный,
Скрывался, спранникѣ вѣ мой шалашѣ уди-
ненный!

Какъ часто я дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ послѣд-
ній мой!

Чтожь пользы? Я забылъ жестокою судьбой!

Д а м е т ъ .

Но кто жь не испыталъ, какой предатель
щастье?

То солнце надъ побой — то бурное ненастье!

Я каждый годъ богамъ при жертвы приносилъ;

Но часто горести меня лишали силъ!

То рожь созрѣвшая была дробима градомъ;

То волкъ паскалъ овецъ — не зналъ, что дѣлать
съ стадомъ;

То червь у яблонныхъ деревъ почилъ листья;

То вѣтеръ обивалъ любимые плоды. . . .

Но я былъ пвердъ, крѣпясь надеждой въ горь-
кой долъ.

М е н а л к ъ .

Надежда! Призракъ сей не льстивъ спратель-
цу болъ! . . .

Супруги я лишенъ и семерыхъ дѣшей,

Послѣдней радости моихъ увядшихъ дней!

Убийственнмъ мечемъ неистовыхъ рукою,

Сспрательцы — опроки сраженны предо мною;

Послѣдній (спрашный видъ!) — онъ былъ еще
грудной —

Зарѣзанъ на рукахъ у матери родной! . . .

Желѣса избѣжалъ одинъ лишь я несчастной,

Чтобъ плакать и вздыхать средь нищеты ужа-
сной! . . .

О добрый мой Даметъ! прости моимъ слезамъ!

Могу ль ихъ удержашь? . . . ты былъ несчастливъ
самъ!

Ты знаешь слезы даръ гонимому судь-
бою!

Ахъ! естлибъ Небеса, смягчась моей мольбою,

Велѣли солнышку яснѣе мнѣ свѣшпшь! . . .
 Ахъ! есшьли бы Онѣ грѣшились возврашпшь
 Меня на мплыя, опеческп долины:
 Тогда бы я забылъ жестокость злой судьбыны,
 И всѣ гоненія мучпшелей монхъ,
 И снова бы разцвѣлъ, чуждъ горесшей земныхъ.

Д а м е л ь.

Чѣмъ мнѣ помочь тебѣ, спрадалецъ огорченнпй?
 Хоть раздѣли со мной шалшь уединеннпй,
 Мой чорнпй вкуснпй хлѣбъ, и эшошь слад-
 кой плодъ,
 Которпй мнѣ мой садъ приноспшь каждыи годъ.
 Но впжу небеса мрачашся облаками . . .
 Паспухъ! гроза близка! ужъ громъ гремпшь
 надъ нами,
 И капли крупнпя дожда въ лпспахъ шумпшь:
 Меналкъ пособишь мнѣ загнать мопхъ ягнпшь.
 Смощри, какъ молнпя въ сѣдой дали сверкаешъ!
 О страхъ! дубъ падаешъ, глаза его пылаешъ! . .
 Ахъ! есшьли бы могли съ печальной бурей сей
 Пройши и бѣдспвпя швопхъ ненасппныхъ дней! . .

А. Мещ . . . вскпй.

Д р у ж б а.

О Дружба, даръ прелесшнпй,
 Удѣлъ щасшлпвпй мой!
 Съ побою неизвѣспны
 Мнѣ горесшь съ суешой.
 Съ побой, подъ низкпмъ кровомъ
 Я вѣчно жпшь гошовъ,
 И въ рубпщѣ суровомъ
 Несшь учасшь бѣдняковъ.

Пускай богачъ надмѣнной
Жизнь въ роскоши влачитъ ;
Пусть злапо всей вселенной
Въ глазахъ его блещитъ ;
Пускай злымъ чершогомъ
Владѣя, чшитъ себя
Царемъ иль полубогомъ , . . .
На колесѣ судьба !
Нарциссъ давно ли стройный
Гордился межъ цвѣшовъ ?
Повѣялъ вѣшеръ знойный —
И гдѣ краса луговъ ? . . .
Давно ли дубъ надмѣнной
Главою досягалъ
До тверди ошдаленной ?
Громъ грянулъ — дубъ упалъ
Быль щастія игрою
Намъ рокъ опредѣлилъ ;
Теперь оно съ побою ,
А завпра — слѣдъ простылъ .
На что, на что огромной
Чершогъ и санъ пусшой ,
Коль въ хижинѣ укромной
Могу найши покой ?
О Дружба, Ангелъ милый !
Будь спутникъ вѣчный мой,
И ужасы могилы
Ничто передо мной .

А. Мещ . . . вскій.

Орель и Чижь.

Орель.

Я полный властелинъ воздушнаго всего!

Чижь.

Я Чижь — и болѣ ничего!

Орель.

Полеша въ быспрошѣ я къ солнцу возношуся.

Чижь.

А я кругомъ пасушки व्यюся.

Орель.

Живу на крушизнахъ, внизу внимаю громъ.

Чижь.

Лизешы грудь мой милый домъ.

А. Мещ...вскій.

Къ Эльминѣ.

Эльмина! ты собой прекрасна;

Умна, добра и весела;

Съ лицомъ душа швоя согласна;

Лицомъ, какъ и душой, мила.

Въ своихъ пріяшнихъ разговорахъ

Мѣшаешь разумъ съ оспрошой;

Эльмина! ты мила въ уборахъ,

Мила и собшвенной красой.

Плѣняшь ешь швой удѣлъъ безспорный!

Леши хопъ въ Кяхшу, хопъ въ Парижъ —

Найдешь вездѣ сердца покорны!

Придешь, взоръ бросишь, побѣдишь!

Изъ Перми.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

~~~~~  
ИСТОРИЯ ТЕАТРА.  
~~~~~

*Объ Италіянской Комедіи въ XVI
вѣкѣ и о Каландріи, соч. Кардинала
Баббіенъ (*).*

*(Съ нѣкоторыми предварительными
замѣчаніями вообще о Комедіи.)*

Комедіи и Трагедія Греческая произошли отъ одного начала, а именно отъ хора Ванковыхъ празднествъ. Когда Аѳинянинъ Тесписъ учреждалъ въ хорахъ сихъ, важныхъ и благочестивыхъ, сперва одно, потомъ два, наконецъ три лица, которые представляли дѣйствіе благородное, прогашельное, возвышенное, удобное возбудишь ужасъ и жалость: въ то время другіе поэты въ шумныхъ и веселыхъ своихъ хорахъ заставляли говорить забавниковъ, которые смѣшили народъ разными шушками.

(*) Отрывокъ изъ *Исторіи Италіянской словесности* (Histoire littéraire d'Italie), соч. Г. Женгене.

Скоро потомъ сїи послѣднїе содѣлались орудїями сапифры, употребляемой правительствомъ для охуденїя пороковъ знашнѣйшихъ гражданъ, и для того чтобы оспановить возвышенїе тѣхъ, кои могущесствомъ своимъ начинали бытъ опасными. Комедїя въ сїе первое время не была общею каршиною нравовъ; тогда еще не показывали въ ней, подв вымышленнымъ именемъ и подв личиною сдѣланною безъ всякаго намбренїя, вообще скупаго, развратнаго, хитреца или честолюбца; и въ Комедїи выставляли тогда скупость именно шакого - то Афинянина, развращенные нравы другаго, происки и честолюбивыя зашнїи третьяго, и каждаго заставляли говорить и дѣйствовать подв собственнымъ его именемъ и въ личинѣ совершенно сходной съ подлинникомъ.

Такова была древняя Комедїя *Евлолїса*, *Кралїна*, *Аристофана*. Она извѣсна намъ не по шемнымъ опредѣленїямъ, ниже по описанїямъ, на котороря полагаются не можно: послѣднїй, знаменипѣйшїй изв упомянутыхъ спихотворцевъ, написалъ болѣе пятидесяти Комедїй, изв которыхъ одиннадцать до насъ доспигли. Въ нихъ видимъ и добро и зло, какїя произойши могли изв сихъ спранныхъ сочиненїй; видимъ, что однѣ и тѣ же спрѣлы направляемы были и

на порокъ и на добродѣшель, и на развращеннаго Клеона и на мудраго Сократа; нембренная насмѣшка послужила поводомъ къ гоненію на великаго мужа; началось шушкою, а кончилось ядомъ.

И тогда какъ правительсство Аѳинское, бывъ опшняпо у народа, доспалось въ удѣлѣ немногимъ гражданамъ, и тогда вольность шеапральная пользовалась бы прежними своими правами, еслибъ сочинители на однихъ только добродѣшельныхъ и мудрыхъ людей нападали: но они безпеконли знапныхъ гражданъ; и шакъ не удивительно ли, что имъ подспригли крылья? Вышло запрещеніе выспавляшь на позорище живаго, какого бы шо ни было гражданина, и называшь его по имени. Опсюда начало шакъ называемой *средней* Комедіи. Желаніе вредить ближнему не совсѣмъ лишилось своихъ способовъ: не спали упоминашь ничьего имени на шеапрѣ; но умѣли показывашь лица шакъ ясно, что и осмѣиваемые граждане и прочіе зрители легко могли догадывашься, а особливо хоръ шакъ мѣтко и шакъ сильно поражаъ своими спрѣлами, что *средняя* Комедія весьма близко подходила къ *старой*. Правительсство уничпжило хоръ, запрепило дѣлапъ явныя намѣнки, и Комедія, названная тогда *новою*, сдѣлалась шѣмъ, чѣмъ бышь ей надлежало,

то есть представлѣнїемъ общественной жизни, картиною вообще пороковъ, слабостей и смѣшныхъ привычекъ, свойственныхъ людямъ различнаго сословія. Менандръ былъ превосходнѣйшимъ изъ поэтовъ сего новаго періода. Онъ сочинилъ сто восемь Комедій; но всѣ онѣ содѣлались добычею времени, и мы знаемъ сего поэта-философа (*) только по Теренціевымъ переводамъ чепырехъ его Комедій (**); Теренція же, сего удивительнаго стихотворца, Юлій Цезарь, желая приписать ему отличную похвалу, называетъ полу-Менандромъ (***) .

Латинскіе поэты только подражали Греческимъ въ Трагедїи, а еще болѣе въ Комедїи; часто даже переводили ихъ, и въ томъ поставляли всю свою славу. *Ливій-Андроникъ*, *Енній*, *Невій*, *Акцій* присвоили Риму зрѣлища Греческія; *Цецилій* особенно отличился изящностію паланпа; Плавтъ всѣхъ ихъ превзошелъ своимъ дарованіемъ: отъ первыхъ мы имѣемъ неполные отрывки ихъ сочиненій, отъ послѣдняго девятнадцать Комедій почти цѣлыхъ.

(*) Онъ былъ ученикъ Теофраста.

(**) Онъ называется: *Евнухъ*, *Еваторти-жоруженовъ* *Гецилія* и *Аделфы*.

(***) Tu quoque, tu in summis, et dimidiata Menander, Pomeris et cct.

Многія изъ нихъ заимствованы отъ Грековъ; нѣкопорыя, какъ сказываютъ, изобрѣшены самымъ Плавтомъ; но въ сдѣлкахъ и другихъ мѣсто дѣйствія, имена, обычаи, приключенія, все Греческое. Точно такъ же и Теренціевы Комедіи, до нашего времени сохранившіяся; онѣ принадлежатъ Грекамъ и переведены съ Менадровыхъ и Аполлодорыхъ. Слѣдственно Римъ не имѣлъ ни Трагедій, ни Комедій своихъ собственныхъ; по крайней мѣрѣ не имѣлъ онъ своихъ представлений, копорымъ по всей справедливости принадлежали бы названія Комедіи или Трагедіи. Ни сатирическія представленія, принесенныя въ Римъ Епурійскими скопорами за долго еще до появленія переводовъ съ Греческихъ театральныхъ сочиненій, ни такъ называемыя Ателланскія (*), изъ страны Осковъ принесенныя позорища, смѣсь важнаго дѣйствія съ шуточнымъ, не были тѣмъ, что называется испинною Комедіею. Къ помужь для насъ ничего отъ нихъ не сохранилось; пускай себѣ

господа ученые надосугѣ доискиваются, въ чемъ подлинно состояли тѣ зрѣлища. Что касается до Комедій, копорыя назы-

(*) Отъ города *Ателлы*, копорый теперь есть нечто иное, какъ малая деревня, извѣстная подъ именемъ *Сантъ-Аррино*. Она лежитъ между Капуи и Неаполя, въ одной милѣ отъ Аверсы.

вались *Togatae* (пошому чшо акперы выходили на сцену въ Римскихъ погахъ и для прошивуположности другимъ комедіямъ же, которыя назывались *Palliatae*, для шого чшо акперы имбли на себѣ Греческія маншіи, *Pallium*), шо и отъ нихъ ничего намъ не ошалося; и мы почшо не знаемъ, дѣйствительно ли содержали они въ себѣ нравы и обычаи Римскіе, или и сіи сочиненія были Греческія же, съ шою шолько разницею, чшо въ нихъ дѣйствовали акперы одѣвые въ Римское платье.

Мимы и Паншомимы перешли въ Римъ шакже изъ Греціи, и приняшы съ неменьшимъ благоволеніемъ. Первые одолжены быштемъ своимъ хору Трагедіи и Комедіи. Хоръ сперва дѣйствовалъ пѣніемъ, пляскою и шѣловдженіями; пошомъ, опдѣлившись отъ Комедіи и Трагедіи, сосшавилъ особое зрѣлище мимическое. Должность Мимъ была представляшь Драмы весьма неправильныя, иногда важныя, иногда комическія, сопровождаемыя пѣніемъ, пляскою и шѣловдженіями; шупки ихъ были самыя низкія; акперы являлись въ шпанномъ уборѣ и въ смѣшныхъ личинахъ. Перемѣны сего зрѣлища покажутъ намъ чудной примѣръ непостоянства въ искусстввахъ и изобрѣшеніяхъ челошеческихъ.

Панпомимы произошли отъ Мимовъ. Они опдѣлились отъ сихъ послѣднихъ, почно какъ Мимы прежде опдѣлились отъ хора Трагедіи и Комедіи. Языкъ Панпомимы сосполяб единспвенно въ шблдвиженіи и пляскѣ. Нѣшб сомнѣнїя, что удовольспвіе глазб не споль живо, какъ удовольспвіе души и разума для всякаго, кпо шолько способенб чувспвовать шо и другое; однакожб признашья надобно, что гораздо болѣе такихъ людей, кои сильнѣе плѣбняющя первыми, нежели послѣдними; ибо гдѣ ни появлялась Панпомима въ сонерничествѣ съ Трагедіею и Комедіею, вездѣ и всегда осыпаема была рукоплесканїями шолпы народной, вездѣ отвлекала зршпелей ешб другихъ позорищб.

Никшо изъ акперовб не возбуждалб шажого чрезвычайнаго воспорга, какой производили въ Римѣ два славные Панпомима Пиладб и Ваѣиллб, при Августѣ. „Сей иснусный полишикб, шакб пишешб ученый Квадріо (*), зрѣлищами и увеселенїями желая смягчшп сердца гражданб, въздыхающихб о пошерянной свободѣ, и чшобы въ шо же время показашь себя повелишелемб народолубивымб, доступнымб, учаспвующимб въ забавахб общеспвенныхб, почелб за долгб

(*) Storia e ragione d'ogni poesia, Tom. V, p. 256.

всѣми возможными способами ободрять панномиму. Онъ зналъ, сколь много любили Римляне сѣ искусство.“ Для шого Августъ упопробилъ Пилада, уроженца изъ Александрии, превосходнаго въ прагическихъ панномимахъ, и Сициліянца Вавилла, любимаца Меценатова, неподражаемаго въ комическихъ и шуповскихъ представленіяхъ. Каждой изъ нихъ завелъ свою школу; ученики ихъ скоро сдѣлались между собою соперниками. Пышность ихъ и господство надъ умами до шого увеличались, что, по свидѣтельству Сенеки (*), дома ихъ во всякое время наполнены были рыцарями и даже сенаторами, приходившими къ нимъ на поклоненіе. Гордость ихъ наконецъ дошла до такой степени, какъ и обыкновенно съ людьми сего разбора случается, что самъ Августъ принужденнымъ нашелся упопробить противу ихъ способы слишкомъ суровые; любезнаго своего Пилада онъ выслалъ изъ Рима и изъ Италіи, а Гиласа, ученика его и соперника приказалъ публично высѣчь розами.

Тиверій испуганный шумомъ, какой панномимы производили въ Римъ, гдѣ сошавшимся-было уже разныя партіи въ народъ, и гдѣ общественное спокойствіе находи-

(*) Natur. Quaest. L. 7. c. 32.

лось въ опасности, опредѣливъ выгнать всѣхъ ихъ изъ Рима и изъ Италіи; народъ возсталъ противъ указа и вспунилъ за любимое свое позорище; Императоръ принужденъ былъ остановиться и удовольствоваться гнѣвъ свой повелѣніемъ сенаторамъ не входить въ домъ къ Панпомиму. Много разъ Императоры изгоняли ихъ какъ по причинамъ политическимъ, такъ и по тому, что панпомимы развращали нравы соблазнительными дѣйствіями и шлодвиженіями. Не смотря на то однажды, они опять появлялись въ Римѣ, и даже могли удержаться въ немъ послѣ нашествія варваровъ. Кассіодоръ увѣдомляетъ насъ, что они славились еще при Теодорикѣ (*); вѣроятно, что и въ Константинополѣ (**), продолжались они до того времени, пока всѣ искусства и самая Имперія восточная не пала подъ мечемъ Остроготовъ.

Мимы не только были счастливы своею судьбою; за то долѣе они существовали, или лучше сказать, бытіе ихъ непрерывно донинѣ продолжается. Шутки грубыя и опвращительныя, которыя они себѣ присвоили, скоро навлекли на нихъ презрѣніе. На играхъ своихъ они дрались и взаимно другъ другу давали поще-

(*) Epist. Var. L. 1, Ep. 20.

(**) Доказательство тому находятъ во многихъ эпиграммахъ Анеологіи.

тины; не рѣдко даже позволяли бить себя пѣвцами, которые за деньги употребляли ихъ вмѣсто шуповъ при концѣ обѣда или въ праздничныхъ увеселеніяхъ. Нѣкоторые Мимы особенно щеголяли умбньемъ своимъ представлявъ проспячковъ и полуумныхъ. Они одѣвались въ сшранные плашья, изъ множества лоскутковъ сшишья; намарывали себѣ лице сажеею; выступали въ низкой обуви, или и совсѣмъ босыми ногами; это служило признакомъ униженія въ старое время, когда трагическіе актеры обувались въ копуры, а комическіе въ сандаліи.

Впрочемъ не всѣ мимы были одинакаго разбора. Нѣкоторые долгое время удерживали прежній свой характеръ, благопристойный и важный; но при Императорахъ они мало по малу унизились и сравнились съ другими. Театральныя представленія ихъ сперва были сочиняемы вольными стихами, потомъ прозою, а наконецъ даже просто читаемыя безъ всякаго приговора. Начальникъ ихъ или Архимимъ выдумывалъ планъ, записывалъ его и назначалъ роли. Отъ произвола актеровъ зависѣло уже во время представленія мѣшавъ въ разговоръ разными шутками, кричавъ и коверкаясь для забавы зрителей. Каждой актеръ говорилъ и дѣйствовалъ, какъ ему приходило въ голову, не вышвердивши словъ напередъ, а только со-

ображаясь съ планомъ , объявленнымъ ошъ начальника.

Чѣмъ менѣе было доспоинства въ па-
кихъ предспавленїяхъ, тѣмъ легче было имъ
удержаться при упадкѣ языка и всѣхъ родовъ
Латинской словесности. Мимы , спараясь
угождашь народному вкусу , между тѣмъ
какъ онъ поршился часъ ошъ часу болѣе ,
пережили Трагедїю , Комедїю и всѣ прочїя
искусства. Въ шестомъ сполѣшїи , при
Феодорикѣ , они были въ Римѣ , равно какъ
и паншомимы , и послѣ него еще шамъ ос-
павались. Рикробони , въ *Исторїи Театра
Италїанскаго* , полагаешъ , и ка-
жешся досповѣрно , что мимы существо-
вали въ Италїи до временъ св. Фомы , по
ешъ до принадлежаго вѣка , и что сей
церковный учитель говоритъ о нихъ , ко-
гда входилъ въ изслѣдованїе , можно ли без-
грѣшно упражняшь въ искусствѣ скомор-
рошества (*histrionatus ars*). Думаешь надобно,
что сїи скоморохи или Мимы были Хри-
спїяне , какъ и всѣ жители Италїи ; вѣ-
рояшно шакже , что предспавленїя ихъ бы-
ли уже гораздо очищены ; ибо упомянушый
учитель , не спольно спрогїй , какъ многїе
другїе , рѣшительно ушверждаешъ , что въ
скоморошескомъ искусствѣ можно упраж-
няшь безъ зазрѣнїя совѣсти.

Квадріо, не упоминая о Риккони, принимаетъ его мѣнѣе и повпоряетъ всѣ его доказательства, только гораздо подробнѣ (*). Онъ, точно какъ и Риккони, думаетъ, что въ теченіе столь многихъ вѣковъ и вопреки всѣмъ перемѣнамъ, мимы непрерывно продолжались въ Іспаліи съ неписанными своими представленіями и со спранными нарядами, къ числу которыхъ очевидно принадлежатъ уборъ арлекина; низкіе башмаки его суть оспамокъ старинной обуви, а черная личина заступила мѣсто сажи, кошорою мимы въ старину лицо себѣ намазывали. Другія мимическія лица, какъ то Скапинъ, Болонскій Докпоръ, Венеціанскій Паншолонъ введены въ разные времена, когда составлялись различныя нарѣчія Іспаліянскаго языка, въ раздѣленныхъ областяхъ употребляемыхъ, и когда въ каждомъ изъ сихъ малыхъ государствъ образовались отличныя отъ другихъ нравы, обычаи и смѣшныя предразсудки.

Мимы, нѣсколько времени удерживаемые въ границахъ благоприспособности, впрочемъ не покидали смѣшнаго своего разговора, шутовскихъ кривленій и шлодвиженій ино-

(*) Ub. supr. T. V, p. 206 et seq. ed. Milan, 1744.

гда сшрашительныхъ. Когда вошло въ обычай представлять шайнства и священныя испорѣи, мимы показывали сѣи зрѣлица по своему и даже въ церквахъ. Священники мѣшались въ ихъ общество, и съ ними вмѣстѣ представляли. Около половины пятнадцатаго вѣка одинъ набожный Архїепископъ Флорентинскій (*) не могли перпѣшь щуповскихъ словъ и ивлодвиженій, упопреляемыхъ на сихъ зрѣлицахъ, ниже личинъ, кои надѣваемы были актерами, не дозволилъ въ церквахъ давать такихъ представлений, а священникамъ совершенно запретилъ дѣйствовать на позорищѣ вмѣстѣ съ сшморозами, гдѣ бы по ни было (**).

Въ концѣ шого же сполѣтїя и въ началѣ шесшнадцатаго, при возрожденїи правильной Комедїи въ Италїи, мимы продол-

(*) Аншонїй, котораго Каполики свяшымъ почитаютъ.

(**) Квадрїо перевелъ (Т. V, р. 207) съ Латинскаго языка на Италїанскїй подлинныя слова Архїепископа Аншонїя, взяшыя изъ его писанїй (Somme Theologique part. 3, tit. 8, ch. 4): *Perchè le rappresentazioni, che si fann' oggi di cose spirituali, sono con molte buffonerie mescolate, con detti o fatti irrisorii, e con maschere, perciò non si debbono esse far nelle chiese, nè da cherici in alcun modo.*

жали забавлять своимъ искусствомъ, которое оспаивалось въ прежнемъ состоянїи и спорило съ возникающимъ новымъ позорищемъ. Между тѣмъ какъ общество людей, хорошо воспитанныхъ и образованныхъ, доставляло удовольствїе немногимъ зрителямъ подражанїями Комедїямъ древнимъ, забавные мимы восхищали толпу народную на площадяхъ и публичныхъ театрахъ. Сие соперничество послужило имъ въ пользу. Они научились представлять искусство и въ большей связи свои на-скоро выдумываемыя шутки, и стали уже лучше выводить развязку. Начальникъ одной походной труппы, славный *Фламинїо Скала*, занялъ отъ правильной Комедїи все, что могло быть совместно съ его представленїями. Онъ воспановилъ обыкновенїе письменно сочинять расположенїе драмы и каждой сцены, и первой напечаталъ свои театральныя сочиненїя. Его изобрѣшенїя весьма обильны и замысловаты. Имѣя при себѣ актеровъ ловкихъ, искусныхъ, превосходно умѣвшихъ играть по вдохновенїю, онъ превзошелъ вообще всѣ труппы мимовъ и въ особеннсти всѣхъ мимическихъ актеровъ; но развратность нравовъ, бывшихъ тогда въ крайнемъ поврежденїи, увлекла и *Фламинїо* и актеровъ его за предѣлы умѣренности. Разговоръ въ ихъ театральныхъ представленїяхъ, всегда живой и замысловатой, сталъ сборищемъ

шупокъ самыхъ неблагоприспѣйныхъ и мерзостей самыхъ отвратительныхъ. Правительство нашлось принужденнымъ остановить ихъ. Знаменитый Архіепископъ Медіоланскій, Карлъ Борромей, издалъ противъ нихъ строгое опредѣленіе; но послѣ онъ показалъ, что хотѣлъ только прекратить излишества. Пастырь сей былъ человекъ просвѣщенный, и слѣдственно, исправляя злоупотребленія, не имѣлъ намѣренія уничтожить самаго искусства. Поступокъ его лучше всего опровергаетъ мнѣніе нескромныхъ святошъ, которые не полагаютъ различія между площаднымъ скоморошествомъ и доспѣйнымъ умныхъ людей зрѣлищемъ.

Медіоланскій губернаторъ потребовалъ къ себѣ общество мимовъ, и въ первое же представленіе увидѣлъ, что они совсемъ не уважаютъ благоприспѣйности; а увидѣвшишь объ Архіепископскомъ запрещеніи, тотчасъ приказалъ имъ удалиться. Мимы обратились къ самому Архіепископу, который принялъ ихъ, выслушалъ благосклонно, и дозволилъ имъ снова открыть свои зрѣлища, но съ тѣмъ, чтобы уведомляли его о каждомъ представленіи, и чтобы планы расширяемы были нарочно для того назначеннымъ цензоромъ. Черезъ долгое время послѣ того находили въ Ме-

діюланѣ плянѣ такихѣ предспавленій, за подписью самага Карла Борромея; а въ Амвросіанской библіотекѣ и теперь показывають одну рукопись, которая служить свидѣтельствомъ, что сей ученый и набожный прелатъ самъ назначалъ людей, которымъ правительсва поручаема была должность разсматривать и одобрять комедіи.

И такъ въ теченіе всего шестнадцатаго вѣка и въ началѣ семнадцатаго Театръ Италіанскій состоялъ изъ двухъ родовъ комическихъ позорищъ, изъ которыхъ одни представляемы были скоморохами, другія учеными людьми и любителями правильного Театра.

Въ продолженіе семнадцатаго вѣка, когда искусства ослабѣвали въ Италіи, мимическая Комедія взяла преимущество; сочинители предпочли простой и удобной способъ наскоро писать плянѣ, и приспавали къ обществамъ походныхъ скомороховъ, пивавшихся легкими ихъ шутками. Скоро попомъ Испанскія драмы, *Самсонъ*, *Петрово лиршество* и другія такъ называемыя Траги - Комедіи содѣлались добычею сихъ скомороховъ, которые представляли ихъ съ прибавленіемъ отъ себя разныхъ шутковскихъ нальпостей.

О сихъ - то уродливыхъ произведенїяхъ упоминали Французскїе крипики Обиньякъ, Сентъ-Евремонъ и другїе, называя ихъ Комедїею и Трагедїею Испалїянскими! Посмотримъ теперь на ходъ правильной Комедїи въ шестнадцатомъ вѣкѣ.

(*Окончаніе въ слѣд. Книжкѣ.*)

III. К Р И Т И К А.

Изслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ ловѣствуетъ лѣтописецъ Неслоръ ().*

Тоненькая печатная шепрадка сія опѣ г-на Сочинителя посвящается любителямъ древности и историческихъ истинъ. Она займетъ прїятнымъ образомъ шѣхъ, которые изслѣдованїями о спаринѣ питають любовь свою къ обществу, и можетъ быть заспавитъ ихъ нѣсколько часовъ размышлять и справляться.

(*) Въ С. Петербургѣ, въ типографїи Ивана Глазунова 1809 года. На 35 страницахъ въ 8ю долю листа.

Сочинитель начиналъ въ Лѣтописцѣхъ преподобнаго Нестора, по Кенигсбергскому списку, на страницѣхъ 130 и между произшествіями 1089 года, слѣдующія строки: „Въ се же лѣто священа бысть церковь Святаго Михаила Переяславскаго, юже бѣ соудалъ шу сущій Епископъ Ефремъ, приспрою въ ней велику сотвори, и украси ю всякою красою и церковными сосуды; сей бо Ефремъ въ сія лѣта много зданія воздвиже, заложи бо церковь на вострѣхъ Святаго Θεодора, и Святаго Андрея у вострѣ и городъ каменной и строеніе банное каменно, сего же не бысть прежде въ Руси, и украси городъ Переяславскій церковными и прочими зданіи и знаменіи.“ Слова кривыми буквами здѣсь опличенныя, заспавили сочинителя справиться, какъ мѣсто сіе предложено позднѣйшими бытописателями. Нашлось, что Тапищевъ говоритъ (*) о каменной народной банѣ, о которой въ лѣтописи не упоминается; К. Щербатовъ (**) вмѣсто одной поспавилъ всенародныя бани, и къ нимъ присовокупилъ больницы; Болшинъ (***) опровергнувъ Тапищева и Щербатова, подъ баннымъ строеніемъ раз-

(*) Росс. Ист. Кн. 2. стр. 141.

(**) Росс. Ист. Том. II. стр. 34.

(***) Примѣч. на Ист. К. Щерб. Том. 2. стр.

умѣетъ *кулъль* для крещенія *возрастныхъ*; Спратштеръ (*) гсворилъ о *каменной банѣ*, первой въ Россіи и о *всенародныхъ больницахъ*; Церковный Испорикъ (**) пишетъ, что Ефремъ заложилъ градъ Переяславъ *каменный*, устроилъ *бани каменные и больницы и врачевъ*. Сочинитель изслѣдованія не видя досповѣрности въ сихъ позднѣйшихъ испорикахъ, и чувствуя, что въ словахъ Неспора заключается совсѣмъ другое, опложилъ до удобнаго случая исполкованіе подлиннаго смысла, а между тѣмъ продолжалъ доискиваться. Въ бытность въ Кіевѣ, онъ свѣдалъ отъ многихъ шамощнихъ жипелей, какихъ польцо спрашивать ему случалось, что слово баня въ просторѣчій означаетъ *церковную главу* или *кулоль*; и что оно тамъ искони въ семъ смыслѣ было упоиребляемо; а справившись въ Паперикъ съ жипіемъ Переяславскаго Епископа Ефрема Евнуха, не нашелъ ни бань, ни больницъ, ни врачей, ни построенія града Переяславля каменнаго. По соображеніи всего, г. сочинитель открываетъ прямое значеніе того мѣста слѣдующимъ образомъ: „Епископъ Ефремъ воздвигъ много зданій, а именно: заложилъ на монастырскихъ воропахъ цер-

(*) Росс. Исп. Ч. I. стр. 145.

(**) Кратк. Росс. Церк. Ист. Ч. I. стр. 1.

„Ковъ свяаго Теодора, а ворота сныя были
 „въ башнѣ, отъ которой проведъ онъ ка-
 „менную монастырскую стѣну, или
 „ограду; да сверхъ того у самыхъ воротъ,
 „или близъ той же самой башни, соорудилъ
 „церковь свяаго Андрея, воздвигъ же и ка-
 „менное банное строеніе, *то есть камен-*
 „*ныя церковныя кулолы*, чего прежде въ
 „Руси не бывало, и такимъ образомъ укра-
 „силъ монастырь Переяславскій церковными
 „и прочими зданіи и знаменіи.“

Въ изслѣдованіи сочинителя находимъ
 четыре положенія :

1. *Еписколъ Ефремъ построилъ*
каменную стѣну монастырскую, а не
городъ. Доказательства: „Созданіе городовъ
 никогда не относилось у насъ къ обязанно-
 стямъ Архіереевъ; Переяславль былъ по-
 строенъ еще до Епископства Ефремова; сло-
 во городъ здѣсь употреблено въ значеніи г-
 рады, а упоминаетъ Лѣтописатель о мо-
 настырской стѣнѣ какъ о достопамятномъ
 сооруженіи, потому что въ то время и са-
 мая Печерская лавра можетъ быть обведена
 была простымъ деревяннымъ заборомъ.“ Да
 будетъ намъ позволено здѣсь предложить
 свои замѣчанія. Осприцаю возможность Епи-
 скопу Ефрему строить городскую стѣну,
 должно опровергнувъ и показаніе Новгород-

сваго Лѣтописца (*), въ которомъ на страницѣ 182й подѣ годомъ 6841 (1333) упоминается, что Архїепископъ Новгородскїй Василій постави городъ каменъ въ два лѣта. Изъ рукописной Софїйской лѣтописи (**) видно, что стѣна сія поновлена была въ 1364мъ году на иждивенїи казны церковной Софїйской, и что, когда она развалилась, Архїепископъ Іоаннъ впорый вновь заложилъ ее въ 1400мъ году. — Правда, что градъ Переяславль заложенъ еще 993 года великимъ Владимїромъ (***) ; однакожь можетъ спастись сперва былъ онъ деревянный ; и ежели такъ, то Лѣтописецъ не безъ причины упомянулъ о построенїи каменнаго Переяславля. — Слово городъ конечно происходитъ отъ *горожу*, и значитъ огражденїе ; но въ лѣтописяхъ оно обыкновенно употребляется вмѣсто *городской стѣны* : срубить городъ, заложить городъ, поставить городъ. — Весьма сомнительно, чтобы въ 1089 году Печерская большая церковь, уже построенная, украшенная живописью, снабженная утварями и освященная, обведена была простымъ деревяннымъ заборомъ. Съ 1077 года, по окончанїи церкви (****), Греческіе ка-

(*) Лѣтоп. Новг. Москва 1781.

(**) Хранимой въ Новгор. Софїй. соборѣ. См. Историч. разгов. о древностяхъ Новгорода. Москва 1808, стр. 13.

(***) Лѣтоп. Неспор. по Кенигсб. стр. 86.

(****) Тамъ же стр. 123.

меньшии имбли довольно времени соорудить каменную стѣну, которая въ толщину и ширину была на сажень (*). Половцамъ, въоружившимся въ монастырь Печерскій (1096), не было бы надобности собираться у воротъ (**), и высѣкать ихъ, ежелибъ не оспанавливала ихъ крѣпкая ограда.

2е Положеніе: *Елискольъ Ефрежь построилъ куполы на церквахъ, а не бани, въ которыхъ парятся.* Доказательство сочинителя: У Кіевскихъ жителей баня значить главу или куполъ; Священному неприлично было строить общенародныя бани, какъ нѣчто плошеугодное. Наши возраженія: Едва ли можно доискаться, когда въ Славянской языкъ вошло слово баня (*Валахѣевъ*, *balneum*) въ значеніи мѣста омовенія и самаго дѣйствія; надобно думать, что весьма давно; ибо въ переводѣ священныхъ книгъ Новаго Завета баня значить омовеніе, а у Нестора (спр. 8) самое мѣсто, гдѣ парятся, — точно въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово сіе у насъ нынѣ употребляется. Извѣстно, что Малороссійское нарѣчіе занимаетъ средину между нашимъ Русскимъ языкомъ и Польскимъ; изъ послѣдняго вошло въ него множество словъ и оборотовъ въ продолженіе того времени, когда Малорос-

(*) Синописецъ, въ С. Петербургѣ 1798. стр. 92.

(**) Нест. Лѣтоп. по Кен. стр. 144.

сія находилась подѣ Польскимъ господствомъ. Баня на Польскомъ языкѣ собственно значить *пыльву* (*) и *лузырь*^{*} (водной, стекляной); на Малороссійскомъ нарѣчїи *баньками* называютъ стекляные шарики, употребляемые для игрушекъ, также пузыри водяные и мыльные. Церковная глава, по шарообразной фигурѣ своей, отъ сходства также называется банею; однакожь не сводѣ и не куполѣ. Ежели Малороссїянинъ скажетъ вамъ, что „на церквѣ сведены верхи, только бани еще не поспавлены“ это значить: куполы уже гошовы, но главы еще не сдѣланы. И шакъ едва ли не удобнѣе слово *банный* производить отъ мѣста омовенїя или купели, нежели отъ главы церковной. Сказать *банное строенїе* о цѣломъ зданїи гораздо приличнѣе, нежели о малой часни, какова на примѣрѣ глава храма; куполы же, повшоряемъ еще разъ, банями не называются въ Малороссїи. Чшобы избавишься отъ шруда и не разбирашь, прилично ли было Епископу Ефрему строишь общенародныя бани, всего лучше бы приняшь благовидное мнѣнїе Болшина, который подѣ баннымъ строенїемъ, какъ сказано выше, разумѣетъ купель или вмѣстипилице водное для крещенїя взрослыхъ. „Таковыя купели,

(*) Nowy słownik kiezonkowy Polsko Niemiecko Francuzky. w Wloclawiu 1805.

нишешъ онъ (*), при многихъ первыхъ вѣ-
новѣ церквахъ знаменимыхъ бывали, или
внутри зданія особаго или въ пространствѣ
ограды церковныя особо опгороженное; но въ
Россіи до того времени не было оныхъ ни-
гдѣ, и для того Неспоръ и говоритъ: *сего же
прежде не бысть въ Руси.*“ Однакожъ мы
имѣемъ неоспоримыя свидѣтельства, что
въ монастырскимъ заведеніямъ и бани при-
надлежали. Въ Уставѣ Владиміра Великаго
о церковныхъ судѣхъ (**), написано, что
духовной власти подлежатъ „спранницы,
нищій, монастыри и бани ихъ, и врачи
ихъ, больницы“ и проч. Мысль въ банѣ
монашескую опнюдь не было зазор-
но; не одобряется только бывшее во Псковѣ
безобразное обыкновеніе мыться въ одной ба-
нѣ вмѣстѣ мущинамъ и женщинамъ, ко-
гда по вкрадшимся во время господства Та-
шарскаго неуспройствамъ монахи и мона-
хини въ нѣкопрыхъ монастыряхъ жили
вмѣстѣ (**).

*Зе. Церквей съ куполами до того
времени въ Россіи нигдѣ не было.* Г. Со-
чинитель ссылается на слова Преподобнаго

(*) Въ примѣч. на Исшор. К. Щербашова Т. II.
спан. 52.

(**) Древн. Росс. Вивлюе. изд. вп. Ч. VI. стр. 6.

(***) Болшина Примѣч. на Исшор. Леклерка
Томъ I. спан. 300 и 301.

Несшора (*) въ лѣтописи, и на Паше-
 рикѣ, гдѣ на 87 ѣ страницѣ сказано, что
 Печерская великолѣпная церковь освящена
 была въ томъ же 1089 году по Рождествѣ
 Христовѣ. Послѣ всего вышеупомянушаго
 заключишь можно, что оныя слова Лѣто-
 писателя относятся къ банямъ каменнымъ.
 Сверхъ того извѣстно, что многія другія
 великолѣпныя же церкви были построены го-
 раздо прежде Печерской. Въ 989 году Вла-
 димѣръ Великій (**) помысли создаши цер-
 ковь Пресвятыя Богородицы, и пославъ,
приведе мастеры оль Грекъ, и начен-
 ше созидаши, яко скончаша зижюще укра-
 си ю иконами, и проч. Въ 1037 году Князь
 Ярославъ заложилъ „церковь Св. Софїи (***)
 и Мишрополью, по семъ церковь на зла-
 шыхъ ворощѣхъ Пресвятыя Богородицы Бла-
 говѣщенїе, по семъ Св. Георгїя монастырь
 и Святыя Ирины . . . и украси ю (церковь
 Св. Софїи) златомъ и серебромъ и сосуды
 церковными, и иныя церкви спавляше по
 городамъ,“ и проч. Князь Владимѣръ стар-
 шїй сынъ Ярославль, скончавшїйся (****) въ
 1052 году, положенъ въ Софїйской церкви
 Новгородской, имъ же самимъ созданной, и
 освященной передъ шѣмъ не задолго Епи-

(*) „Сего же не бысть прежде въ Руси.“

(**) Несшор. Лѣтоп. по Кенигсб. спран. 84.

(***) Тамъ же спран. 105.

(****) Тамъ же спран. 113.

скопомъ Лукою. Кіевская и Новгородская Софійскія церкви сохранились донынѣ; обѣ онѣ построены въ подражаніе Конспаншинпольской погожѣ имени церкви, сооруженной Императоромъ Юстиніаномъ. Прилично было бы упомянуть о деревянной Софійской же о принадлежащихъ *верхахъ* или главахъ церкви, построенной въ Новгородѣ первымъ Епископомъ Іоанимомъ (*); но опасаемся возраженія. что здѣсь идетъ рѣчь о *каменныхъ* куполахъ. Послѣ всего сказаннаго весьма трудно согласишься съ г-мъ Сочинителемъ, который полагаетъ, что до 1089 года во всей Россіи сооружались церкви съ просвыми крышами.

4 е. Народныя бани. больницы и врачи прибавлены къ Несторову сказанію лозднѣйшими бытописателями, начинающая съ Татищева. Такъ думаетъ г. Сочинитель Изслѣдованія; однакожъ въ Степенной книгѣ сказано, что „Ефремъ Мишрополишъ . . . зданія много соверши, и градъ Переяславль Рускій камень заложилъ, и многія святыя церкви шакожде каменіемъ поставлены воздвигъ, еще же замысли банное учреженіе, и врачеве, и больницы угошова, яко да усстроено будетъ трудовымъ и всѣмъ спраннымъ и приходящимъ

(*) Истор. Разговор. о древн. Новгор. стр. 32.

(**) Печаш. въ Москвѣ, 1775. Ч I. стр. 229.

безмездное врачеваніе.“ Въспѣ гдѣ надлежало
искасть начала больницъ и безденежнаго вра-
чеванія! Степенная книга сочинена Митро-
полистами *Килріаномъ* и *Макаріемъ*. Пер-
вый управлялъ церковью до 1406 году; вто-
рой скончался въ 1564 году. Не наше дѣло
добираться шеперь, почему Св. Ефремъ на-
именованъ Митрополистомъ; довольно знаемъ,
что здѣсь говорится объ одномъ и томъ же
Священелѣ. Болшинъ весьма хорошо доказы-
ваетъ, что ошибка сдѣлана переписчиками.

Руководствуясь тѣми же причинами,
какія имѣлъ г. Сочинитель, мы предложе-
ли свои замѣчанія единственно съ намѣре-
ніемъ показать, что мѣсто о банномъ
спроеніи еще несовершенно изслѣдовано, и
помомъ примолвить, что такихъ мѣстъ ве-
ликое множество въ старинныхъ нашихъ
лѣтописяхъ. **К.**

IV. С М Ъ С Ъ.

Московскія записки.

На другой день свяшопныхъ праздниковъ на здѣшнемъ театрѣ опять была представле- на любимая Русская опера, *Старинныя святки*, и опять по прежнему, по естѣ съ балагур- ствомъ проспачка, со всѣми заштѣями дво- рецкаго и мамы Малафѣевны. Извѣстно, что бго Декабря многое изъ сей оперы было выпу- щено. Опѣ чего публика смотришѣ ее всегда съ большимъ удовольствіемъ, хопя дѣйствіе въ ней слишкомъ распянуто и само по себѣ не очень занимательно? Опѣ того, что пѣсни и хоры въ *Старинныхъ святкахъ* сдѣланы для Русскаго слуха; опѣ того, что зрители видяшѣ здѣсь честность, хлѣбосольство, нра- вы, обычаи, невинныя забавы, даже милыя поговорки, словомъ всё, какъ велось въ прежніе годы на Руси и въ Москвѣ бѣлокаменной. Слава Богу, еще естѣ у насъ люди, которые не сты- дяшя говоряшѣ въ слухъ, что не взяли бѣ сошни Помпіньяновыхъ Дидонѣ за однѣ *Старинныя святки*. Сочинитель музыки удачно воспользовался голосами нѣкопрыхъ пѣсень Малороссійскихъ. Сія руда еще недавно ошкры- та, и общаеишѣ театральнымъ композиперамъ пребогашую добычу, ежели только они обра- щаяшѣ на нее свое вниманіе. А не лзя не по- желашѣ того; въ Малороссіи пѣсни едва ли не лучше Французскихъ водевилей. — Г - жа Саң-

дунова представляла *Настасью прекрасную* съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ. Для нѣкоторыхъ актеровъ нужно вообще сдѣлать замѣчаніе, что должно выговаривать слова внятно для всѣхъ зрительцевъ.

Декабря зото дали оперу *Сбитеньщика* и при ней комедію *Подложной кладъ*. Последняя играна вмѣсто обѣщаннаго *Нечаяннаго возвращенія*, за болѣзнію актера. Княжнинъ сочинилъ *Сбитеньщика* своего по гошовому расположенію, которое взялъ у Мольера. *Школа жезъ* Французскаго комика — не скажу переложена на Русскіе нравы, но — совсѣмъ на Русскую сцену передѣлана и такимъ образомъ, что не смотря на великое сходство *Сбитеньщикъ* намъ кажется оригинальнымъ сочиненіемъ. Княжнинъ былъ истинный комикъ. Многія слова и мысли изъ сей оперы, а при томъ такія, которые и не изъ Мольера выписаны, вошли въ употребленіе и сдѣлались пословицами; на примѣръ: *что плыветъ, все уди — да въдь на словахъ такъ всѣ люди честны* и проч. Волдыревъ, Паша, Фадей, Власевна заняты у Мольера; Степанъ *сбитеньщикъ* и Болшай, лица весьма удачно изобрѣшенныя и обработанныя, принадлежатъ Княжнину. Известно, что опера сія представляется нѣсколько иначе, нежели какъ напечатана въ сочиненіяхъ нашего стихотворца. Не беремъ рѣшишь, хорошо ли было бы слушать все это на сценѣ, что смѣщаютъ насъ при чтеніи. Обоюдныя Пещины слова и вопросы, къ счастью, не относящяся на счетъ Русскаго сочинителя; онѣ переведены изъ Мольера. О музыкѣ въ объявленіяхъ не упоминающъ; она сочинена въ С. Петербургѣ Буланомъ, придворнымъ му-

зыкантомъ. Степана представляялъ г. *Зловъ*, а Власьевну г-жа *Сандунова* — это пошому, что спектакль данъ былъ въ пользу перваго. Къ удовольствію любителей Русскаго шланша, но сверхъ чаянія ихъ, весь шеатръ былъ наполненъ зрителими, изъ которыхъ многіе, по окончаніи оперы, вызвали г-на *Злова*, а пошомъ г-жу *Сандунову*. Въ игрѣ перваго кажешся недоставало шой плушовашой ловкости, кошорая принадлежишь характеру Степана. Г. Соколовъ въ ролѣ Изведа былъ развязнѣе. Публика будетъ имъ совершенно довольна, когда онъ прилѣжно спанешъ упражняшь въ декламациі. К.

Письмо къ Издателю.

8 Декабря 1809 Таганрогъ.

Видѣвъ изъ опыта, что вамъ угодно было, за чешыре года передъ симъ, благосклонно приняшь извѣстія о Таганрогѣ и внесши ихъ въ Журналъ, вами издаваемой, я не лишнимъ почелъ сообщить вамъ и слѣдующее :

Аспраханской житель, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ *Иванъ Андреевичъ Варсакки*, пріѣхавъ сюда нынѣшнимъ лѣшомъ, оставилъ по себѣ незабвенную память полезными для челоѣчешва пожертвованіями ошъ своего избышка. Впервыхъ, онъ заложилъ каменную церковь, кошорая въ чернѣ, по смѣшамъ, должна стоишь не менѣе *семидесяти тысячъ* рублей, предполагая кончишь оную будущимъ годомъ; вовшорыхъ, вознамѣрился поспрешъ

каменное зданіе для церковно-служителей, назначивъ капиталъ на содержаніе ихъ и на починку зданія; въ прешьихъ, предположилъ выстроитъ другое каменное зданіе для *призрѣнія бѣдныхъ*, въ коемъ могли бы имѣть приспанище всѣ его единовѣрцы Греческаго исповѣданія, какъ претерпѣвшіе кораблекрушеніе, такъ и за болѣзнію здѣсь остающіеся. Не имѣя нужнаго призора, они безвременно лишались бы жизни. На содержаніе сего челоуѣколюбиваго заведенія опредѣленъ быль имѣетъ соразмѣрной капиталъ. Мѣсто для сего зданія приобрѣлъ онъ у самой гавани прекрасное по своему положенію, а при томъ и выгодное; сверхъ того, господинъ *Барваки* щедро награждалъ многихъ одноземокъ своихъ; здѣсь живущихъ вдовъ, коихъ семейства находились въ крайнемъ убожествѣ.

Соревнуя сему благошворителю, здѣшнее Греческое общество заложило такой же другой храмъ, не менѣ перваго спюющій. И въ семъ предпріятіи, котораго былъ онъ же главнымъ виновникомъ, Г. *Барваки* принялъ участіе. Судите же (*), чего не могъ бы ожидать городъ нашъ отъ таковаго благошворителя, еслибъ онъ былъ нашимъ согражданиномъ, когда и короткое его здѣсь пребываніе оставляетъ столько памятниковъ! Принадлежитъ къ числу почитаемыхъ тѣхъ отличныхъ

(*) Всѣ сіи зданія построены быль имѣютъ по прожекамъ искуснѣйшаго нашего городаго Архитектора *Моллы*, Швейцарскаго уроженца, *изъ Луцано*. Жаль только, что богатство города еще не соотвѣтствуетъ изящному его вкусу.

людей, кои жертвуютъ избытками своими пользѣ общей, я прошу васъ помѣстить мое письмо въ Вѣспникъ. Для скромности господина *Вурваки* не надобна огласка о подвигѣ, коюрой самъ о себѣ вѣщаетъ громогласно; но для Публики надобны такія вѣсти; ибо онѣ доставляютъ ей превеликое удовольствіе.

Имѣю честь и проч.

Николай Трегубовъ.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Недавно умеръ въ Парижѣ Далайракъ, славный композишеръ. Изъ множества оперъ, для коюрыхъ онъ сочинилъ музыку, извѣстны публикѣ нашей *Рауль Крестійскій, Камилла, Гюльнаръ, Замокъ Моженоро, Адолфъ и Клара, Продажной дожь* и другія. Съ молодыхъ лѣтъ онъ пѣвнлся швореніями Грешри, пошелъ по слѣдамъ его и особенно посвятилъ себя театральнѣй музыкѣ. Творенія Далайрака отличаются рѣдкимъ обиліемъ и разнообразностію; его романсы и душты превосходны. Многіе императоры и соупрудники покойнаго провожали шѣло его до могилы. Погребеніе совершено съ военными почестями; ибо Далайракъ былъ членъ Почетнаго легіона. Нѣкоторые сочинители и композишеры согласились соорудить ему памятникъ, коюрой предположили поставитъ въ Театрѣ комическои оперы.

*

Многія изданія повременныя были весьма *не долговременныя*; за то уже другія служатъ

образомъ долговѣчности, а особливо шѣ, которыя могли праздновать столѣтній юбилей свой. Таковъ былъ во Франціи *Журналь ученыхъ* (Journal des sçavans), продолжавшійся въ Парижѣ съ 1665 года по 1790й, и потомъ возобновленный 1797го; *Записки ученыхъ* (Acta eruditorum), начавшыя въ Лейпцигѣ 1682го, прекратились 1782 года.

*

Одинъ Парижскій журналистъ вычислилъ, что на обыкновенной человеческой головѣ должно быть волосъ 140 тысячъ.

У в ѣ д о м л е н і я.

М. В. *Бернгова* изъ Почепа увѣдомляетъ *Издашелей*, что она получила изъ города *Благо* отъ *Марьи Б.* 10 рублей, и проситъ изъяснить благошворительницѣ чувствительнѣйшую благодарность. Съ удовольствіемъ исполняемъ препорученіе г-жи *Бернговой*.

*

Издатели получили изъ *Махарьева* отъ неизвѣстной особы 50 рублей. Деньги сіи отправлены будуще 7го числа сего Января, 25 р. въ *Ростовъ*, что на *Дону* къ П. Н. Тешюпину для госпожи Генералъ - Маіорши Ф. Д. В. и шолько жъ въ *Бирючь* къ Священнику Г. И. Попову для сиротъ покойнаго Діакона.

*

Внизу на стр. 33бй XXIV книжки *Вѣстника* истекшаго года надобно читать: ходъ мыслей, по быспрошѣ своей и необычайности, можетъ уподобиться шолько блеску молніи, мгновенно озаряющему глубо-

кую ночь яркимъ свѣшомъ. — *Есть еще не важныя ошибки; на примѣръ въ XXIй книжѣ на стран. 57й въ строкѣ 2 съ нязу: ненависшнаго Ѡ, вмѣсто ненависшной Ѡ; или на стр. 63й въ строкѣ 6: опечесшвенной, вмѣсто въ опечесшвенной. Погрѣшности сего рода такъ очевидны, что Издаателямъ совѣстно даже принять ихъ на свой счетъ и просить за нихъ извиненія у публики.*

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Франція.

Ноября 29 скончался въ Парижѣ бывшій Миниспръ внутреннихъ дѣлъ Креше, возведенный въ Графское достоинство съ шипломъ Графа де Шамполъ. Хотя онъ и не былъ уже Миниспромъ внутреннихъ дѣлъ; но какъ уволенъ онъ за болѣзнію съ сохраненіемъ званія Министра и Члена Государственнаго Совѣща; по Императоръ повелѣлъ хоронить его съ приличными почестями, каковыя оказаны были и покойному Миниспру духовныхъ дѣлъ г. Порпалису. Графъ Креше былъ также Главнуправляющимъ Французскаго Банка, и купечество лишилось въ немъ своего покровителя.

Декабря 3го въ Парижѣ празднованъ день коронаціи Императора и Короля съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Шествіе изъ Тюльерійскаго дворца въ соборную церковь Богородицы, въ половинѣ одиннадцатаго часа начавшееся, продолжалось цѣлые два часа, между поспавленными по обѣ стороны войсками. Императоръ ѣхалъ въ великолѣпной каретѣ съ Королемъ Вестфаль-

скимъ. Карету окружали знатнѣйшіе Чиновники свиты Его Величества верьхами. У входа въ церковь встрѣченъ былъ Императоръ всѣмъ Духовенствомъ, и въ предшествіи онаго подъ балдахиномъ веденъ до приутошвеннаго для него возвышеннаго прона. Ниже по обѣ стороны заняли свои мѣста Короли Вестфальскій и Неаполитанскій, Принцы, Министры и проч. Императрица имѣла свое мѣсто напротивъ Императорскаго, и по обѣ стороны у ней находились Короли Саксонскій и Виртембергскій, Королевы Голландская и Вестфальская и Принцесса Боргезе. Двѣнадцать Кардиналовъ и великое множество Епископовъ шубъ же присутствовали. Литургію совершалъ Епископъ Мецскій, Омоше Императорскій; поученіе говорилъ Епископъ Тройскій; а при пѣніи *Гос. Бога хвалимы*, первенствовалъ Кардиналъ Фешъ. При входѣ въ церковь и выходѣ изъ оной императоръ предъ олтаремъ колѣнопреклонно молился.

По окончаніи Божественной службы Императоръ отправился въ Законодательное Собраніе, и встрѣченъ былъ тамъ Членами онаго, Сенаторомъ и Государственнымъ Совѣтомъ, сѣлъ на приутошвенномъ для себя тронѣ. Императрица со всею Императорскою Фамиліею, Короли, Королевы, Принцы, Министры и всѣ знатные чины заняли свои мѣста около прона и напрошивъ онаго. Тогда представлены были Императору вновь избранные члены Законодательнаго Собранія и приведены къ присягѣ. Потомъ Императоръ произнесъ пространную и достопримѣчательную рѣчь, въ которой исчислялъ всѣ свои дѣянія, со времени послѣдняго засѣданія совершенныя, какъ-то: покореніе Арагона, Кастиліи, постановленіе Фран-

цузскихъ орловъ на стѣнахъ Вѣны, присоединеніе ко Франціи Тосканы, Рима, провинцій Иллирійскихъ, разширеніе предѣловъ земель, принадлежащихъ союзнымъ съ Франціею Королямъ, и проч. За тѣмъ упоминалъ о неудачахъ Англии и съ нею соединенныхъ державъ; о важной поперѣ, Швеціею опѣ союза съ Англіею прешерпѣнной; о связи Порты Оттоманской съ Великобританніею, и могущихъ отъ того постичь ее бѣдствіяхъ. При семъ случаѣ не обинуясь сказалъ онъ, * что будетъ умѣль наказать Порту, если она не перестанетъ слѣдовать наущеніямъ Англии.

Проходя симъ образомъ нынѣшнее политическое состояніе государствъ Европейскихъ, Наполеонъ упомянулъ о союзѣ своемъ и дружествѣ съ ИМПЕРАТОРОМЪ Россійскимъ; объявилъ искреннее удовольствіе свое о присоединеніи къ обширной Россійской Имперіи Финляндіи, Молдавіи, Валахіи и части Галиціи; и прибавилъ, что шаковыя чувства его къ Сему Великому ГОСУДАРЮ совершенно согласуются и съ политическими его расположеніями. — По окончаніи засѣданія, Императоръ возвратился въ Тюльерійской Дворецъ прежнимъ порядкомъ. Улицы наполнены были безчисленнымъ множествомъ народа.

Въ Монисёрѣ содержится описаніе праздника, даннаго въ день коронаціи отъ города Парижа. Кромѣ Императора и Императрицы, присутствовали на немъ, Короли Виршембергскій, Саксонскій; Голландскій, Вестфальскій, Неаполитанскій, и Королевы Испанская, Голландская, Вестфальская и Неаполитанская.

Испанія.

По извѣстіямъ изъ Байонны къ 26 му числу Ноября шамъ ожидали первой дивизіи войскъ, назначенныхъ въ Испанію. Сказываютъ, 100,000 человекъ изъ Нѣмецкой арміи идетъ черезъ Перпиньянъ и Байонну. Въ семъ послѣднемъ городѣ гошово все къ принятію Императора. Маршалъ Ней, Герцогъ Елхингенскій, опять опиралися изъ Байонны въ Испанію.

Король Іосифъ 19 Ноября одержалъ рѣшительную побѣду при Окканѣ близъ Аранжуеца. Мяшежническое войско совершенно разбило и разбѣяно. По 21 число проведено черезъ Мадридъ 18,000 человекъ, взявшихъ въ плѣнъ на семъ сраженіи.

Рейнской Союзъ.

Король Баварскій гошовишся къ отбѣзду въ Парижъ. Въ Минхенѣ заподлинно увѣряютъ, что Андрей Гоферъ, извѣстный предводишель Тирольскихъ мяшежниковъ, убишъ въ Пессейерѣ на сраженіи прошивъ Французовъ.

Австрия.

Со стороны правительсва принимающся мѣры къ возвышенію цѣны банковыхъ ассигнацій. Е. В. Императоръ Францъ 4 го Декабря прибылъ изъ Вѣны въ Пресбургъ.

Швеція.

Декабря 10 въ Іенкепингѣ заключенъ миръ между Данією и Швецією. Тракшашъ долженъ бышъ черезъ восемь дней подшверженъ съ обѣихъ сторонъ и размѣненъ,

2 Января.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 2. ГЕНВАРЬ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Эдуардъ Жаксонъ, Милли и Ж. Ж.
Руссо.*

(*Истинное происшествіе (*).*)

Было время, когда Англичане играли самыя благородныя роли въ романахъ своихъ сосѣдей: одинъ изъ первыхъ героевъ новой Элоизы есть Англичанинъ, Эдуардъ Бемстонъ. И надобно призваться, что Англичане были достойны того уваженія, которое показывала имъ вся Европа. До половины осьмидесяти спелѣйшій великодушнѣе, швердый и непомяченный предраз-

(*) Описанное самимъ Жанъ-Жакомъ Руссо въ одномъ письмѣ, которое нигдѣ еще не было напечатано и которое Сочинитель прилагаемаго здѣсь ошрывка чиналъ въ манускриптѣ. Ж.

судками умъ и сильное чувство собственнаго достоинства были отличительными чертами ихъ характера. Теперь, если вѣрнѣе знающимъ людямъ, остались только немногіе и почти изглаженные слѣды сего великаго характера. Ужасный человекъ, который, въ пользу неограниченнаго своего самовластія, уничтожилъ свободу Британніи и замыслами ненасытнаго честолюбія приготовилъ ту пропасть, въ которую непременно, рано или поздно, его опечесство низринется, развратилъ въ то же время и нравы соотечественниковъ своихъ, которыхъ числовою они всегда отличались отъ другихъ народовъ Европы. Послѣдство опечесствилъ за Британнію; послѣдство (если только наше обвиненіе окажется справедливымъ) напишетъ имя его на той ужасной стѣнѣ, на которой стоятъ имена Пизиспратовъ и Катилинъ; а Историкъ, изображая въ немъ великаго человека, съ прискорбіемъ долженъ будетъ произнести: „его величіе подавило Британнію; его могущество было уничиженіемъ согражданъ: удивляйтесь, но шрепещите!“ Падающая нація — какое ужасное зрѣлище! Отвращаю съ прискорбіемъ взоры мои.

*

Эдуардъ Жаксонъ, по характеру своему былъ истинный Британецъ (но Британецъ прежняго времени); онъ имѣлъ высокую

душу, ясный, дѣятельный и важный умъ, необыкновенную твердость духа и пламенную любовь къ свободѣ. Отецъ его былъ сельскій Священникъ, и человекъ очень бѣдный; восплаивая Эдуарда, онъ почиталъ необходимымъ обогатить разумъ его нужными свѣденіями, но еще болѣе старался поселить въ его душѣ ту силу, которая одна составляетъ истинный характеръ мужа, слѣдовательно способность желать *рѣшительно* того, что сердце и размышленіе наименовали справедливымъ, способность неподчинять себя чужой волѣ, или смѣло ее отвергать, когда она пребудетъ несправедливости, и наконецъ способность не перемѣнять благоразумнаго и единъ разъ твердо принятаго намѣренія ни для какихъ видовъ честолюбія или низкой корысти. „Эдуардъ, говорилъ онъ ему часто, умъ или находишь самъ или пренебрегаешь дары Фортуны: тогда не будешь ни ослѣпленъ ея блескомъ, ни пораженъ ея упрямствомъ, но будешь прямо свободенъ, что бы ни сошлорилась съ тобою судьба.“

Эдуардъ употребилъ въ пользу наставленія мудраго отца. Правда, что сердце его расположено было къ мечтательности, что необходимо должно случиться, когда молодая, начинающая только разцвѣтшая душа наполняется правилами опытной старости; за то на шестнадцатомъ году возрасша имѣлъ онъ такой твердый и совер-

шенно образованный характеръ, какой не многие имѣютъ и въ сорокъ лѣтъ. Богатый дядя, жившій въ Лондонѣ, прінялъ его къ себѣ въ домъ и поручилъ ему управленіе нѣкоторыхъ торговыхъ дѣлъ. Добродушіе, всегдашняя веселость, постоянное трудолюбіе, опрятность и ясный разумъ Эдуарда сдѣлали его въ скоромъ времени любимцемъ всего дома. Дядя гордился имъ и восхищалъ себя мыслію, что Эдуардъ составитъ нѣкогда щастіе его дочери. Онъ уже мысленно назначалъ его по себѣ наследникомъ; но Эдуардъ, ничего не подозревая и будучи весьма равнодушенъ къ прелестнымъ опредѣленной ему невѣстѣ, продолжалъ очень спокойно трудиться, и занимаясь обыкновеннымъ дѣломъ, не составлялъ въ головѣ своей никакого мечтательнаго плана.

*

Эдуарду было уже двадцать чепырегода, когда онъ, по какому-то дѣлу, посѣтилъ одну бѣдную вдову, жившую весьма уединенно въ одномъ предмѣстіи Лондона. Она имѣла дочь, молодую, прекрасную, и вмѣстѣ съ нею доставала руководіемъ скудное пропитаніе. Эдуардъ увидѣвъ Милли, и никогда еще въ жизни такое прелестное, восторженное швореніе не представлялось его взору. Пламенная душа его не могла противиться той милой, дѣвственной не-

порочности, которая напечатлѣна была на лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ Милли. Онъ началъ съ нею говорить: она опивчалась съ психосію, робко и спыдливо; но онъ не могъ не удивляться ея правильному разсудку и вѣрности ея чувства. Погруженный въ размышленіе о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое Милли произвела въ его сердце, возвратился онъ домой — на другой день увидѣлся опять съ Милли, и въ продолженіи чепырехъ мѣсяцевъ видался съ нею каждой день, и сердце его мало по малу наполнялось нѣжнѣйшею спростію: онъ не говорилъ ни слова, но то непрерывное, съ какимъ ожидала его Милли, но та опкровенная нѣжность, съ какою она его воспривчала и съ нимъ обходилась, доказывали ясно, что любовь Эдуарда была ей извѣстна и что она ее раздѣляла. А Эдуардъ чувствовалъ, что онъ съ нею и *только* съ нею можетъ быть истинно щасливъ. И въ одинъ день являясь онъ къ своему дядѣ, очень свободно признается ему въ привязанности своей къ Милли и требуетъ, чтобы онъ содласился на ихъ супружество.

*

Спарикъ удивился. „Мой другъ! — сказалъ онъ Эдуарду — вспомни о своей бѣдности. Женись такъ рано, непременно ты лишишь себя вѣрнѣйшихъ способовъ содспавить свое щастіе. Ахъ, Эдуардъ! приба-

жилъ онъ, прижавши его къ сердцу, а я надеялся, что ты будешь моимъ сыномъ, что все мое имущество со временемъ будетъ принадлежать тебѣ вмѣстѣ съ моею дочерью: это было моею пріятнѣйшею надеждою!“ Слова спарика пронули до глубины сердца Эдуарда; онъ обнялъ его съ горячностію, но оспался непоколебимымъ. Она меня любишь — говорилъ онъ — я искалъ ея сердца, и уже не имѣю права располагать собственнымъ. — Послѣ многихъ бесполезныхъ увѣщаній спарикъ разсердился, и наконецъ сказалъ: оставь меня, неблагодарный! повинуйся безразсудной спраши; но съ этой минутой не знай моего дома. — Эдуардъ удалился. Онъ имѣлъ благодарное сердце; онъ чувствовалъ, сколь многимъ обязанъ былъ своему дядѣ, но такъ же чувствовалъ и то, что нѣтъ благодаренія, за которое было бы можно пожертвовать счастьемъ цѣлой жизни, справедливостію и честію. И онъ не долго былъ въ нерѣшимости. „Я потерялъ любовь моего дяди — такъ разсуждалъ онъ самъ съ собою — что же? Я молодъ, имѣю силы, имѣю свѣденія, могу прудиться! И дядя мой прежде былъ бѣденъ: всѣ его богатства наши прудами. Одинъ только малодушный можетъ, опасаясь бѣдности, опкаться опъ истиннаго счастья; одна только низкая душа можетъ предпочесть день-

ги привязанности нѣжнаго, непорочнаго сердца.

*

Эдуардъ побѣжалъ къ Милли. Она была въ страшномъ опчаянїи. Машери ея сдѣлался ударъ. Въ шавихъ обстоятель-ствахъ не говорящъ о любви. Три дни рздѣлялъ онъ ея нѣжныя попеченїя о больной, и между шѣмъ не переставалъ заботиться объ исполненїи новаго, составленнаго имъ плана, будучи швердо увѣренъ, что Милли не опважешся дать ему свою руку. На четвертый день приходишь онъ къ ней опяшь — машери ея уже не было на свѣшѣ. „Что бы сдѣлалось шеперь со мною, когда бы я не имѣла Эдуарда! — воскликнула Милли, бросаь къ нему со слезами на шею. Эдуардъ прижалъ ее къ сердцу. „Милли, сказалъ онъ ей, шы почитала меня до се-го времени богатымъ, но шы ошибалась: я жилъ въ домѣ одного родшвенника. Теперь мы поссорились, и черезъ нѣсколько дней я ошавляю Англїю. Согласишься ли шы за мною послѣдовать?“ — На край свѣша послѣдую за Эдуардомъ, опвѣчала Милли краснвя. Эдуардъ прижалъ ея руку къ сердцу. Черезъ шри дни послѣ погребенїя машери она соединилась передъ олшаремъ Божїимъ, а черезъ шри дни послѣ брака сѣли на корабль, ибо Эдуардъ записался въ службу Остш-Индской компанїи.

*

Рука съ рукою стояли Эдуардъ и Милли на палубѣ и смотрѣли на удаляющіеся берега Англїи, которые скоро исчезли, какъ дымное облако, сливающееся вдали съ горизонтомъ. Безпредѣльное море ихъ окружило — они взглянули съ прискорбіемъ другъ на друга, обнялись нѣжнѣе обыкновеннаго, и молчали; но клятва, любить другъ друга вѣчно, была въ ихъ сердцахъ. Попутный вѣтеръ надувалъ паруса и быспро мчался корабль къ берегамъ Оствъ-Индїи. Долго ли продолжалось ихъ странствїе, сопряжено ли оно было съ опасностями — не знаю! Наконецъ они въ Калекуштѣ.

*

Эдуардъ получилъ мѣсто въ военной канцелярїи: онъ жилъ очень уединенно съ своею Милли; никто ихъ не замѣчалъ; и бѣдность и склонности сердца удаляли ихъ отъ того роскошнаго, сибаритскаго образа жизни, который ведутъ въ восточной Индїи Европейцы. Эдуардъ старался прїумножить свои доходы, а бережливая Милли и малое обращала въ большое; она даже находила способъ откладывать по нѣскольку денегъ въ запасъ. Она не вела никакого знакомства съ роскошными женами другихъ Калекушскихъ, чиновниковъ; вѣчно была дома; наслаждалась одною прелестною Природою Индїи, которая нравилась

ей своею новостію; и изрѣдна посѣщала нѣкошорыхъ своихъ сосѣдовъ, жившихъ, такъ же какъ и она, за городомъ, и, такъ же какъ и она, очень бѣдныхъ. Эдуардъ выполнялъ съ спрожайшею точностію обязанности своего званія. Кончивъ дѣла въ канцеляріи, спѣшилъ онъ въ свою убогую жилищину, гдѣ ожидала его Милли, гдѣ заключено было все милое и священное для его сердца. Онъ не хотѣлъ заводитиъ связи ни съ однимъ изъ своихъ поварищей, которые, замѣшивъ его дикость, наконецъ прозвали его чудакомъ, и совершенно его оспавили. Объ Эдуардѣ вспоминали только тогда, когда надлежало для какого-нибудь важнаго дѣла упошребитиъ человекъ дѣятельнаго и вѣрнаго. Цаспливецъ не замѣчалъ сего пренебреженія — имѣя въ объятіяхъ своихъ Милли, могъ ли онъ цѣнити и почести и богатства ?

*

Извѣстно, что мужество, кошарымъ одарены бывають такъ называемые Герои, происходишь не рѣдко отъ нѣкошораго жестокосердія, отъ нѣкошорей мечувсивишельности, кошорыя, поддерживаемы будучи страстію, скрываютъ отъ насъ и препяпствія и опасности, когда мы спремимся къ своей цѣли. Извѣстно, что люди, рожденные покорспвованъ, болѣе другихъ ослѣпляющіяся могущеспвомъ, и съ дикою необуз-

данностию употребляющъ во зло ту силу, которую приобрели мечемъ и кровію. Наконецъ извѣстно, что Британскіе Генералъ-Губернаторы Остъ-Индіи превосходящъ своимъ самовластіемъ и деспотизмомъ всѣхъ ихъ Набобовъ, у которыхъ они отымаютъ престолы. Этого довольно, чтобы дать намъ нѣкоторое понятіе о характерѣ Лорда Кляйва, который изъ писаря сдѣлался Генераломъ и Перомъ, и наконецъ въ прешій разъ посланъ былъ въ Калкутту съ полномочіемъ Генералъ-Губернатора Остиндіи и съ правомъ употреблять спрожайшія мѣры для приведенія въ порядокъ дѣла компаніи. Прибавимъ: эпокъ чловѣкъ, по многимъ отношеніямъ необыкновенный, не имѣлъ никакого понятія о шой чести, которая приобрѣщается не оружіемъ; былъ необузданный сластолюбецъ; почиталъ добродѣтель женщины мечпою, и вообще презиралъ людей, сдѣлавшись мрачнымъ меланхоликомъ онъ чрезвычайнаго развращенія.

*

Въ одинъ день, выхавъ за городъ, Кляйвъ увидѣлъ Милли сидящую у дверей своей хижины: ея миловидность, ея прелестный и величественный станъ поразили сластолюбиваго деспота. Онъ остановился и долго ею любовался, подобно шигру, который смѣря изъ-за куста на прыгающую лань, гонящъ уже свои убійственные когти.

Милли покраснѣла и ушла въ хижину. Кляйвъ, приказавъ камердинеру своему уведомиться о прелестной незнакомкѣ, возвратился въ Калекушшу, и въ шопѣ же вечерѣ сказали ему, что красавица была жена одного молодого Европейца, который по бѣдности жилъ уединенно и занималъ низшее мѣсто въ всенной коншорѣ.

*

Эдуардъ былъ въ городѣ у своей должности. Милли сидѣла въ маленькомъ саду своемъ за работою. Въ эту минуцу явился передъ нею камердинеръ Кляйва. Что онъ ей говорилъ, о томъ ни слова. На глазахъ Милли навернулись слезы; она поблѣднѣла, хотѣла обнаружить все презрѣнїе, которое чувствовала къ обольстителю; однако опомнилась, подумавъ, что Кляйвъ всесиленъ, и опвѣчала съ такимъ взоромъ, въ которомъ замѣтны были и негодованїе и робость: „скажете Его Превосходительству, что я уведомлю о его предложенїяхъ своего мужа, который конечно будетъ спарашь заслужить его милость.“ Присланный, улыбувшись съ насмѣшливымъ видомъ, удалился.

*

Милли хотѣла его испугать — бѣдная голубка искала подъ крыломъ голубя спасенїя отъ ногшей ястреба, но она только открывала

ему новую жертву. Камердинеръ не понялъ значенія словъ ея. Васъ просящъ, сказалъ онъ Лорду, чѣшбы вы сдѣлали всѣ нужныя условія съ мужемъ. „Эта женщина дѣгадлива, подумалъ Кляйвъ, улыгнувшись злобно, согласенъ! мы сдѣлаемъ условіе и съ мужемъ. И Эдуарду приказано явиться немедленно къ Губернатору. Онъ приходилъ, изумленный неожиданнымъ прѣгованіемъ и полный веселой надежды. Его ввели въ кабинетъ. Кляйвъ принялъ его съ прищворнымъ дружелюбіемъ, и сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о его произхожденіи, соспоаніи, службѣ. Узнавъ изъ отвѣщовъ Эдуарда, чѣш онъ очень бѣденъ и живешъ однимъ шолько жалованьемъ, онъ сказалъ: не безшокошесь! вы можете предвидѣть шеперь, чѣш соспоаніе ваше должно пере-мѣнишья. Вы обладаете шакимъ сокровищемъ, копорымъ не можете и не должны пользоваться одни. . . .“

— Эдуардъ посмошрѣлъ на него съ удивленіемъ.

„Вы имѣете жену — прелесшнущю, восхищельную!“

— Милордъ! воскликнулъ Жаксонъ, поблѣднѣвъ съ досады. Я имѣю щесшное имя и щочу его щохранишь!

„Ущпокойся, мой другъ. Жена швоя мнѣ сказала, чѣш я могу обо всемъ усло-

вишься съ побою. Всѣ излишнія околичности для меня несносны. Словомъ сказать, я пригопволю для себя прекрасную горницу въ моемъ домѣ; ручаюсь смѣло, что и я и ты и жена твоя оспанемся другъ другомъ довольны.“ Онъ вспалъ и началъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатамъ.

Жаксонъ долго не могъ собраться съ духомъ, долго не могъ найти словъ, наконецъ сказалъ съ припворнымъ спокойствіемъ: Милордъ! вашъ орденъ и ваше званіе спасаютъ васъ отъ того опвѣща, копорого вы достойны. Знайте однако, что передъ вами стоить человекъ, копорый любитъ свою честь и умещетъ опмстить за оскорбленіе жены своей.

Съ этими словами Жаксонъ хотѣлъ выйти изъ кабинета; Лордъ схватилъ его за руку, осмошрѣлъ съ головы до ногъ и спросилъ: ты не шутишь?

— Прочь, беспыдный! воскликнулъ Жаксонъ опшоплянувъ его руку, оставъ меня, или я все забуду!

Онъ выбѣжалъ изъ кабинета: Удержи-те его! закричалъ Кляйвъ. Жаксона окружили и силою ввели опять въ кабинетъ. Камердинеръ остался при немъ, а другіе служители въ ближней комнатѣ. Кляйвъ нѣсколько минутъ ходилъ взадъ и впередъ,

Жаксонъ стоялъ у дверей и смотрѣлъ на него съ презрѣнiемъ. Наконецъ Милордъ остановился, устремилъ на него звѣрскiе, грозно свернующiе глаза, нѣсколько минушъ не говорилъ ни слова, попомъ сказалъ съ надмѣнностiю неумолимаго деспота: безумецъ! развѣ ты забылъ, что я могу располагать своею жизнью, что я власнѣ безъ всякихъ околичностей взялъ свою жену, а тебя бросилъ въ тюрьму и уморилъ въ ней съ голоду. Выбирай! или завтра ты первый Севрешаръ Губернашора, или . . .

— Чудовище! воскликнулъ Жаксонъ, схвативши Кляйва за горло, жизнь моя въ своей власпи — но . . .

Его окружили и вышацили изъ кабинета.

„Закуйте его въ цѣпи!“ кричалъ Кляйвонъ убійца, онъ хотѣлъ умертвить Губернашора; бросьте его въ тюрьму, и ни одинъ человекъ не смѣетъ сказать ему ни слова!“

*

Между тѣмъ Милли сидѣла въ маленькомъ садикѣ своемъ и ждала Эдуарда обѣдать; она еще не говорила ему о предложенiяхъ Губернашора, и сама не знала, говоришь ли объ нихъ или нѣтъ. Опасаясь его вспыльчивости, и надѣясь, что сдѣланный ею оповѣщенiе камердинеру Лорда все

уже кончилъ, рѣшилась она молчать. Уже въ десятый разъ вышла она за ворота — но Эдуарда нѣтъ; выходитъ сиять, и глазами ея представляется камердинеръ Кляйва. Она шрепещетъ; посланный говоритъ: Его Превосходительство непременно желаетъ васъ видѣть. Васъ поведутъ къ нему силою, если вы не согласитесь идти добровольно. — „Мой мужъ, восклицаетъ Милли. . .“ — Вашъ мужъ брошенъ въ тюрьму; онъ Государственный преступникъ. — Милли упала въ обморокъ; ее положили въ паланкинъ, и она еще не совсемъ пришла въ чувство, когда внесли ее въ кабинетъ Лорда Кляйва.

*

Опомнившись, увидѣла она себя на софѣ. Милордъ сидѣлъ передъ нею на вреслахъ: — „Гдѣ Эдуардъ? воскликнула Милли, бросаясь къ дверямъ. Лордъ взялъ ее за руку, остановилъ и сказалъ: успокойся, моя милая. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но Милли, ошполкнувъ его съ ужаснымъ негодованіемъ, закричала: Эдуардъ! Эдуардъ! спаси меня отъ когшей этого чудовища! — Въ грустой душѣ сластолюбіе неразлучно съ жестокостію и распаленная чувствленность очень быстро превращается въ бѣшенство. Безумная! сказалъ Милордъ, сверкая злобно глазами, швой Эдуардъ въ цѣпяхъ! онъ осмѣлился наложить на меня руку! отъ тебя одной

зависитъ теперь его спасеніе! скажу слово, и онъ будешь разспрѣлишь передъ глазами твоими. — Ахъ, Эдуардъ! о правосудіе небесное! кричала Милли, усиливаясь отворить дверь, но она заперта была на замокъ. Милордъ съ жестокимъ хладнокровіемъ вынулъ изъ кармана часы, поднесъ ихъ къ глазамъ Милли, потомъ положилъ на столъ и сказалъ: я возвращусь къ тебѣ черезъ четверть часа — подумай! слово твое рѣшитъ судьбу Эдуарда. Онъ пошелъ въ двери; Милли хотѣла выбѣжать въ слѣдъ за нимъ; но онъ, выполнивъ ее въ горницу сильною рукою, захлопнулъ за собою двери. Милли бросилась на колѣни и призывала Небо на помощь. Вдругъ мелькнула въ головѣ ея быстрая мысль. Она побѣжала къ окну . . . О ужасъ! какое зрѣлище! Эдуардъ, спящій среди двора въ цѣпяхъ и передъ нимъ четверо солдатъ съ заряженными, пацѣленными въ голову его ружьями. Клявъ надѣялся побѣдить сердце ея ужасомъ. — „Эдуардъ! Эдуардъ! — воскликнула Милли и бросилась въ окно. Эдуардъ подымаетъ голову — у ногъ его лежитъ Милли въ крови, съ раздробленною головою; нѣсколько минутъ она шептала — наконецъ сдѣлалась неподвижною — жизнь ея пресѣлась.

*

Руссо находился въ * * *; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, разсматривалъ

свои прѣвнѣнїи, и радовался новымъ ботаническимъ прѣобрѣщенїемъ которое сдѣлалъ въ прошедшее утро. Онъ чувствовалъ себя истинно щастливымъ, занимался цвѣтами и правками: нѣкоторыя изъ нихъ возбуждали въ душѣ его воспоминанїе объ удовольствїяхъ молодости; оставивъ настоящее, онъ мысленно переносился къ прошедшимъ днямъ своего щастїя, и сердце его трепетало при воспоминанїи о нѣкоторыхъ любезныхъ существахъ, которыхъ гробы давно уже покрыты были дерномъ. Въ эту минуту отворяется дверь, входитъ незнакомый человекъ съ шляпкою на головѣ, приближается къ Философу, спрашиваетъ съ нѣкоторою дикостїю: вы ли Жанъ-Жакъ Руссо?

Руссо испугался. Подозрительность, которая такъ часто его мучила, привела въ смятенїе сердце его; онъ устремилъ проницательные, острые взоры свои на незнакомца: одежда его была въ крайнемъ безпорядкѣ, волосы, темно-каштановаго цвѣта, всклокочены, а глаза, полные глубокой задумчивости, впалы и мертвы; въ движенїяхъ его замѣтна была необыкновенная живость; словомъ, наружность его говорила всякому: вотъ существо уничтоженное судьбою!

„Вы не ошиблись, государь мой, я Ж. Ж. Руссо! отвѣчалъ съ нѣкоторою робостїю Женевскїй Философъ.“

— Сочинишель Эмиля! Сочинишель Элоизы! воскликнулъ незнакомецъ, сверкая глазами!

„Да, государь мой, опвѣчалъ Руссо, почпи въ опчаянїи, пригошоваясь къ чему-но ужасному. . .“

— Ахъ! сжалышесь же надо мною — закричалъ неизвѣстный, бросаясь на колѣна и сжавъ руки — напрасно искалъ я правосудїя передъ судилищами и престоломъ; опъ себя, служишель добродѣтели, пребую шого, въ чемъ опказали мнѣ порочные люди! Правосудїя, Жанъ - Жакъ Руссо! мщенїя пому злодѣю, кошорый умерпвилъ мою жену и меня сдѣлалъ жалкимъ безумцемъ!

Онъ обнялъ колѣна Жанъ-Жака. Философъ препеналъ, и слезы спремились по лицу его ручьями.

*

„Моя супруга, моя обожаемая Милли, окровавленная, препенущая и наконецъ бездыханная у ногъ моихъ — продолжалъ Эдуардъ — была послѣднею моею мыслію. Чшо случилось со мною послѣ, не знаю — пришедши въ чувспво, увидѣлъ себя лежащаго на рогожѣ, въ бѣдной хижинѣ; у ногъ моихъ сидѣли два добрые Индѣйца. Они изумились, когда я спросилъ: чшо со мною сдѣлалось и гдѣ я? Хочу подняшься — чувспвую слабость, и вижу, чшо ру-

ки мои крѣпко связаны. Опяшь начинаю расспрашивать; мнѣ ошвѣчающѣ; не могу ничего понять и снова впадаю въ безчувствіе. Черезъ нѣсколько минушѣ чувствую, что кто-то беретѣ меня за руку; ошворю глаза: Лвкаръ, человекѣ благороднѣйшій и бывшій въ Англїи моимѣ испиннымѣ другомѣ, спойтѣ передо мною и щупаетѣ мой пульсѣ. Я не узналѣ его. Скажите, спрашиваю, за что связаны у меня руки? Онѣ просилѣ меня ошпаться въ покой и велѣлѣ мнѣ дать свободу. Мало по малу началѣ я входить въ память; другѣ мой не покидалѣ меня ни на минушу. Онѣ разсудилѣ, что, будучи слабымѣ, я лучше могу снести воспоминанїе о страшномѣ концѣ моей Милли, нежели послѣ, когда возвращаясь нѣсколько мои силы; и я узналѣ, что болѣе полугода прешло съ того ужаснаго дня, въ который погибло все мое щасїе; что я во все это время ни на минушу не былѣ въ чувствѣ, или лежалѣ безѣ памяти, или приходилѣ въ бѣшенство; что сердце Лорда возмущено было смерщїю Милли; что онѣ и меня и ее велѣлѣ снести въ загордный домѣ нашѣ; что ее похоронили на другой же день; что въ городѣ нѣсколько дней носилась молва о страшной опасности, кшпорой подвергался Лордѣ Кляйвѣ, о убїйцѣ, который пришелѣ къ нему въ домѣ, чтобы его

заспѣлишь, и кошораго жена бросилась изъ окна отъ опчаянїя, что не могла выпросить ему прощенїя; что все это очень скоро было забыто; что мѣсто мое отдано другому, и что наконецъ ни одинъ человекъ не забѣдился обо мнѣ, кромѣ чело-вѣколюбиваго Медика, который, узнавши отъ Лордова человека всю истинну, поспѣшилъ ко мнѣ на помощь, и, къ величайшему своему удивленїю, нашелъ во мнѣ стариннаго Лондонскаго знаконца.

✱

„Все это слушалъ я съ мертвымъ равнодушїемъ — чувствительность казалась угасшею въ моемъ сердцѣ, а собственныя мои несчастїя представлялись мнѣ баснею, занимательною для одного только любопытства. Образъ погибшей Милли носился передъ воображенїемъ моимъ какъ будто въ туманѣ; я жилъ среди моихъ бѣдныхъ Индѣйцевъ, и былъ спокоенъ, и даже не могъ вообразить, чтобы мои обстоятельства когда нибудь были лучше. Изрѣдка, въ минуты возраждающейся душевной силы, представлялась мнѣ какая-нибудь минувшая радость, или образъ моей умерщвленной Милли возобновлялся во мнѣ живѣе, или воспоминанїя о какой-нибудь ея ласкѣ, о какомъ-нибудь миломъ ея качествѣ неожиданно меня поражали — тогда сердце мое обливалося кровїю; я содрогался, кричалъ, плакалъ, но все

это было одинъ минуты, одно быспропечное сѣянїе молнїи, пролетающей вѣ полночь надъ пропастью : благодѣтельная нечувствительность моя возвращалась ко мнѣ снова.

✱

„Но мало по малу померкшая душа моя озарилась ужаснымъ свѣтомъ ; утѣшительный сонъ мой началъ исчезать ; молнїя за молнїей свѣтила надъ моею пропастью ; я начиналъ видѣть судьбу свою безъ покрова. Вѣ одно утро встаю съ постели, выхожу изъ хижины, иду вѣ поле безъ всякой цѣли, вдругъ останавливаюсь передъ домомъ, который показался мнѣ знакомымъ ; смогрю, спараюсь вспомнить, наконецъ узнаю : это былъ прежнїй мой загородный домъ ; все время пошери моей обрушилось вѣ эту минуту на мое сердце : я закричалъ дикимъ голосомъ, бросился на землю, началъ рыть дернъ ; увы ! я хотѣлъ дорыться до гроба моей Милли. Вѣ этомъ положенїи нашли меня мой благодѣтельный лѣкарь и мои присланици ; они опнесли меня вѣ хижину ; я опять пришелъ вѣ бщенство ; но этошъ припадокъ продолжался не болѣе одного дня ; я погрузился вѣ опчаянную задумчивость, былъ тихъ, молчалъ, но думалъ обѣ одномъ убійствѣ.

✱

„Вѣ одно утро, мой благодѣтельный другъ навѣспилъ меня по обыкновенному ;

просидѣвъ со мною нѣсколько часовъ, онъ вспалъ, чѣтобъ выдти изъ хижины; я бросился передъ нимъ на колѣни и воскликнулъ: послѣдней милости отъ тебя пребую! дай мнѣ кинжалъ, чѣтобы я могъ заколошь убійцу моей Милли!“ — Болѣе двухъ мѣсяцевъ какъ онъ возвратился въ Англію. — Эшо извѣстіе вдругъ успокоило мою душу. Мысль, чѣто я могу преслѣдовать, чѣто я могу возвести на эшафотъ эшого злодѣя, была для меня цѣлишьною опрадою. Я началъ думать о томъ, какъ бы привести въ порядокъ мои разстроеныя дѣла; съ помощію благодѣтельнаго Медика собралъ нѣсколько денегъ и сѣлъ на первый корабль, копорый отпралялся въ мое опечеспво.

*

Кончимъ въ нѣсколькихъ словахъ повѣствованіе Жаксона: по прѣздѣ своемъ въ Лондонъ, началъ онъ совѣщоваться съ знающими Юристами; но всѣ говорили ему, чѣто его обвиненіе не могло бытъ принято, ибо онъ не имѣлъ ни доказательствъ, ни свидѣтелей. Въ чѣмъ состояло пресупленіе Лорда Кляйва? Какимъ закономъ запрещалось предлагать мужу условія? Жаксонъ приговоренъ былъ къ смерти за то, чѣто осмѣлился наложить руки на Губернатора; а Милли сама себя умершвила. — Жаксонъ бросился къ ногамъ Короля... но Король и Миниспры не имѣли

власти наказывать безъ приговора законовъ; а еспьли бы и могли, по какое наказаніе опредѣлишь завоевателю шрехъ обласпей, который за нѣсколько времени возвратился изъ Азіи съ побѣдою и имѣлъ право на самыя блестящія награды? Чемъ наказашь человека, котораго самъ Парламентъ недавно избавилъ отъ наказанія за многія приписненія въ Индіи, объявивъ передъ цѣлымъ народомъ, что онъ оказалъ великія услуги опечесиву? И Жаксонъ вездѣ принимаемъ былъ какъ сумасшедшій; ни одинъ человекъ не слушалъ съ участіемъ его жалобъ. — Онъ могъ бы опять потерять рассудокъ, когда бы дядя не шронулся его жребіемъ и не послалъ его для разсвѣянія во Францію. Случай привелъ его въ то мѣсто, гдѣ находился Руссо: имя Философа пробудило надежду спмщенія въ его сердцѣ. Кончивъ свою гореспиную повѣсть, онъ бросился на колѣна, и сжавши руки воскликнулъ: правосудія! мщенія!

*

Руссо, разшроганный до глубины сердца, долго смошрѣлъ въ глаза несчастному Эдуарду. Наконецъ онъ отшрчалъ шжимъ и шрепещущимъ голосомъ: я бѣдной, больной, несчастливый человекъ! не имѣю ни связей, ни знакомства. Мои современники ненавидяшъ меня и преслѣдуютъ. Могули чтонибудь я для себя сдѣлать? — Въ эту

минушу глаза его запылали. — Я могу, сказалъ онъ грознымъ голосомъ, напечатлѣть знаки отверженія на челъ своего убійцы! могу предашь его проклятію современниковъ и потомства! — Эдуардъ удалился, оставивъ Жанъ-Жаку свой адресъ. Черезъ двѣ недѣли Руссо послалъ къ нему письмо, въ которомъ пребывалъ объясненія на нѣкоторыя обстоятельство его повѣсти; но онъ получилъ отъ своего корреспондента слѣдующій отвѣтъ: мы ничего не знаемъ объ Эдуардѣ Жаксонѣ. Очень недавно нашли въ рѣкѣ Аарѣ трупъ молодого человѣка, у котораго на шеѣ висѣлъ женскій поршреть, почти смытый водою; могли разобрать одну только надпись: *Милли Жаксонъ*. — Справданія несчастнаго прекратились.

*

Руссо написалъ Эдуардову исторію съ тѣмъ краснорѣчіемъ, которое одному ему свойственно, и онъ хотѣлъ уже выдать ее въ свѣтъ, какъ вдругъ остановила его одна мысль. Въ истиннѣ происшествія онъ не сомнѣвался; ужаснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ ея было сумасшествіе Эдуарда; но для того чяобы Героя, всѣми прославляемаго, предъ глазами свѣта въ видѣ убійцы и злодѣя, пребывались доказательства неопровергаемыя; а свидѣтельство сумасшедшаго самоубійцы не могло

быть въ такомъ случаѣ принято за доказательство неопровергаемое: II Руссо оплохилъ повѣсть свою къ шѣмъ бумагамъ, которымъ надлежало выдти въ свѣтъ не прежде, какъ по его смерти.

*

Черезъ два или три года Лордъ Кляйвъ прѣехалъ въ Монпелье. Мисси Говардъ, другъ Жанъ-Жака, находилась въ этомъ же городѣ. Руссо, узнавши о прибытіи Кляйва, посылаетъ къ своей прѣятелиницѣ экземпляръ исторіи Жаксона. Чудовище, унижающее имя человека, пишетъ онъ къ ней, заражаетъ дыханіемъ своимъ шохъ воздухъ, которымъ дышитъ. Мисси Говардъ! доставьте Лорду Кляйву приложенную при этомъ письмо рукопись; скажите ему, что я немедленно предаю его посрамленію цѣлаго свѣта, если онъ безъ всякаго оплагательства не оставитъ Монпелье и не выйдетъ изъ Франціи.

Это письмо произвело свое дѣйство, и свидѣтельство Эдуарда Жаксона было оправдано, ибо Кляйвъ немедленно возвратился въ Англію. Нѣсколько времени продолжалъ онъ заглушать фурію совѣсти необузданнымъ развратомъ; наконецъ онъ самъ исполнилъ то, что надлежало бы сдѣлать одному палачу: безъ сомнѣнія шѣни Мисси и Жаксона предстали глазами его въ ту

минушу, когда онъ наводилъ на себя писпелешъ, раздробившій ему черепъ (*).

Меркель.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Послы Египетскіе.

Изъ IIIй книги Тассова Иерусалима.

.
 Какъ горы снѣжныя , казался рашной спанѣ.
 Ужь шѣни вечера на грудь полей спустились;
 Внезапно средь шапровѣ два мужа появились :
 Одѣжда чуждая , безвѣсна поступь , видѣ;
 Но дружество и мирѣ во взорахѣ ихѣ блещишѣ.
 То были два Посла отѣ Нильскаго владыки ;
 За ними спутниковѣ блистательные лики ,
 И челядь пышная , и воиновѣ ряды. —
 Единный былѣ *Алетъ*. — Отѣ низкія среды ,
 Безвѣспный именемѣ , безѣ предковѣ , вѣ бѣдной
 долѣ ,
 Форшуну покоривѣ отваги полной волѣ ,
 Вознесся самѣ собой до первыхѣ онѣ честей ;
 Коваршвами Двора начипанный злодѣй ,
 Лукавѣ , краснорѣчивѣ , пронырливѣ и пришво-
 ренѣ ,
 Привѣшливѣ , чшобѣ убишѣ ; чшобѣ выситѣся ,
 покоренѣ ,
 Умѣетѣ обольщать и самой клеветой ,
 И посрамленіе показывать хвалой.

(*) Извѣстно , что Кляйвѣ застрѣлился.

Другой — *Аргантъ*, Черкесъ. — Опечеснѣва
изгнанникъ,
Безъ вѣры, безъ любви, свободный въ мѣрѣ
спираникъ,
Египетскихъ вельможъ вступа въ блестящій
кругъ,
Онъ почесными сіялъ воинспвенныхъ заслугъ,
Свирѣпый, мспишельный, какъ вихрь, неукро-
пительный,
Другъ Марса и побѣдъ, въ бояхъ неупомимый,
Презришель Божесства, презришель всенникъ
правъ.

Война его есть богъ, и моль его устави!
Пришельцы пребуютъ Готфредова вниманья;
Вошли въ его шаперъ. — Не блескомъ одѣанья,
Не пышностью златой Готфредъ сердца пав-
нялъ,

Во сонмѣ рыцарей смиренно предсѣдалъ.

Прямое мужество наружность презираетъ;
Въ почтенней простотѣ величїе сіяетъ.

Аргантъ, являсь Царя - вождя передъ лицемъ,
Едва осшановилъ свой гордый взоръ на немъ,
Едва склонилъ главу съ привѣшшлемъ небреж-
нымъ;

За нимъ Алешъ, смущенъ, и шагомъ ненадежнымъ,
Прижавъ ко персямъ длань, и очи преклонивъ,
Идетъ, шо робокъ вдругъ, шо скоръ и шоропсивъ,
И се, какъ рабъ упалъ предъ сонмомъ униженно.
Пошомъ возшалъ . . . гласишь . . . въщанье
ухищренно,

Какъ сладкой медъ, златой, изъ устъ его течелъ.
Въ молчанїи внималъ словамъ его Совѣтъ:

Герой единспвенный, достойный среди
боевъ

Бышь славой и вождемъ блиспательныхъ ге-
роевъ,
Которые ошъ силъ, ошъ мудрости твоей,

Ошъ дружбы вѣжныя, столь рѣдкой межъ Царей,
 Пріяли ски епры и царства и награды;
 Хваламъ швоимъ столпы Алкида не преграды:
 Ошъ запада онѣ кв востоку прѣшекли,
 И Нильскіе брега, какъ громомъ, пошрясли!
 Кто ими не пѣвенъ, — кто дѣлѣ швоихъ не
 славитъ!

Мой Царь, дивитъся имъ, своей ушѣхой спа-
 витъ!

Охошно о шебѣ заводитъ первой рѣчь,
 И мысленно наришѣ, гдѣ швой возмещетъ мечъ.
 Чшо завистъ и раздоръ вѣ другомъ бы возродило,
 То самое кв шебѣ любовь его склонило!
 Пусть вѣра васъ дѣлитъ; но слава вашъ пред-
 метъ:

И, вѣрой раздѣленъ, онѣ сердцемъ швой клеветѣ!
 Такими чувствами Султанъ воспламененный,
 Шлетъ дружество и миръ воипелю вселенны;
 Для всѣхъ народовъ честь — всеобщій сильный
 богъ;

Она да будетъ вамъ и вѣрности залогъ!
 Посольства нашего кв шебѣ вина едина:
Солижскаго Царя сомнишельна судьбина!
 Владыка Нильскихъ странъ, правамъ народнымъ
 щитъ,
 Вѣ немъ друга своего, союзника вѣ немъ чшпитъ;
 Теперь познавъ, что ты, спезей завоеванья,
 Пришекъ лишитъ его наслѣдна достоянья,
 Благоволилъ, доколь не грянулъ брани громъ,
 Ошкрышъ намъ предѣ шбой, что мыслишъ
 онѣ о шомъ.

Вошъ мысль его: — когда, побѣдѣ люби-
 метъ, нынѣ,

Согласенъ ты подашь оливу Палеспинѣ,
 Народамъ, щасшливымъ оградю его:
 Онѣ будетъ самъ блюсти величья швого
 Колеблемый колоссъ, на зыби ушвержденный.

Какъ смѣющъ, зря двухъ силъ громады сопря-
женны,
Какъ смѣющъ, возмечшашъ Царь - градъ и Ис-
паганъ,

Вознаградить еще потерянную брань?

Великій Государь! — ты временемъ немногимъ
Свершилъ пуши, умамъ невѣршамъ сикрогимъ!
Въ услышанье вѣковъ гремилъ швоя хвала!

Открышые пуши, чудесныя дѣла,
Несчепны воинства, повсюду низложенны,
Престолы древніе, и грады разрушенны,
По слуху о шебѣ, велялѣ противнымъ гасѣ.

Я вѣрю, можешь ты еще разширить власть,
Но славы... нѣшъ! — ее ты не умножишь бо. ъ!

Она уже полна! — Есть мѣра смершныхъ до ъ!

Твой долгъ слюспи сію добычу шрудныхъ лѣшъ.

Спрашисъ ласканія сомнишельныхъ побѣдъ!

Пускай враги падушъ: — чшожь плодъ? —
корысть, не слава!

Но будешь пораженъ: — честь гибнешъ и дер-
жава!

Посыдно щасшію свой жребій покидать,

Все вѣрное на частъ невѣрнаго мѣнять!

Бышь можешъ, ложный другъ, завистникъ
швой коварной,

Манишъ себя къ бѣдамъ спезей высокопарной,

Совѣшомъ пагубнымъ геройской нѣжишъ духъ;

Бышь можешъ, заградя урокамъ правды слухъ,

Ты самъ себя вручилъ обманчивой надеждѣ,

Вновь шакже побѣждашъ, какъ побѣждалъ ты
прежде;

Бышь можешъ, горда спрашъ, великихъ спрашъ
мужей,

Съ народовъ дани брашъ и въ плѣнъ влещи Царей,

Тебѣ являешъ брань полезѣе покоя;

Бышь можешъ, говоряшъ: „миръ праздною —
гробъ Героя!

Гряди въ опкрышой пущь : швой рокъ шебя
зоветъ ;

Твой спрашный мечъ залогъ блиспашельныхъ
побѣдъ !

Рази, доколь не палъ священный пронъ пророка,
Доколь не сотворишь пустынею востока !“

Обманчивы слова ! — Сиренъ прелестный хоръ !
Въ нихъ, въ нихъ себѣ внимаи швой смерш-
ной приговоръ !

Но если хипросью враждебнаго совѣша
Твой разумъ не закрышь отъ истиннаго свѣша,
Ты можешь видѣшь самъ, что для шебя война
Богаша спрахами, надеждою бѣдна ;

Что быспрокрылая владычица вселенной,
Форшуна, льетъ добро и зло поперебнно ;

Что изощренныя шриумфовъ вышины
Нещастій безднами вокругъ ограждены ! —

Что будешь, ежели съ береговъ гремящихъ Нила
Съ Египшомъ двигнешся богашшво, мудрость,
сила,

И брани обновя, соспавятъ сонмъ единъ
И Персѣ и Туркѣ, и съ нимъ Кассана гроз-
ный сынъ ! . . .

Безбрежный Океанъ ! — гдѣ шы найдешь препоны,
Разливъ сей удержишь ? — гдѣ помощь, обороны ?

Иль, данныя свершивъ обѣшы наконецъ,
Придешъ Грекѣ дѣлать и гробъ швой и вѣнецъ ?
О Чесшность Греческа ! — кто, — кто ее не
знзешь !

Довѣренность швою швой опышъ обличаетъ !
Скажи, коварной сей, корыстшлюбной родъ
Однаждыль измѣнилъ и въ сей шебѣ походъ ?
Однаждыль строилъ онъ погибельныя ковы ?
Измѣна первая родилъ измѣны новы !

Какъ ! — шощъ, кто не хотѣлъ спези шебѣ
давать,

Тожъ будешь за себя кровь рашну проливать?..
 Бышь можешь, основалъ ты твердь надеждъ
 блестящихъ

На легионахъ сихъ, во слѣдъ тебѣ ходящихъ:
 Но всель равно, сражашъ разсѣяны полки,
 Иль силами одной водимые руки? —

Но алчная война, но язвы, но печали
 Не избранный ли цвѣтъ полковъ твоихъ пожали?
 Но Персѣ, но Магомешъ еще не низложенъ! —
 Агарянъ храбрый родъ въ Египтѣ оживленъ!
 О Вождь! — тебѣ судьбы побѣду обѣщали;
 Ты самъ... твой льстецы судъ Неба прочитали;
 Я вѣрю: Богъ — твой Богъ! — но предъ по-
 бою гладъ!

Кто можешь запереть зияющій сей адъ?
 Кто спанетъ на сего рѣшителя сражений,
 Который все мершвишь безъ силъ, безъ опол-
 ченій?

Подвигнись на него, прими твой мечъ, сражай,
 И послѣ намъ свои побѣды прославляй!

Что ждетъ тебя, смотри: — поля огнемъ
 позженны,

Прекопанны пуши, и горы взгромождены;
 Всякъ даръ, всякъ милой плодъ питающей земли
 Браги твои въ стѣнахъ Солимы погребли!

О ты, котораго соблазны щасья смѣлы
 Влекли на жерззу бѣдъ въ шоль дальные
 предѣлы!

Вѣщай мнѣ, чѣмъ питаешь тебѣ своихъ коней?
 Гдѣ пища воинамъ? . . . „Флотъ дастъ мнѣ
 дань съ морей!“

И такъ, великій Царь! — свою и ближнихъ долю,
 Свою и ближнихъ честь отдашь волнамъ на
 волю!

Иль, силою боговъ отличной вдохновенъ,
 Ты можешь и вязать и рушить вѣспровъ плѣнъ?
 Иль дикая сія пучина и бездожна,

Къ моленьямъ и слезамъ всѣхъ смертныхъ не-
преклонна,

По гласу швоему унизишь свой хребетъ,
И бури Аквилонъ въ пещеры узовешь? . . .

Или шы мнишь, что Туркъ и Персъ, и Ме-
фисъ славный

Не могутъ флотъ послашь, всѣмъ флотамъ
свѣта равный?

Ты долженъ, Государь, чтобъ славу сохранишь,
Двукратно вещь войну, двукратно побѣдить!

Поперею одной все гибнешь безъ возврата. . .
Помысли! кораблей возможная упрата

На брегъ швой изведешь сменящій, блѣдный
гладъ!

Но если на землѣ враги тебя сразятъ:

Тогда вѣщай, на что, къ чему тебѣ всѣ флоты?
Нешастнымъ бѣглецамъ постыдные оплоты!

Готфредъ! — теперь шы зришь, и гдѣ и что
шы есть:

Твой жребій изреченъ. — Когда вражда и лесть,
Иль злора черная зашмятѣ-швой духъ великій,
Когда опвергнешь миръ могущаго Владыки:

Готфредъ! — позволь сказать открытою душой,
Дивлюсь не мудрости — а храбрости швоей!

Но Небо своего любимца не оставитъ:

Оно шопы швой на правый путь поставитъ.
Побѣда — радостный всеобщихъ золь конецъ:

Собрашь плоды съ побѣдъ — премудраго вѣнецъ!
Да узришь Азія покой и миръ безцѣнный!

Да вкусишь шы плоды побѣдъ незараженны!

И вы, участники шрудовъ его, честей,
Не вѣрьте, храбрые, надеждамъ льстивыхъ дней!

Форшуну рѣзвья обманчиво ласканье:

Возвысьтешь, и надъ ней примите обладанье!
Почто искашь вамъ бившъ? — почто искашь

враговъ?

Пловецъ, игра стихій, упавъ на грудь береговъ,

Клянepся, не кидай родимаго селенья :
Спѣшите кѣ приспани, спрашнтесь прѣ-
волненья !

Египшянннѣ умолкѣ. — Глухой, смященный шумѣ
Несетса по рядамѣ героевѣ, полныхѣ думѣ.
Какѣ легкнй лншѣ деревѣ предѣ бурнымѣ ду-
новеньемѣ,
Вдругѣ вспрепенулись всѣ : пылающѣ очн
мщеньемѣ !
Готфредѣ на нхѣ воззрѣлѣ, всѣхѣ души про-
чншалѣ,
И, обрашясь кѣ послу, сѣ величнемѣ вѣщалѣ:

Служншель гордаго преспола ухнщренный,
Ты леспью распворнлѣ угрозы дерзновенны.
Когда меня твонй Царѣ любви достоннымѣ чншнѣ,
Умѣю опвѣчашѣ : — во мнѣ онѣ друга зрншѣ;
Когда же долгѣ его на бншвы призываетѣ,
Онѣ, рапуя со мной, себя не уннжаетѣ !
Союзы прошнѣ насѣ ? — Реку тебѣ опвѣтѣ,
Свободной н протшой, вѣ кошоромѣ леспн нѣшѣ.

Иноплеменннкѣ, знай ! Прейдя пустыни
дальны,
И море побѣднвѣ, н времена печальны,
Одну сюда несн, одну нпшаемѣ спростѣ,
Разрушншь варваровѣ надѣ храмомѣ Божымѣ
власѣ,
И вѣрной пушѣ опкрышѣ кѣ стѣнамѣ свяшаго
Града ! —
Ревнншелн Хрнста, воюя сѣ злобой Аза,
Рѣшншельны, чрезѣ смертѣ наслѣдншь Домѣ
Ошца,
Прнносяшѣ вѣ жершву все : жнзнь, славу,
блескѣ вѣнца ! —

Не алчность низкая ко злашу, чести пльбной,
Вели насѣ по слезѣ, слезами упоенной.

Кѣ Тебѣ, кѣ Тебѣ зовемѣ, нашѣ Пастырь,
Вождь и Другѣ!

Да не приближнися кѣ намѣ смертный сей не-
дугѣ,

Да сладкой ядѣ его племворнаго дѣканья

Не осквернишь сыновѣ Христовыхѣ одѣнья! ...

Посолю! — не мы себѣ, но Богѣ изрекѣ намѣ путь;

Онѣ въ крѣпость облачилѣ Израилеву грудь;

Его благая дланѣ покровѣ племенѣ единый, —

Велишь, — и служатѣ намѣ и пламень и пучины,

Бѣжитѣ и мразѣ и зной, и змеи сохнутѣ вокругѣ!

Велишь, — и горы — долѣ; и море — зланный лугѣ,

Велишь, — и холмы волнѣ кипящія нѣмѣютѣ!

И бури передѣ Ней безмолвны цѣпѣнѣютѣ!

Преклонитѣ небеса, — и раши всей земли

Разсыпаны, какѣ листѣ, слякаются въ пыли!

Вѣ Ней сила наша, блескѣ, вѣ Ней наше огра-
жденье!

Не вѣ шьмахѣ несчетныхѣ шемѣ правдиваго
спасенье,

Не вѣ бrenomѣ семѣ мечѣ, не вѣ ушлыхѣ ко-
рабляхѣ,

Ниже вселенныя вѣ союзахѣ и Царяхѣ :

Покрышы Грознаго десницей непреложной,

Мы помощь мѣра чѣтимѣ безнужной и ничтожной!

Кто знаетѣ Бога силѣ, шому ль препоны знашь?

Тому ли вѣ безднѣ золь другой руки искашь?

Но если нашихѣ душѣ преступныя вле-
ченья,

Иль непоспнжныя судебѣ опредѣленья,

Нещастныхѣ разлучаишь сѣ Опорю святой :

О браться! кто изѣ васѣ не жаждетѣ всей душой,

При гробѣ Господа поставишь гробѣ свой
бренной,

И замиотъ возбудишь въ оставшейся вселенной?
 Укрѣмъ... но не укрѣмъ безъ мести никогда!
 Авлецу не узришь зѣбовъ нашего стыда,
 Не посмѣеши намъ, жалѣшь объ насъ не ста-
 нешь,
 Но смерть Геройскую онъ тяжко вспомянешь!
 Посолъ! — не мни припомъ, чѣшбъ алчныя
 къ боимъ,
 Мы заперли сердца согласія къ дарамъ,
 Чѣшбъ дружбу твоего владыки опвергали. —
 Нѣш! нѣш! — Но ты вѣщай, какія боги дали
 Надъ Палестиною права ему Царей?
 Кто поручилъ ему блестящія ея лѣдей? —
 Спокойно царствуй онъ надъ пильскими брегами,
 А насъ оставъ, искашь побѣды надъ врагами!“

Изрекъ, — и возкилъ въ груди Арган-
 та ашъ;
 Не можетъ злобы скрыть; уста его дрожащъ;
 Сверкающъ углемъ кружащіяся зоры;
 Приблизился и рекъ, какъ громъ, потрясущій
 горы:
 Ты мира не хотѣлъ: тебѣ готова брань!
 Игралище спраспей! — желанна року дань!
 О ты, котораго и благоспъ не смиряемъ,
 Приемли казнь! — изрекъ, и ризъ края слагаетъ,
 И, сгибы потряся: „война иль миръ! Готфредъ!
 Рѣшишь, рѣшишь, сей мигъ: медленья болѣнѣш!“
 Война! война! гласящъ Герои воспламенны,
 Воспрянувъ съ шумомъ съ мѣстъ, какъ пчелы
 раздраженны,
 Которымъ встрѣпилась внезапная бѣда.
 Война! — рекли, не ждавъ Готфредова суда.
 Аргантъ, края одеждъ раскинулъ испугленный:
 „Вотъ вамъ не брань, но казнь! вотъ рокъ вашъ
 непрѣмный!“

Изрекъ. Таковъ былъ Жрецъ Капитолійскій,
 въ страхъ,
 Разпоргшій Яна дверь на мѣдяныхъ пятахъ.
 Казалось, вокругъ него свисѣющихъ буръ въ вол-
 неньѣ

Носилось грозное души его рожденье,
 Слѣпая ненависть и пагубной раздѣръ;
 Таковъ былъ гордый царь, вселенныя въ позоръ,
 Мечпавшій, вознесши до горняго селенья,
 Громаду, зданіе спраешей и заблужденья;
 Такъ высылся челомъ надмѣнной Вавилонъ,
 И мыслилъ, предписатьъ другимъ мірамъ законъ!
Мрзлкъ.

Россіянка на брань идущему Герою.

Идешь на брань, и за побою
 Летишь прискорбна мысль моя;
 Но славы шествуя спезёю,
 Ахъ! не забудь меня.

*

Будь вѣренъ чести и любви:
 И въ битвахъ спрашныхъ, не щадя
 За опчештво дражайшей крови,
 Ахъ! не забудь меня.

*

Когда же ты вѣнецъ лавровый
 Въ покоѣ съ мирномъ сѣдиня,
 Цѣлншь сердца, въ другихъ суровы,
 Ахъ! не забудь меня.

*

Въ любви и на рашномъ полѣ,
 Побѣдой увѣнчавъ себя,
 Будь щасливъ — но, въ блаженной долѣ,
 Ахъ! не забудь меня.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

~~~~~  
ИСТОРИЯ ТЕАТРА.  
~~~~~

Объ Италіянской Комедіи въ XVI
вѣкѣ, и о Календріи, соч. Кардинала
Биббіенъ.

(О к о н ч а н і е .)

Кто захотѣлъ бы дойти до самаго начала новой Комедіи Италіянской, нѣкопорыми сочинителями понапрасну приписываемаго Прованскимъ Трубадурамъ; пошѣ обременилъ бы себя изслѣдованіями безконечными и почти бесполезными. Каковы были въ XII и XIII столѣтіяхъ сїи Комедіи Трубадуровъ? о шомъ никто не знаетъ; ибо въ уцѣлвшемъ оспашкѣ Трубадурскихъ стихосвореній невидно ничего похвального. Возразятъ: ихъ называли не комедіями, но *фарсами*. Очень хорошо! шакъ пусть скажутъ намъ, въ чемъ именно состояли фарсы, и какое было значеніе сего слова; но и ешо равнымъ образомъ оспается въ неизвѣстности. Дантѣ прежде всѣхъ Италіянскихъ стихосворцовъ упопребилъ

слово *комедія*, копорымъ назвалъ онъ спаринную поему свою обѣ Адѣ, Чистилищѣ и Раѣ. Боначчо также комедією назвалъ своего *Адмета*, подобіе романа, написаннаго прозою и стихами. Но въ какомъ бы смыслѣ ни принимали слово сіе Дантъ и Боначчо, довольно что съ четырнадцатаго вѣка оно не было упоребляемо въ семъ значеніи.

Въ пятнадцатомъ столѣтїи ревностно упражняшся начали въ Греческомъ языкѣ и вообще въ древней словесности; прилжно читали Латинскихъ Авторовъ; сочиненія Плавшвы и Теренціевы сдѣлались образцами подражанія. Въ Римѣ, во Флоренціи, въ Феррарѣ представляемы были комедїи ихъ на Латинскомъ языкѣ и на Италіянскомъ. Скоро потомъ спали выдумывать и располагать въ видѣ разговора новыя завязки; представляли на сценѣ свои характеры и вновь изобрѣпенныя происшествія, приправленныя солю древней Комедїи. Первый примѣръ подала Сїеннская Академія Роццїевъ. Сїенскїе Академики упоребляли въ сочиненїяхъ своихъ простонародной языкѣ, пословицы, соблазнительныя поговорки черни. Предсавленія ихъ сдѣлались извѣстными во всей Италїи. Левъ X, копорой очень хорошо разумѣлъ Тосканское нарѣчіе, призвалъ въ Римъ Сїенскихъ

Академиковъ и пакъ любилъ ихъ представленія, что ежегодно приглашалъ ихъ въ свою столицу.

Надобно вспомнить, что такое былъ дворъ Льва X, сей дворъ блестящій, сладостраспный, совершенно чуждый Евангельскаго смиренія; надобно себъ представить сего младаго первосвященника, преданнаго всякаго рода забавамъ, всѣмъ удовольствіямъ свѣтскимъ, единственно помышляющаго о празднествахъ, о пиршествахъ, о пышныхъ зрѣлищахъ; дань собираемую съ цѣлой Европы распочающаго на ушѣхъ, но также щедрого для ученыхъ и для художниковъ, между тѣмъ какъ въ странахъ далекихъ ревностные сборщики его получали дань сію отъ легковѣрныхъ государей и народовъ, пребуя во имя Бога для поддержанія святой церкви Его, для питанія бѣдныхъ, для разираспраненія вѣры! Кардиналы, ревнуя Папѣ, жили пышно какъ Азіятскіе вельможи. Каждой изъ нихъ, подобно владѣтельному Князю, содержалъ при себѣ многлюдный дворъ, и въ замкахъ преемниковъ Апостольскихъ только и видны были лошади, колесницы, гончія собаки, богашья ливреи, толпы служителей и множество придворныхъ.

Въ семъ священномъ соборѣ, походившемъ болѣе на дворъ свѣтскаго монарха,

Кардиналъ Биббіена опличался какъ пріятнымъ остроуміемъ, такъ и способностію къ дѣламъ государственнымъ. Его-по почитающъ сочинилемъ первой Италіянской комедіи, написанной въ подражаніе древнимъ. Спасься можешъ первыя двѣ комедіи Аріосповы (*) и Махіавелева Мандрагора написаны были однѣ въ Феррарѣ, а другая во Флоренціи, прежде нежели Каландрія сочинена въ Урбинѣ или въ Римѣ; но какъ не видно въ томъ совершенной достовѣрности, то лучше слѣдовало вообще извѣстному преданію.

Бернардо Дивиціо получилъ жизнь 1470 года отъ людей низкаго званія въ *Биббіенѣ*, и присвоилъ себѣ имя отъ мѣста рожденія. Братъ его *Пьетръ Дивиціо*, бывшій секретаремъ Лаврентія Пышнаго, познакомилъ его съ симъ знаменитымъ домомъ, и доставилъ ему должность при Іоаннѣ Медицисѣ, которой скоро потомъ сдѣлался Кардиналомъ, и которому *Бернардо* наслѣдокъ помогъ достать Папскую Тіару. Въ неблагопріятное для Медицисовъ время *Бернардо* показалъ имъ вѣрность свою и усердіе. Онъ отправился въ заоченіе съ Кардиналомъ Іоанномъ, со товариществовалъ ему во всѣхъ путешествіяхъ, и прибылъ

(*) *La Cassaria* и *Suppositi*.

съ нимъ въ Римъ , когда Кардиналу дозволено было явиться шамъ по смерти Александра VI. Биббїена умѣлъ поправиться Юлію II. Бывъ употребленъ въ дѣла важныя и шрудныя по волѣ сего Папы и Кардинала Медициса , онъ исполнилъ препорученїя свои весьма удачно.

Среди важныхъ сихъ упражненїй , блестящее остроумїе , мягкой нравъ и склонность къ забавамъ доставляли ему прїятныя удовольствїя , и Биббїена , какъ говоритъ Тирабощи (*), *умѣлъ сочетать работу съ любовью* (serre assoppiare alle fatiche gli amori). Доказательства тому найши можно во многихъ письмахъ *Вемба* (**). Любопытно видѣшь въ нихъ , какъ два будущїе Кардинала разсуждали о сердечныхъ дѣлахъ своихъ , совѣщовали другъ другу всячески хранишь тайну , и боясь огласки называли своихъ и чужихъ любезныхъ вымышленными именами.

При избранїи Папы , когда умеръ Юлій II , Биббїенъ предспалъ случай показашь все свое искусство , всѣ силы своего разума. Кардиналъ Іоаннъ имѣлъ на своей спо-

(*) Stor. della letter. Ital. T. VII. part. 3. pag. 143.

(**) Lettere del Bembo. Vol. 3. lib. 1. ann. 1505 - 1508.

ронѣ душевныя качества, могущество, и богатство своей фамилии; неблагопріятствовалъ ему только возрастъ; ибо ему было тридцать шесть лѣтъ отъ роду. Биббіена, ближайшій секретарь его, находясь вмѣстѣ съ нимъ въ Конклавѣ, выдумалъ способъ уничтожить сіе препятство. Онъ объявилъ за шайну каждому изъ собравшихся Кардиналовъ, что покровитель его одержанъ болѣзнію, и что ему недолго жить на свѣтѣ (*). Левъ X, избранный по такой причинѣ, которая въ другой менѣе развращенной вѣкѣ послужила бы къ удаленію его отъ Папскаго престола, не оспаривалъ въ забвеніи услугъ вѣрнаго своего наперсника. Сперва онъ сдѣлалъ его казначеемъ, потомъ возвелъ въ кардинальское достоинство (1513).

Возвышеніе Биббіены и милость, которую онъ пользовался при верховномъ Первосвященникѣ, дали ему возможность удо-

(*) Павелъ Ювій описываетъ случай сей иначе; по его словамъ, не было надобности въ помощи Биббіены. *Fuere, qui existimarent vel ob id seniores ad ferenda suffragia facilius accessisse, quod pridie disrupto eo abscessu, qui fedem occuparat, tanto fetore ex profluente sanie totum comitium implevisset, ut tanquam a mortifera tabe infectus, non diu supervicturus esse vel medicorum testimonio crederetur.* *Vita Leonis.* lib. 3.

влешворять любимымъ своимъ склонноспямъ. Онъ былъ ревностнѣйшимъ покровителемъ изящной словесности, въ которой самъ упражнялся беспреданно, и художествъ, коихъ былъ страстнымъ почитателемъ. Биббена удивлялся дарованіямъ великаго Рафаеля и былъ искреннимъ его другомъ; онъ выдалъ бы за него племянницу свою, еслибъ ранвременная кончина сего перваго живописца не уничтожила его предпріяшя. Новый Кардиналъ спарался пишашь во Левѣ Х склонирешь къ великолѣпю, къ празднествамъ и позорищамъ, до которыхъ самъ былъ охотникъ. Левъ любилъ шутки; особливо же находилъ удовольствіе забавляшья на счетъ шбхъ проспяковъ, которые соединяли въ себѣ легковѣрность со щеславіемъ; видѣли мы въ жизни его, какъ любилъ онъ шутить надъ какимъ-нибудь бессмысленнымъ музыкантомъ или надъ смѣшнымъ снихопворцомъ, припворясь будто удивляешья великимъ талантамъ и осыпая ихъ похвалами. Биббена помогалъ Папѣ въ смѣ забавныхъ сценахъ чрезвычайнымъ своимъ дарованіемъ искусно насмѣхашья и удивительнымъ припворсшвомъ.

Еще болѣе шѣшилъ онъ Святаго Отца представленіемъ *Каландримъ*. Сей родъ забавы доспойнѣе людей умныхъ, нежели на-

смѣшки; но и онѣ мало приличенѣ особамѣ
 шакого званія и сана. За нѣсколько лѣтъ
 еще *Каландрія* представлена была съ
 великою пышностію при Дворѣ Герцога
 Урбинскаго. Догадаться можно, что въ Ри-
 мѣ предѣ лицомѣ самаго Папы комедія сія
 играна была не съ меньшимѣ великолѣпїемѣ;
 ее представляли въ Вапиканскомѣ дворцѣ по
 случаю празднества въ честь Изабеллы,
 Принцессы Маншуанской. Балпазарѣ Пе-
 рузци, славный живописецѣ и зодчїй, дѣ-
 лалѣ декорацію, и она, какѣ говорилѣ Ва-
 зарїй, была величественнѣйшимѣ и пре-
 краснѣйшимѣ его произведенїемѣ (*).

Левѣ X не переспавалѣ однакожѣ пору-
 чать Биббїенѣ и важнѣйшія дѣла. Во вре-
 мя войны съ Герцогомѣ Урбинскимѣ онѣ
 пожаловалѣ его Легатомѣ и главнымѣ воево-
 дою Папскихѣ оксаченїй. Кардиналѣ окон-
 чилѣ дѣло сіе по желанїю Папы: по ни-
 чшожнымѣ причинамѣ, несчастный Гер-
 цогѣ лишенѣ своихѣ владѣнїй, которыя од-
 накожѣ не присоединены къ Церковной об-
 ласпи, но отданы Папскому племяннику
 Лавренцію Медицису. Пспомѣ Биббїена
 опправленѣ былѣ въ качествѣ Легата во
 Францію, чтобы склонилѣ Короля на кре-
 стовой походѣ прошиву Турковѣ. Извѣстно,

(*) *Vite de' Pittori*, lib. 3. *Vita di Baltaffare Peruzzi*.

что походъ сей окончился сборомъ съ Христіянскихъ государей подаши, кошорая была новымъ испочникомъ для распочительства Папы.

Кардиналъ возвратился въ Италію въ концѣ 1519 года. Тутъ незапная смерть похишила его въ то самое время, когда онъ чаялъ приращенія богатства своего и новыхъ почестей. Нѣкошорые дѣписатели полагаютъ, что Биббіена, ослабившись непемѣрнымъ честолюбіемъ, забылъ благодаренія Льва X, что умышлялъ на жизнь его, и что Папа, узнавши о томъ, приказалъ тайно опоить его ядомъ. Павелъ Говій говоритъ только, что Биббіена искалъ первосвященства въ такомъ случаѣ, когда бы Папа умеръ, что Францискъ I обнадежилъ его своею помощію, и что Левъ освѣдомившись о томъ очень разсердился, а Биббіена скоро послѣ того занемогши и не получивъ отъ самыхъ надежныхъ лѣкарствъ никакого облегченія, подумалъ, что умираетъ отъ яда. Другой писатель повѣсвуетъ, что по вскрытіи трупа Биббіены, во внутренности его нашли признаки оправы. Какъ бы то ни было, намѣреніе Кардинала получить священную шіару кажешся несомнительнымъ, и оно только одно неудалось сему счастливому человеку. Очень жаль, что въ спискѣ Папъ нѣтъ имени сочинителя *Каландри!*

Почти одна только сѣя комедія осталась изъ сочиненій Биббіены. Названіе свое имѣетъ она отъ *Каландро*, смѣшной особы въ комедіи. Предложимъ здѣсь въ немногихъ словахъ ея содержаніе, завязку и нѣкошорыя забавныя сцены. Въкѣ Льва Х сполько непоходитъ на нынѣшнее время, что едва рѣшаюсь я коснуться слегка до того, что самыми вняшными словами говорено и даже въ дѣйствіи представляемо было предъ освященнымъ соборомъ, и отъ чего Папа и Кардиналы помирали со смѣху.

Лидіо и *Сантилла*, двойни братъ и сестра, такое имѣли сходство между собою, что никакъ нельзя было отличить ихъ другъ отъ друга. Они родились въ Морем, въ городъ Модонъ, разграбленномъ Турками. *Лидіо* ушелъ съ однимъ слугою, прѣѣхалъ въ Италію, и сталъ учиться въ Болоніи; узнавши, что его сестра, кошорую почиталъ погибшею, находится въ живыхъ, онъ пустился въ Римъ опыскивать *Сантиллу*. Тамъ влюбился въ Фульвію, жену слабоумнаго *Каландро*. Слуга нашего *Лидіо* явился къ проспяну, впустилъ къ нему въ службу, познакомилъ любовника съ хозяйкою дома, нарядилъ господина своего въ женское платье и ввелъ его въ домъ подъ именемъ сестры его *Сантильы*. Уже нѣсколько мѣсяцевъ

дѣла идущѣ по желанію любящихся и предѣ глазами *Каландро*, которой не только ни о чемѣ не догадался, но и самѣ даже вдругѣ вздумалѣ влюбиться вѣ молодую *Сантимила*, приходившую часто навѣщать его супругу, — по естѣ, влюбился вѣ *Лидіо*, котораго почиталѣ пригожею дѣвушкою; короче, пресподушной *Каландро* вздумалѣ волочиться за любовникомѣ жены своей *Фульвіи*.

Между тѣмѣ настоящая *Сантимила*, послѣ разрушенія отечественнаго ея города, кормилицею и однимѣ вѣрнымѣ служилемѣ пересѣвшая вѣ платье мушоны, подѣ именемѣ своего брата, котораго почитала убитымѣ, пустилась странствовать. Намѣрѣ взята была вѣ плѣнѣ сѣ кормилицею и служилемѣ. *Перилло*, богатый купецѣ Флорентинскій, выкупивши ихѣ изѣ неволи, привезѣ сѣ собою вѣ Римѣ, и поселился близѣ дома нашего *Каландро*. *Перилло* будучи весьма доволенѣ своимѣ *Лидіо*, молодымѣ своимѣ прикащикомѣ, хочѣ женишь егѣ на своей дочери. Настоящій *Лидіо* нѣсколько дней неходитѣ кѣ *Фульвіи*, опасаясь чпобы наконецѣ не открылись егѣ шалости. *Фульвія* мучится отѣ нетерпѣнія; любя страстно, она боится, чпобы нѣжной другѣ ея не складѣлѣ, и непремѣнно желаетѣ его видѣть. Одинѣ колдунѣ берется приве-
сти кѣ ней любовника и по обыкновецію вѣ

женскомъ плашьѣ; онъ находишь мнимаго *Лидіо*, или наспоющую *Сантиллу* одѣшую въ мужское плашье; она въ крайнемъ замѣшательствѣ, опъ шого что *Перилло* непременно хочешь сдѣлать ее своимъ зятемъ. Колдунъ приглашаетъ ее къ *Фульвіи*, думая, что говоритъ съ наспоющимъ *Лидіо*. *Сантиллѣ* вздумалось позабавишься симъ случаемъ; она надѣваетъ женское плашье, которое достала ей кормилица, и рѣшилась идти къ *Фульвіи* подъ видомъ любовника, но въ одеждѣ своего пола. Между шѣмъ *Фульвія*, не видя *Лидіо*, перяешь шерпѣнїе, наряжается мущиною и идешь искашь его.

Въ шо же время *Каландро*, влюбленный до безумїя въ *Лидіо*, почишаемаго имъ за *Сантиллу*, опкрывается *Фессеніо*, шому плушоватому слугѣ, которой живешь у него изъ усердїя къ наспоющему своему господину. *Фессеніо* обѣщается помочь ему въ сей нуждѣ; но шребуешь для предоспорожности, что бы онъ велѣлъ нести себя въ сундукъ, крѣпко запершомъ. — А ежели сундукъ будешь очень малъ? — Что нужды! васъ можно уложишь въ немъ кусками. — Какъ кусками? — Точно кусками; шупъ нѣтъ ни малѣйшей шрудности. Ешо обыкновенной способъ плушешествовать по морю. Не думаете ли, что бы иначе можно было на кораблѣ удержашься? У каждаго

пассажира опсбваюшъ руки, ноги и всѣ члены; пошомъ кладушъ ихъ въ ящики; а приплывши къ берегу, каждой опять беретъ свои члены и идетъ за своими дѣлами; вся хипрость ссешеншъ въ одномъ только словѣ. — Въ какомъ? — Въ словѣ: *Амбракакуллакъ*. Надобно только хорошо произнести его, и каждой членъ вдругъ очушится на своемъ мѣстѣ.

Урокъ о выговорѣ слова сего весьма забавенъ. *Каландро* нѣсколько разъ произносивъ не въ попадѣ. *Фессеніо* заспавляетъ его выговаривать по складамъ, и при каждомъ слогѣ сильно держаетъ его за руку. Наконецъ *Каландро* вскрикиваетъ. Все пропало! говоритъ *Фессеніо*: вы крикомъ своимъ уничтожили волшебную силу. — *Каландро* досадуетъ, что помѣшалъ вывихнуть себѣ руку. Что дѣлать? Какъ поправить ошибку? *Фессеніо* отвѣчаетъ съ просподушїемъ, истинно комическимъ. Я найду, говоритъ онъ, такой большой сундукъ, что вы въ немъ и шагъ помѣститесь.

Въ другомъ явленіи *Каландро* находитъ новую шрудность. Въ какомъ состоянїи надобно лежать въ сундукъ, во снѣли бытъ или бодрствовать? — Ни то ни другое: сидя на лошади не снѣшь, по улицамъ ходяшь,

за споломъ бдяшъ, на лавкѣ сидяшъ, на постели спяшъ; а въ сундукѣ надобно бышь мершвымъ. — Какъ мершвымъ? — Точно мершвымъ. — Къ чоршу! куда епо годишся! — Случалось ли вамъ умереть когда-нибудь? — Кажется, нѣтъ. — Почемужъ вы знаете, что епо никуда негодится, ежели вы ни однажды не умирали? — А тебѣ развѣ случалось? — Мнѣ! развѣ тысячу въ жизни. — Чшожъ, вѣдь очень больно? — Умереть, заснуть, все равно. — Такъ надобно, чтобъ и я умеръ? — И вѣдомо, когда ляжеше въ сундукъ. — Да скажи мнѣ, какъ умирають? — Суцая бездѣлица! надобно закрыть глаза, сложить руки на крестъ, не шевелиться, не слышать и не видѣть шого, что около васъ говорятъ и дѣлають. — Понимаю; но послѣ ожипъ снова, думаю, шрудно. — Вы угадали; епо самая величайшая и прекраснѣйшая шайна, о которой донынѣ еще никто не знаетъ. Однакожъ я вамъ ее объявлю, ежели только поклянешесь никому не сказывать. — Съ радостію клянусь тебѣ, что никто не узнаетъ. Ежели угодно, я и самъ себѣ не скажу ни слова. — О! себѣ самому позволяешся вамъ говорить, сколько захопите; только на одно ухо, а не на оба. — Такъ скажи же поскорѣ. — Вамъ извѣстно, дорогой мой господинъ, что ме-

жду живымъ и мертвымъ па только и раз-
ница, что одинъ можетъ двигаться, а дру-
гой нѣтъ. II такъ вотъ въ чемъ вся тай-
на: должно поднять лице къ верху и плю-
нуть на воздухъ; потомъ спрягнуться
всѣмъ своимъ теломъ; даже, открыть гла-
за и шевелить членами; тогда смерть
уйдетъ, и вы оживете. Повѣрьте мнѣ, что
поступая такимъ образомъ, не должно бо-
яшься смерти.

Каландро увѣренъ, что непрудно
умираешь и оживаешь, когда вздумается; но
чтобы еще болѣе увѣриться. онъ хочетъ
испытать то и другое. Начинается забав-
ная проба подъ руководствомъ плуша *Фес-
сеніо*. На послѣдокъ приступаютъ къ дѣлу.
Все готово: *Лидіо* предувѣдомленъ; прі-
искана молодая женщина, которая должна
представлятъ мнимую *Синтиллу*, и ко-
торой заплачено за то, чтобы приласкала
глупца *Каландро* и по смѣялась бы надъ нимъ
хорошенько. Его заперли въ сундукъ, и оп-
равили въ путь на спинѣ наемнаго носиль-
щика. На заставѣ приспавы таможенные
спрашиваютъ, что въ сундукъ находится?
Опять забавная сцена между приспавами,
носильщикомъ, прелестницею и *Фессеніо*,
которой всѣхъ дурачить, а послѣ, чтобы
скорѣе кончить дѣло, признается, что въ

сундукъ лежитъ мершвецъ. Приставы открываютъ сундукъ и находятъ лежащаго въ немъ *Каландро*. — Для чего же несете въ сундукъ ешаго челоуѣка? спрашиваетъ приставъ. — Для того что онъ умеръ отъ мороваго повѣспрїя. — Отъ повѣспрїя? а я къ нему прикасался! — Тѣмъ для себя хуже. — Куда жъ вы несете его? — Несемъ бросить его въ рѣку и съ сундукомъ. — Какъ! восклицаетъ *Каландро* поднимаясь и выльзая изъ сундука: меня утопятъ! меня бросить въ рѣку! Нѣтъ, бездѣльники! я не умеръ! — При семъ вопль всѣ разбѣжались, и носильщикъ и приставы и нанятая прелестница. *Каландро* горячишся, хочетъ бить слугу; но плутъ *Фессеніо* клянется, что безъ того конфисковали бы сундукъ въ таможенъ. — Какая ешо женщина, спрашиваетъ *Каландро*, которая побѣжала отсюда изо всей мочи? кто она? — Ешо смерть; она была заперта въ сундукъ съ вами вмѣстѣ. — Со мною? — Точно съ вами. — Однакожъ я совсѣмъ не примѣшилъ ее. — Вѣрю; вѣдь и сонъ также невидимъ для васъ, когда спите; жажды вы невидите, когда пьете; алчбы, когда кушаете; если незахотите пришворяться, то и шеперь конечно признаетесь, что невидите жизни, хотя вы живы; а она шочно съ вами. — Правда, я

же вижу ея. — Ну почто такъ и смерти не лзя видѣтьшъ тому, кто умеръ.

Каландро все понялъ; онъ безпокоишся, какимъ образомъ дойти до *Санлииллы*, которая ждетъ его. — Ешто бездѣлица! опъвѣчаешъ *Фессеніо*: назвишесь носильщикомъ; вы же одѣшны неопряжно, и послѣ смерти лице ваше такъ перемѣнилось, что васъ теперь и узнать не можно. А я выдамъ себя за споляра, и принесу къ *Санлииллѣ* сундукъ, будпо бы мною сдѣланный. Она умна, догадается съ перваго слова, и дѣло кончится такъ, будпо бы вы въ сундукъ принесены были. Выдумка очень понравилась нашему волокишѣ. *Фессеніо* помоиъ ему взять сундукъ, и оба пошли куда надобно. Опять забавнсе явленіе. Нѣжная *Фульвія*, одѣшая въ мужское платье, была у *Лидіо* въ то самое время, когда пришелъ мужъ ея къ сей мнимой *Санлииллѣ*. Она припворяется, будпо нарядилась такъ для того, чшобъ поймать невѣрнаго своего *Каландро*, осыпаетъ его спрашкыми укоризнами, отводитъ дсмой и запираетъ.

Подлинная *Санлилла* въ назначенной часѣ является къ *Фульвіи* въ одѣждѣ своего пола, въ какой и братъ ея посѣщалъ свою пріятельницу. *Фульвія* принимаетъ ее за

Лидіо ; но ошибка скоро открываеиъся. Новое замѣшательство. Вина падаетъ на чародѣя , опъ котораго *Фульвія* требуетъ , чтобы все приведено было въ надлежащій порядокъ. *Сантїлла* опять надѣваетъ свое мужское платье , и ошибка сдѣлаетъ за ошибкою ; ибо думаютъ , что происходитъ перемѣна пола въ одной и той же особѣ. Колдунъ въ недоумѣніи ; призываемый имъ демонъ непомогаетъ. Наконецъ братъ и сестра встрѣчаются , и узнаютъ другъ друга. *Сантїлла* склоняетъ брата своего жениться на дочери *Перилло* ; *Фульвія* , разными хитростями выпушавшись изъ бѣды , охотно на то соглашается , равно и на бракъ сына своего *Фламиніо* , за котораго *Сантїлла* намѣрена выдти. Такимъ образомъ всѣ остаются довольны , кромѣ сестраго *Каландро* , героя комедїи.

Таково содержаніе славной *Каландріи* , о которой столь часто упоминаютъ , когда идетъ рѣчь о возрожденіи комедїи въ Европѣ , но коей содержаніе , расположеніе и завязка до сихъ поръ никѣмъ небыли описаны. *Каландрія* , или *Каландра* , названная такъ опъ имени главнаго лица , напечатана скоро послѣ смерти сочинителя , и тогда же сдѣлалась извѣстною во всей Италїи. Слава ея была некрапковре-

менна; даже и теперь Флорентинцы, любивши чистоту своего языка, почитаютъ ее на ряду съ лучшими сочиненіями стариннаго театра.

Каландрія походитъ, какъ можно было примѣнить, на Плавшвы комедіи. Менехмы послужили поводомъ въ сочиненію *Каландріи*, и даже видно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно имъ близкое подражаніе. Двойни разнаго пола гораздо забавнѣе Плавшвыхъ Менехмовъ. *Каландрія* написана прозою; сочинитель въ прологѣ объявляетъ и причину тому, а именно что люди разговариваютъ прозою, а не стихами. Аристофанъ, Плавшъ и Теренцій могли бы то же сказать въ свое оправданіе; однакожъ они сочиняли стихами свои комедіи. Правда, отличнѣйше изъ новыхъ поетовъ часто писали комедіи прозою, за что и хулишь ихъ не должно; однакожъ тѣ изъ нихъ поступили еще лучше, которые при хорошихъ способностяхъ и надосугѣ сочиняли комедіи въ стихахъ, каковы напримѣръ *Тарлюфъ*, *Мизантропъ*, *Ученья женщины*; также *Игрокъ*, *Менехмы*, *Завѣщатель*, или *Лжець*, *Челобитчики*, *Мелроманія* и многія другія.

Разговоръ въ *Каландріи* вообще живъ и плавной; слогъ легкой, изобилующій шб-

ми Тосканскими выраженіями, которыя имѣ-
 ютъ сходство съ Греческимъ ашицизмомъ
 и съ Римскою чистотою; но въ несчастію
 онъ испорченъ множествомъ словъ игри-
 выхъ, обоюдныхъ, очень неблагоприспой-
 ныхъ, неодобряемыхъ изящнымъ вкусомъ;
 ихъ извинить можно развѣ только примѣ-
 ромъ Плавта, которому подражалъ нашъ
 сочинитель. Нравы въ сей комедіи и сами
 по себѣ дурны и обработаны безъ искус-
 ства. Почти непонятно, какъ могли
 просвѣщенные государи Италіи и благоче-
 стивый Первосвященникъ Рима безъ спы-
 да сморгнуть на представленіе Каландріи;
 но должно вспомнить о чрезвычайной по-
 го вѣка развращенности, которая очень
 худо извѣстна людямъ, предпочитающимъ
 нравы погдашніе нравамъ нынѣшняго времени,

Съ Франц. Т.

III. К Р И Т И К А.

Прихотникъ или Календарь объяденія (*).

Хорошая поваренная книга есть драгоценное приобретение въ ученѣмъ свѣтѣ. Важность поваренной науки неоспорима. Удовольствія, доставляемыя намъ кухнею, говоритъ г. Сочинитель *Календаря объяденія*; брали всегда преимущество надъ всѣми шѣми, кои составляютъ главную заботливостъ людей собравшихся въ общество. Не долженъ ли всякъ признаваться, на зло Споеикамъ, что удовольствія сїи прежде всего вкушаемъ, позже всего оставляемъ, и чаще всего ощущаемъ? Счастливыи желудокъ, или такъ называемыя добрыя жернова многіе почищаютъ началомъ всякаго благополучія; да и мы лег-

(*) Указующій легчайшіе способы имѣть наилучшій столъ, съ приложеніемъ *Сытнаго дорожника* и съ полнымъ описаніемъ лакомыхъ блюдъ каждаго мѣсяца, также всѣхъ животноныхъ, птицъ, рыбъ и растѣній, приготовляемыхъ въ послѣднемъ вкусѣ. Въ С. Пешербургѣ, въ типографіи И. Глазунова 1809 года.

ко бы могли доказать, что спомохъ болѣе имѣетъ вліянія, нежели думаютъ, на всѣ дѣянія нашей жизни. Колико краше участь цѣлаго народа зависѣла отъ того единственно, какъ скоро или какъ медленно сваритъ пищу свою желудокъ перваго министра!“ Мосье Нассероль, славный Французскій кухмиспръ, мудрый наславникъ Якова Роспера (*), говаривалъ, что въ поваренной наукѣ заключающіяся Астрономія, Физика, Химія, Мораль, Политика и Медицина. Да полько ли? Даже изящная Словесность принадлежишь къ поваренному факультету; иначе, какая бы намъ нужда увѣдомлять чинашелей о *Календарѣ объявленія* и выхвалять его достоинства!

Вопервыхъ надобно вспомнить, что множество метафоръ, употребляемыхъ нами въ разговорѣ и на письмѣ, когда дѣло идетъ о словѣ, заимствовано отъ чувства, господствующаго во рту, и отъ поваренныхъ предметовъ. *Вкусъ* есть верховный судія и въ Словесности и надъ блюдами; хорошее сочиненіе доставляетъ разуму *сладкую лищу*; мы говоримъ, что комедіи Княжнина и Фонъ Визина *приправлены солью*, что такая-то книга *наполнена приправными* сенсименпальнымъ Фран-

(*) Смощри Княжнина Комедію *Неудачный прижиритель*.

цузско - Русскимъ бредомъ , что такая - то комедія принадлежитъ къ числу *фарсовъ* — а фарсъ , какъ извѣстно , есть не что иное какъ *пирожная начинка*.

Еще замѣтимъ сходство между липшерапоромъ и кухмистеромъ. Ихъ только произведенія подлежащъ суду всѣхъ людей, и ученыхъ и неученыхъ. Кто неупражнялся въ Математику, или въ Физику, или въ Медицину; пошъ безъ околичностей скажетъ вамъ, что не его дѣло повѣрять Нюпоновъ и Бйлеровъ, Франклиновъ и Гальваніевъ, Бровновъ и Гуфеландовъ. Напрощивъ того въ поваренномъ дѣлѣ и въ словесности сунцій невѣжда выдаетъ себя за судію, и рѣшительно говоритъ о деспионисствѣ блюдъ и сочиненій. Вершопрахъ, которому во всю жизнь не удавалось ни однажды постоять у очага, безстыдно хулилъ такія кушанья, на пригошвленіе коихъ истощено все искусство замысловатаго повара. Бапюшинъ сынокъ, зашвердившій имена Корнели да Рафина, прочтальщій двѣ или три сказочки, — жеманная щеголиха, неумѣющая написать двухъ строчекъ о здоровьи къ милой *кузинѣ*, дерзко произносящъ свой приговоръ о сочиненіяхъ и прозаическихъ и стихотворныхъ.

За скудостью познаній нашихъ въ Археологіи, не беремся рѣшить, какъ далеко

превзошли мы древнихъ въ искусствѣ гоповипь хорошия блюда. Судя по успѣхамъ въ другихъ наукахъ, сважемъ на угадъ и вѣрно не ошибемся, что важное сочиненіе древняго Аппіція De arte coquinariâ передъ нашимъ *Прихотливикомъ* или *Календаремъ объяденія* естъ по же, что младенецъ передъ взрослымъ человекомъ.

Такъ, мы ученбе древнихъ! Но увы! что значитъ ученость наша передъ ихъ чудесными дарованіями? Гдѣ въ нынѣшнее время найши человека, котораго безъ лести можно бы назвать *лучиною*, *gurges*, по выраженію Цицерона? Величайшіе наши обжоры сушь не что иное какъ смиренныя поспиники передъ древними. Не стану распространяться о геройскомъ подвигѣ Миллона, которой убилъ кулакомъ своимъ быка съ одного разу, и въ одинъ день съѣлъ его; лучше напомню чипашелямъ о знаменитомъ Фагонѣ, которой приглащенъ будучи къ сполу Императора Авреліана, въ присутствіи сего Монарха, чтобы позабавипь его, сожралъ свиную шусу, барана, поросенка, сто хлѣбовъ, и выпилъ цѣлую *орку* вина, которое вливали въ достопамятнаго Фагона посредствомъ воронки. Надобно думать, что *оркою* называлась мѣра немалая. Монпфоконъ говоритъ, что она была гораздо болѣе *амфоры*. По мнѣнію

же Калепина именованъ симъ назывался огромной сосудъ, по сходству съ нѣкопородымъ морскимъ животноымъ изъ роду кишовъ. И такъ Фагонъ опорожнилъ цѣлаго кища. Непроспипельно было бы усомниться въ справедливости опличнаго сего дѣянiя; о немъ свидѣтельствуетъ Вопискъ, почтенный историкъ Римскiй. Плупархъ пишетъ, что у Лукулла было множество споловыхъ комнатъ, что каждая называлась именемъ какого-нибудь бога, и что для каждой опредѣлена была сумма издержекъ на прапезу. Сей роскошный Римлянинъ, продолжая Бiографъ Херонейскiй, угостилъ небольшимъ ужиномъ Помпея и Цицерона, съ которыми нечаянно встрѣтился; ужинъ данъ былъ въ споловой Аполлона, и по вѣрному счету обошелся въ *пяльдесять тысячъ сребренниковъ*. Надобно знать, что для угощенiя Помпея и Цицерона не было сдѣлано никакихъ особливыхъ приготовленiй, и что сумма сiя составляла обыкновенной дневной расходъ хозяина. Особы, для которыхъ сочиненъ *Прихотливикъ* или *Календаръ объяденiя*, и которые по сей полезной книгѣ располагаются наполняя свой желудокъ, вѣроятно были бы довольны споломъ Лукулловымъ. Известно, что древнiе обжоры употребляли прекрасное средство обѣдаться два или три раза сряду, не опягчая желудка. По непривычкѣ, для

насъ оно показалось бы спраннымъ на первой случай; но судя по быстрымъ успѣхамъ повареннаго искусства и по мѣрѣ увеличивающейся охоты къ лакомымъ яствамъ, можно надѣяться, что и сіе усладительное обыкновеніе возобновится.

Прихотливикъ или Календарь объяденія есть сочиненіе предорогое по сыпному и лакомому своему содержанію. Въ немъ заключается (такъ пишеть сочинитель въ предисловіи) основательное и на доказательствахъ утвержденное показаніе всего того, что можеть льстить нашему сластолюбію. Книга сія сочинена въ спранѣ роскоши объяденія и *вкуса*. Авторъ ея, движимый папріотическимъ усердіемъ, видя что люди разбогатѣвшіе во время революціи, при всей охотѣ своей лакомиться, не умѣютъ издерживать денегъ съ пользою и удовольствіемъ, захотѣвъ открыть имъ надежнѣйшія средства удолетворять любимой спрасни. „Представьте себѣ богача (предисл. спр. XII) подѣ кучами золота спонущаго, снѣдаемаго необходимостію испрашитъ оное и состоящаго подѣ опекою своего повара, певѣжды или плуша; тогда сами увидите, какую пользу можеть принести небольшое сіе сочиненіе. Мгдасъ нашъ, оспавленный собственной волѣ въ незнакомѣмъ семъ поприщѣ, разорился, не сдѣ-

лазѣ себѣ и малѣйшей чести; а коварные подхлебатели станувъ еще насмѣхаться на счетъ самаго его и стола его, копорой, невзирая на величайшія издержки, часто будешъ до несносности гадокъ. Ибо съ одними деньгами нельзя сдѣлаться совершеннымъ хлѣбосоломъ, и искусство имѣть лакомой столъ не такъ легко пріобрѣтается, какъ воображаютъ себѣ просіаки наши.“ Сочинитель недосиговъ бы цѣли своей, ежелибъ классической сей книгѣ далъ неправильное расположеніе. Онъ раздѣлилъ ее на двѣнадцать мѣсяцовъ, и показалъ, что когда и какъ должно ѣсть въ Парижѣ. Въ оглавленіи, по азбучному порядку расположенномъ, содержатся всѣ нужныя вещи для пріисканія ихъ въ *Календарѣ объявленія* и въ *Сытномъ дорожничѣ*; не должно забывать, что въ книгѣ сей находится при *Календарѣ* еще и *Сытной дорожничѣ*, или *прогулка прихотника по разнымъ частямъ города Парижа*. Сочинитель справедливо замѣчаетъ, что не одни только художества и памятники, но еще лакомство всякаго рода и превосходство сѣвильныхъ припасовъ снисывали пѣсму, что Парижъ признается столицею Европы и единственнымъ городомъ, копорой иностранцы съ крайнимъ удовольствіемъ посѣщаютъ и куда охотнѣе всего возвращаются. „И дѣйстви-

пельно (спр. 230), въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ выгоднѣйшаго мѣста для вкусныхъ и лакомыхъ споловъ и для масперскихъ поваровъ, коими довольствуется онъ (ш. е. городъ) всю почти вселенную. Хотя же Парижъ самъ по себѣ и ничего непроизводитъ, ибо въ немъ не родится ни ползерна хлѣба, неводится ни одного барашка, не собирается ни одного качана канусъ; при всемъ томъ онъ былъ, есть и будетъ истиннымъ средопочѣмъ, куда все спекается со всѣхъ концовъ земли, потому что тамъ умѣютъ цѣнить насоящимъ образомъ качества и свойства всего, что идетъ на потребу и пищу человека, и лучше всѣхъ знаютъ, какъ все оное употребить въ пользу нашего сластолюбія. Ежедневная дань всѣхъ краевъ свѣта содержитъ тамъ всегдашнее изобиліе, и даже удаляетъ нѣкоторымъ образомъ дороговизну: всякъ знаетъ, что въ Парижѣ ничего нецѣдятъ для хорошаго спола; но всякъ также признается, что по сему самому уваженію жить тамъ всего дешевле. Смѣло можно сказать, что ни въ одномъ городѣ нелучше прихотливаго обѣда съ такою удобностию и за такую сходную цѣну, какъ въ царствѣ семъ вкуса и роскоши.“ — „Въ цѣломъ свѣтѣ (спр. 233) не найдете другаго города, гдѣ бы свѣспные заводы и лавки такъ размножились, какъ въ Парижѣ. Тамъ на одного книго-

продавца насчитываете сто практицистовъ, и тысячу пирожниковъ на одного мастера математическихъ инструментовъ. Но съ нѣкопрыхъ только лѣтъ поваренное и при-спѣшное искусство возрасло до невѣроятности, и приняло такой блестящій видъ, о коемъ до сего и немышляли. Предки наши бѣли для того, чтобы жить; а потомки ихъ, кажется для того только и живутъ, чтобы бспь. Всѣ новопріобрѣтенныя имѣнїя поворачиваются на брюхоудные наслажденїя наиболее оцупипельныя и прочныя, и ефимки нашихъ милліончиковъ всѣ почти уходятъ въ свѣспные рынки.“

Изъ сего крапкаго начертанїя каждой легко усмопрѣтъ можетъ, сколь нужно благвоспитанному человѣку вѣдать о Парижскихъ кофейныхъ домахъ, пракширахъ, гербергахъ и харчевняхъ. Въ *Сыльномъ дорожникѣ* содержится топографическое, историческое и економическое объ нихъ описанїе. Наши соотечественники, копорымъ суждено только воздыхать о Парижскихъ лакомствахъ, могутъ узнать, невыбжая изъ Россїи, что харчевникъ *Вьене* гошовитъ наилучшее жарное въ цѣломъ Парижѣ; что въ лавкѣ славнаго *Руже* продаются вкусныя пирожки съ лукомъ и неподобные паштеты съ зеленью; что въ харчевнѣ мадамы

Мандолини и шбсно и шемно ; что кофейной домб *де Фоа* въ Пале-Ройялѣ проданъ мадамъ *Ленуаръ*, которая сняла также и *Коррацову* кофейню; что въ улицѣ *Сейнь Маглоара* спояшб рядомъ два магазина, изъ которыхъ въ первомъ содержишб лавку *Малгербъ*, знаменишый колбасникъ, племянникъ *Кора*, коего супруга, по есть мадамъ *Коръ*, сама держала эшу лавку болѣе шести мѣсяцовъ, и проч. и проч.

Переводчикъ сей книги и издашель ея заслуживающб истинную благодарность отъ обжоръ вообще, и въ особенноти отъ почиташелей всего принадлежащаго до Французской поварни.

Т.

IV. С М Ъ С Ъ.

О Португальскихъ женщинахъ.

Женщины въ Лиссабонѣ и теперь еще подвержены досаднымъ предоспорожностямъ, избрѣженнымъ ревностию мужчинъ, и доказывающимъ невеликіе успѣхи въ просвѣщеніи. Тамъ и нынѣ еще нанимаютъ надзирапельницъ, которыхъ должны смотрѣть за всѣми поступками женъ и давать мужьямъ отчетъ въ ихъ поведеніи.

Португальскую госпожу, когда она выходитъ изъ дому, обыкновенно провожаютъ женщины, закушанныя въ епанчахъ полотняныхъ. У которой нѣтъ своихъ служанокъ, та нанимаетъ ихъ; ибо иначе выходить невозможно, а особливо въ праздники. Для сего дѣла обыкновенно употребляются негришанки или мулашки, и получаютъ копѣекъ по десяти за каждое провожанье. Всего забавнѣе смотрѣть на чепырехъ закушанныхъ женщинъ, торжественно шествующихъ за госпожею, и подражающихъ ея походкѣ. Португальскія госпожи рѣдко показываются въ обществахъ. Многія изъ нихъ въ цѣлой годъ не болѣе чепырехъ разъ выходятъ изъ дому, а иныя только одинъ разъ, и то въ приходскую церковь приобщиться Святымъ Тайнамъ. Почти въ каждомъ домѣ есть своя часовня, въ которой отправляется служба въ дни праздничныя.

Чужестранки бывають на гуляньяхъ; изъ Португалокъ же ни одной шамъ неувидише.

Обыкновенно всѣ женщины въ домѣ прячущся, увидѣвъ чужаго мужчину. Знакомой мнѣ Французской врачъ при недѣли сряду каждой день посѣщаль нѣкотораго Португальскаго дворянина, и во все время сіе могъ видѣшь жену его одинъ только разъ. Лишь только врачъ являлся, она уходила.

Женщины рѣдко показывающся на улицѣ; за то уже всегда можно видѣшь ихъ у оконъ, гдѣ проводятъ онѣ при четверти дня, и стоя съ открытою головою, какъ бы ни холодно было, смотрятъ на мимоходящихъ. Зимую бывають на нихъ епанча изъ толстой льняной матеріи.

Дома онѣ совсѣмъ безъ дѣла; никогда не занимающся ни чтеніемъ, ни работою: соскучившись бытъ у окна, ложатся на софѣ, ишобы снова помилъся скукою.

Прежде онѣ спулъевъ совсѣмъ не знали, и обыкновенно сживали у окна скорчивши ноги или на колѣняхъ, подъ которыя клали цыновку. И шеперь ешь въ Лиссабонѣ много женщинъ привыкшихъ къ такому сидѣнью, и никакъ неумѣющихъ держаться на спулѣ.

(Съ Французскаго.)

Московскія записки.

Въ бытность ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Москвѣ Декабря мѣсяца минувшаго года, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО и Ихъ Императорскія Высочества, Великая Княгиня ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА и Супругъ Ея Принцъ ГЕОРГЪ Голштейнъ-Олденбургскій, 9 числа удостоили Высочайшимъ посѣщеніемъ Своимъ Канцлера Графа Ивана Андреевича Оспермана. Послѣ обѣденнаго спола ГОСУДАРЬ бесѣдуя съ Графомъ, изъ уваженія къ старости и заслугамъ сего знаменитаго мужа, убѣдилъ его сѣсть, между шѣмъ какъ Самъ ОНЪ, Великая Княгиня и Принцъ спояли. Какъ же изумился почтенный хозяинъ, когда уронивши просць свою, увидѣлъ движеніе Великой Княгини, желавшей поднять ему оную! Графъ, до глубины сердца пронупый симъ знакомъ уваженія, самъ кинулся поднять просць, и въ замѣшательствѣ едва могъ удержаться на своихъ креслахъ; слезы блеснули на глазахъ старца. Чшо чувствовалъ онъ въ сію минупу! Чшо чувствовали предстояшіе! Рѣдкій примѣръ уваженія къ старости и заслугамъ! Произшествіе сіе рассказано Графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, очевиднымъ свидѣтелемъ, и описано въ особливой книжкѣ (*), изданной Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ.

*

Сего Января 4 числа скончалась въ Москвѣ Княгиня Екашерина Ромайовна Дашкова, Шпашсъ-Дама и Кавалеръ ордена св. Екашерини 1 го класса, урожденная Графиня Ворож-

(*) Рѣдкій примѣръ уваженія къ старости.
Москва 1809 года на 8 страницахъ.

цова. Она родилась въ С. Петербургѣ 1744 года. Императрица Елисаветъ Пешровна и Императоръ Пешръ Ѳеодоровичъ, тогда еще бывший Великимъ Княземъ, принимали ее отъ купели. На 15 году вышла она за мужъ, а на 18 овдовѣла. Достоинство Спашсв - Дамы и орденъ получила въ 1762 году. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, куда предпринимала она путешествіе, съ 1782 году была Директоромъ Императорской Академіи Наукъ и Предсѣдателемъ Россійской Академіи. Сверхъ того принята была въ Члены Штокгольмской, Берлинской и Ерлангенской Академій, и обществъ Филадельфскаго Философскаго и С. Петербургскаго любитель наукъ, словесности и художествъ, а наконецъ въ почетные Члены Московскаго Университета, которому принесла въ даръ физической свой кабинетъ Натуральной Истории и собраніе рѣдкостей. Первое произведеніе пера ея, переводъ Вольшера *Опыта объ Эпической поезіи*, напечатано въ ежемѣсячномъ сочиненіи, подъ названіемъ *Невняное упражненіе*, въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II. Многіе списки ея, на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ писанные къ сей Государынѣ, когда она была еще Великою Княгинею, не дошли до свѣдѣнія публики. Нѣкоторыя сочиненія Княгини Дашковой помѣщены въ *Собесѣдникѣ* и въ *Другѣ просвѣщенія*. Подъ ея надзоромъ составленъ словарь, изданный Россійскою Академіею. Сама Княгиня обработала слова начинающіяся съ Ц, Ш и Щ; дала опредѣленія нѣкоторымъ реченіямъ, нравственныя качества изображающимъ, и вообще усовершенствованію совокупнаго труда содѣйствовала совѣтами своими и примѣчаніями. Въ *Другѣ*

просвѣщенія, откуда извѣстія сіи большею частію заимствованы, упоминается о двухъ Княгини Дашковой комедіяхъ: первая, подъ названіемъ *Тойсіюковъ*, написана по убѣжденію Императрицы Екатерины; другая — *Свадьба Фабіанна, или алчность къ богатству наказанная*, служащая продолженіемъ извѣстной комедіи г-на Коцебу *Бѣдность и Благогородство души*, сочинена 1799 года въ деревнѣ Графа Александра Романовича Воронцова, брата покойной Княгини.

*

На сихъ дняхъ вышла здѣсь изъ печати Россійская Грамматика, изданная г-мъ *Розановымъ* (*). Для большей удобности и чшобы книгу свою сдѣлать вразумительнѣе для дѣшей, г. Сочинитель далъ ей совсѣмъ новое расположеніе: за *Этимологію* слѣдуетъ у него *Синтаксисъ*, а за симъ уже *Орвографія*. Просодія у древнихъ составляла часть Грамматики; у насъ она принадлежитъ къ наукѣ стихосложенія; слѣдственно и надобности нѣтъ извѣстнаго ея въ Грамматикѣ. Въ другихъ учебныхъ книгахъ для сей науки глаголы раздѣляются на два спряженія по различію окончаній ихъ въ настоящемъ времени; на примѣръ: *дѣлаю, дѣлаешь, верчу, вершишь*; отъ того великое множество глаголовъ необходимо принадлежитъ къ числу неправильныхъ. Императорская Россійская Академія, раздѣливъ *простые* глаголы на четыре спряженія, уменьшила число неправильныхъ; оставалось показать правила о спряженіи и о производеніи *сложныхъ* глаголовъ, коихъ несравненно болѣе нежели простыхъ. Г. Розановъ дополнилъ и сей

(*) Въ типографіи С. Селивановскаго 1810.

недостатковъ, по возможности. Запвердишь немногія правила въ какой бы то ни было наукѣ гораздо легче, нежели упомнишь безчисленное множество исключеній.

*

Въ книгѣ *Рѣдкій благодѣтельный подвигъ Зоя Константиновича Каплани*, недавно изданной на Россійскомъ и Греческомъ языкахъ (*), помѣщено краткое описаніе жизни сего почтеннаго мужа, скончавшагося въ Декабрѣ 1806 года. По примѣру господъ *Зосимъ* (учредившихъ въ опечесствѣ своемъ Греческое училище, для содержанія котораго на вѣчныя времена, внесли они въ здѣшній Воспитательный домъ достаточную сумму денегъ) покойный *Каплани*, основавши въ городѣ *Іоанннлахъ* собственнымъ своимъ иждивеніемъ новое *Греческое училище*, положилъ на содержаніе онаго въ помѣже Воспитательный домъ *сто тысячъ рублей*, и не задолго передъ кончиною своею въ завѣщаніи написалъ, чтобы остающіяся деньги по смерти его были собраны и отданы въ Воспитательный же домъ какъ для пользы *Капланиева* училища, такъ и на другія дѣла богоугодныя. Пребывающіе въ Москвѣ душеприкащики покойнаго, имъ самимъ избранные, Коллежскій Ассессоръ *М. Д. Критскій* и Нѣжинскій Грекъ *Ф. Д. Мецовитовъ*, въ испекшемъ 1809 году окончили все дѣло по волѣ завѣщателя. Собравъ оставшіяся послѣ его деньги, они внесли въ Сохранную казну *семьдесятъ одну тысячу* рублей. Кромѣ сихъ пожертвованій покойный Каплани употребилъ въ

(*) Печаш. въ Москвѣ, въ типографіи С. Селивановскаго, 1809 года.

разныя времена значительныя издержки на вспоможеніе спраждующимъ: и на разныя дѣла богоугодныя. Онъ жилъ до кончины своей въ здѣшнемъ Греческомъ Николаевскомъ монастырѣ, въ сообществѣ съ другимъ своимъ *Землемъ Пасловичемъ Зосимою*, коюрой соебшани своими помогъ ему воздвигнуть себѣ вѣчный памятникъ въ сердцахъ соотчичей и всѣхъ друзей человѣчества.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ Парижѣ занимающіяся новою книгою Полковника Гробера. Типуль ея: *De l'exécution dramatique avec le matériel de la salle et de la scène.* Сочинитель разсуждаетъ сперва о драматическомъ представленіи древнихъ, о выгодахъ и о неудобствахъ театровъ ихъ, потомъ о театрахъ нынѣшняго времени; описываетъ внутреннее расположеніе разныхъ театральныхъ зданій; за тѣмъ слѣдуетъ нѣсколько главъ о живописи, о перспективѣ, объ акустикѣ, о сценѣ, о перемѣнахъ и машинахъ, о декорацияхъ, объ освѣщеніи, объ одеждахъ; на послѣдокъ предлагаетъ планъ свой для построенія залы и новые способы нагрѣвать ее, освѣжать и освѣщать выгоднѣе прежняго. Можно воспользоваться нѣкоторыми замѣчаніями г-на Гробера; на примѣръ, говоря о томъ что надобно наблюдать историческую точность въ одеждѣ, онъ пишетъ: „Магометъ никогда не носилъ чалмы; онъ ходилъ съ открытою головою; длинные волосы его, раздѣленные на челъ, съ обѣихъ сторонъ спущившись лежали на плечахъ и мѣшались съ бородою. *Сильтоны*, или нынѣшніе монахи

Турецкіе, подражая пророку, носящъ воле-сы свои шакимъ же образомъ. Магомешъ одѣ-вался по Арабски, но ешь имѣлъ на себѣ епанчу широкую, льняную, бѣлаго цвѣща. Ноги его были ничѣмъ незакрышы. Въ знакъ смиренія носилъ онъ *бабуши*, извѣстную обувь. По обыкновенію Аравіянъ, имѣлъ въ рукъ *джервазъ*, шо ешь большую палку съ желзнымъ, острымъ наконечникомъ. Священ-ный Корабъ висѣлъ на перевязи у лѣваго бо-ка. Въ шакомъ ли видѣ представляющъ у насъ Магомета? — Г. Гроверъ желаетъ, чшобы му-зыканшы помѣщались не передъ сценою, но по сторонамъ театра, и были бы закрыты отъ зрительей; чшобы вмѣсто одного имѣшь двухъ суффлеровъ; чшобы ложи боковыя сняпы бы-ли со сцены; чшобы въ лѣпную пору для охлажденія между акшами открываемы были водомешы и проч. и проч.

*

Графъ *Фукроа*, извѣстный химикъ, умеръ въ Парижѣ Декабря 16 го. Онъ былъ Го-сударственный Совѣтникъ, Членъ Инспишу-ша, Профессоръ Политехнической школы, Му-зея Натуральной Исторіи и Медицинскаго учи-лища. Погребеніе пѣла его совершено съ вели-кою пышностію въ присутствіи значнѣй-шихъ чиновниковъ и депушатовъ, присланныхъ отъ Парижскихъ Лицеевъ. Надгробныя слова произнесены: Графомъ *Ренъйо* отъ Государ-ственного Совѣща, г - мѣ *Пронн* отъ Инспи-шуша, г - ми *Дефоктенемъ* и *Туре* отъ лица всѣхъ Профессоровъ и воспитанниковъ Музея и Медицинскаго училища.

*

Одинъ Нѣмецъ въ Журналѣ *Freimüthige* описываетъ чудеса, видѣнныя имъ въ Пепер-

гофъ 1804 года по случаю великолѣпнаго праздника. Чувства его были очарованы. Онъ самъ себѣ невѣрилъ, и почиалъ себя незапно перенесеннымъ въ міръ волшебный. Тупъ въ первый разъ услышалъ онъ Русскую роговую музыку. Какой восторгъ! оставивши спутницу свою, онъ побѣжалъ въ уединенное мѣсто и — заплакалъ. Такъ раздастся гласъ трубный спрашнаго суда (думаетъ нашъ Нѣмецъ)! Какая ужасная густота! какая ужасная сила! Тысячи людей, стоявшихъ около Нѣмца, можетъ быть сто разъ уже слышали сію музыку, но и они были пронухи до глубины сердца. Все ушло. „Первый тонъ всемогущаго баса обворожилъ мерзвенную шину всего просрачнаго сада (*). Симфонія двадцати органовъ не произвела бы такого дѣйствія, какъ сихъ осмнадцать рогонадувашелей. Для каждаго тона опредѣленъ особой человѣкъ. Цѣль всей жизни такого человѣка есть одинъ шолько тонъ!“ Далѣе, нашъ наблюдашель удивляется точности и вѣрности въ самыхъ трудныхъ тонахъ; перевозноситъ до небесъ едва слышное *piano*, неподражаемое *кресчендо*, гласомъ грома Божія гремящее *фортиссимо*, и напоследокъ недоумѣваетъ, какъ можно, чшобы такая чудесная музыка была управляема кнупомъ!! — Онъ видно слышалъ ошъ подобныхъ себѣ ученыхъ мужей, будно въ Россіи наказываютъ за ошибки въ симфоніи какъ за уголовное преступленіе. Съ такою Логикою въ головѣ, смотря на *Давидову* картину, или слушая пѣніе *Кресченщины*, уди-

(*) Иные подумаютъ, что мы шумимъ. Вотъ слова подлинника: *Der erste Ton des allmächtigen Bassen zauberte eine Todtenfille durch den ganzen weiten Garten*, и проч.

вляться можно, какъ одинъ умбешъ искусно правишь кистью, а другой напбвашъ ари въ сшранб, въ которой есть гильйошины для пресшупниковъ! И шакой человекъ выдаетъ себя за ученаго, ибо посылаешъ бредни свои въ журналъ печашашъ! и шакой человекъ вбрно гошовъ предложилъ услуги свои какому-нибудь Русскому Мидасу, и всбхъ въ домб, даже въ цбломъ околосб, заразилъ злобымъ своимъ невбжешвомъ!

*

По послбднему счисленію людей, господству Англіи принадлежащихъ, оказалось, что во владбніяхъ Европейскихъ находится 10,531,000 жителей; въ колоніяхъ и въ Индійскихъ областяхъ счисляется вообще 47 милліоновъ, въ числб которыхъ однакожъ нбшъ и одного милліона Европейцовъ и шакихъ подданныхъ, которые непосредственно коронб принадлежатъ. Мальша имбешъ 88,000 жителей; Капъ 70,000; Канада 195,000; Террб Невъ 25,000; новая Шотландія съ новымъ Брауншвейгомъ 150,000; Ямайка 353,000; новая Голландія 6,467.

*

Въ Декабрб прошлаго года кучеръ Сира Сиднея Шмиша, въ Лондонб въ публичномъ домб, подрался съ нбкоторымъ человекомъ, и потерялъ при семъ случаб ногу. Поводомъ къ ссорб былъ вопросъ: почему господинъ кучера, Сиръ Сидней, непомбшалъ Генералу Бонапарте возвратиться изъ Египта?

*

Находящійся шеперь въ Лондонб Персидскій посланникъ имбешъ дбшей 63 человекъ. Такое семейство въ Персіи, не есть еще мно-

гладное. Посланнику въ одинъ и шопъ же день родилось *шестеро* дѣшей, и сіе почишаешся шамъ за великое благополучіе.

~~~~~

У в ъ д о м л е н і я .

По желанію неизвѣстной Особы, при письмѣ изъ Бугульминскаго уѣзда приславшей 10 рублей, одна половина сихъ денегъ опшправлена въ *Тотьму*, къ Игумену Спаса Суморина монастыря Вареоломею, на раку новоявленнаго Чудошворца Феодосія, а другая въ *Почель* къ М. В. Беринговой.

*

Священникъ Г. И. Поповъ изъ *Бирючи* увѣдомляешъ, что кромѣ доставленныхъ къ нему черезъ Издашелей Вѣспника Европы денегъ для сиротъ умершаго діакона, онъ еще получилъ опш благошворителеш при письмахъ:

Изъ Москвы опш неизвѣстныхъ особъ:			
при письмѣ 23 Сеншября	-	-	25 руб.
— — — — —	-	-	50 —
— — — — — 24 — — — — —	-	-	25 —
въ пакешѣ, безъ письма	-	-	25 —
Изъ Покровской слободы Саран. губ. опш			
Малороссіянина	-	-	10 —
— Дорогобужа опш неизвѣстной благошворителешницы	-	-	25 —
— Ярославля опш Ивана Назимова			10 —
— Суздаля опш Василія Белина	-		5 —
Изъ Констаншиноград. повѣна.			
опш Ивана Филиповича Попова	-		5 —
— неизвѣстныхъ Особъ, безъ означенія мѣста и числа	}	-	50 —
		-	10 —

Ошѣ неизвѣст. особы	}	12 Октября	-	10 руб.
		16 ———	-	15 —
Изъ Пензы, ошѣ неизвѣстной особы				
21 Октября	-	-	-	30 —
— Села Тихвинскаго ошѣ А. О. Кожина				25 —
— Аспрахани ошѣ купца И. П.				25 —
— Села Мицоловки ошѣ Г. И. Краснокушскаго	-	-	-	100 —
— Санкшпешербурга ошѣ неизвѣстной особы, 28 Октября				25 —
— Севастополя, ошѣ И. К. . . ча				5 —
— Орской крѣпости ошѣ А. Г.				5 —
— Полшавы ошѣ неизвѣстной особы				25 —
— Льгова	—	—	—	5 —
— Санкшпешербурга ошѣ Василія	---	---	---	---
2 Декабря	-	-	-	10 —
Ошѣ Землемѣра Бирючинскаго Николая Васильевича				5 —
И того				525 —
Сверхъ того послано въ разныя времена черезъ Издашелей Вѣспника Европы денегъ, о кошорыхъ благошворители увѣдомлены				460 —
А всего				985 руб.

Сшаршая дочь покойнаго діакона выдана за мужъ, и при семъ случаѣ издержано 85 рублей; 30 рублей употреблено на содержаніе прочихъ пяшерыхъ сиротъ, изъ кошорыхъ одинъ мальчикъ обучается въ семинаріи, и по милости Преосвященнаго помѣщенъ шеперь въ число казенныхъ пшпомцевъ. Доспальною суммою почтенный Священникъ надѣшся довольствовашъ сиротъ, неумешшая оной.

У. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Франція.

Декабря 15 числа Е. В. Императоръ Наполеонъ въ 9 часовъ вечера пригласилъ въ большой кабинетъ свой Князя Архиканцлера Французской Имперіи Камбасереса и Спашсъ - Секретаря Императорской Фамиліи Государственнаго Министра Графа Ренью для возложенія на нихъ какъ отъ себя, такъ и отъ Императрицы важнаго дѣла. Обѣ призванныя особы, по прибытіи во дворецъ въ назначенное время, нашли вмѣстѣ Императора, Императрицу, Королей Голландскаго, Вестфальскаго и Неаполишанскаго, Принца Вице - Короля, Королевъ Испанскую, Голландскую, Вестфальскую и Неаполишанскую, Мадамъ (Матерь Императора), и Принцессу Павлину.

Е. В. Императоръ обращаясь ко Князю Архиканцлеру, произнесъ краткую рѣчь, въ которой извѣявилъ, что побуждаемый прискорбною для себя необходимостію, онъ вознамѣрился распоргнуть брачныя узы, доселѣ соединявшія его съ Императрицею Дозефиною. „Достигнувъ сорокалѣтняго возраста, сказалъ напоследокъ Императоръ, я могу еще надѣяться прожить время доспапочное для воспитанія по моимъ намѣреніямъ и правиламъ дѣшей, которыхъ даровашъ мнѣ благоизволишь Провидѣніе. Богу извѣстно, сколь тяжко было моему сердцу на сіе рѣшиться; но нѣтъ жернвы превышающей мое мужество, когда дѣло идетъ о благѣ Франціи. Почитаю нуж-

нымъ прибавишь', что я не только не имѣлъ никогда причины жаловаться, но напрошивъ того долженъ еще хвалиться приверженностію ко мнѣ и нѣжностію любезнѣйшей моей супруги; она украсила пятнадцать лѣтъ моей жизни; воспоминаніе о нихъ пребудетъ напечатлѣннымъ въ моемъ сердцѣ. Я короновалъ ее своею рукою; желаю, чтобы при ней оставались достоинство и пишло Императрицы; а особливо желаю, чтобы она никогда несомнѣвалась въ моихъ къ ней чувствованіяхъ, и всегда почитала бы меня лучшимъ и любезнѣйшимъ своимъ другомъ." Послѣ того Императрица изъяснилась, что ненадѣясь когда-либо имѣть дѣшей, она съ удовольствіемъ оказываетъ опытъ своей преданности своему супругу и благодѣтелю, и что охотно соглашается на распорженіе супружества.

Ихъ Величества повелѣли записать свои объявленія и взаимное обоихъ согласіе на распорженіе брачнаго союза, равнымъ образомъ и возлагаемое на Князя Архиканцлера полномочіе исполнить ихъ волю. Акты подписали: Императоръ, Императрица, Короли, Королевы, Принцессы и Принцы, а скрѣпилъ Государственный Секретарь Императорской Фамиліи.

На другой день было чрезвычайное собраніе въ Сенатѣ подъ предсѣдательствомъ Принца Архиканцлера. Вице-Король занялъ въ первой разѣ мѣсто свое какъ Государственный Архиканцлеръ, и въ семъ званіи далъ присягу, констишущею предписанную.

Послѣ рѣчи Вице-Короля и отвѣта предсѣдательствующаго Принца, Графъ Ренью пред-

ложилъ сдѣлать Сенатское опредѣленіе о расторженіи брака между Императоромъ Наполеономъ и Императрицею Іозефиною. Въ немъ содержатся слѣдующія статьи: 1 я. Брачный союзъ между Императоромъ Наполеономъ и Императрицею Іозефиною расторгается. 2 я. Императрица Іозефина удерживаетъ при себѣ титулъ и достоинство вѣнчанной Императрицы-Королевы. 3 я. На содержание Ея Величества назначается по 2 милліона франковъ изъ государственнаго казначейства. 4 я. Всѣ распоряженія, какія Императоромъ втредь сдѣланы будущъ въ пользу Императрицы, останутся непремѣнны и для его преемниковъ. 5 я. Сіе Сенатское опредѣленіе имѣетъ бытъ представлено къ Его И. В. - у чрезъ назначенныхъ къ тому Сенаторовъ;

Послѣ того Графъ Реньо объяснилъ въ крашкѣ рѣчи нѣ причины, которыя заставили присупить къ столь важному дѣлу. Когда Графъ пересталъ говорить, Принцъ Вице - Король изъяснилъ чувства, одушевляющія его фамилію. „Моя матерь, сестра и я, между прочимъ сказалъ онъ, всѣмъ одолжены Императору. Онъ былъ истиннымъ отцомъ для насъ: во всякое время онъ найдеть въ насъ приверженныхъ дѣтей и покорныхъ подданныхъ. Нужно для блага Франціи, чтобы основатель сей четвертой Династии достигалъ спароси посреди родныхъ дѣтей, поручителей за нашу безопасность и заложниковъ отечественной славы. Когда матерь моя предъ лицемъ всего народа была вѣнчаема рукою Августѣйшаго своего супруга; въ то время она возложила на себя долгъ жертвовать благу Франціи всѣми своими склонностями.“ За нѣмъ

Графъ Гарнье, годичный Предсѣдатель, предложилъ подвергнуть разсмотрѣнію особой комиссіи предначертанное опредѣленіе, которое бывъ одобрено, утверждено большинствомъ голосовъ. Сей актъ тогда же при адресахъ ошъ Сенаша отправленъ къ Императору находившемуся въ Трианонъ, и въ Мальмезонъ къ Императрицѣ. —

Король и Королева Баварскіе прибыли въ Парижъ Декабря 22 го. Вице-Король ѣздилъ къ нимъ на встрѣчу. Императоръ пріѣзжалъ въ Парижъ для посѣщенія высокихъ гостей своихъ, и скоро опять отправился въ Трианонъ, откуда уже два раза онъ ѣздилъ въ Мальмезонъ къ Императрицѣ Іозефинѣ. — Въ Парижѣ знаютъ заподлинно, что Французы съ Голландцами заняли Валхеренъ, и что Англичане совершенно оставили сей островъ. — Число жителей во Франціи простирается теперь до 38,262,540 человекъ, кромѣ людей военныхъ.

А в с т р і я .

Императоръ Францъ опять возвратился въ Вѣну изъ Пресбурга, по совершеніи похоронъ Ерцгерцога Карла Амвросія, Примаса Венгерскаго. — Французскимъ подрядчикамъ, которые для находящихся въ Вѣнѣ госпиталей и войскъ справили разныя вещи и припасы, выдано изъ милліонствъ гульденствъ банковыми ассигнаціями соотвѣстственно договору. Императорскимъ повелѣніемъ пренебрегается, чтобы вся излишняя золотая и серебряная посуда и вещи, кромѣ ложекъ, аншиковъ, медалей, мѣлкихъ издѣлій и проч. представлены были въ казну, съ тѣмъ что хозяевамъ будетъ выдаваема надлежащая за нихъ плата. Чтобы вы-

купить большую часть находящихся въ обращеніи банковыхъ ассигнацій, Авспрійскому правленію финансовъ пошребно *сто милліоновъ* гульденовъ ходячею монешою.

П р у с с і я.

Декабря 23 Король и Королева возвратились въ Берлинъ изъ Кенигсберга, въ кошоромъ Ихъ Величештва со времени Тильзишскаго мира имбли свое пребываніе.

С а к с о н і я.

Декабря 22 Король Саксонскій прибылъ въ Лейпцигъ изъ Парижа, и на другой день ошправился въ Дрезденъ. Е. В. получилъ ошъ Имперашора Наполеона въ подарокъ много прекрасной фарфоровой посуды съ фабрики Севрской и нѣсколько Гобеленевыхъ обоевъ.

19 *Января.*

При семъ Нумеръ картинка.

О Ш И Б К И

въ 1 книжкѣ Вѣстника Европы 1810 года,

Напечатано :

Читай :

стр. стр.

46	13	неудивитель-	удивительно ли,
		но ли,	
53	22	числяемыя	числяемы
55	27	кривленій	кривляній
71	24	комбозиперамѣ	композиперамѣ,

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 3. ФЕВРАЛЬ 1810.

I СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.
~~~~~

О состоянїи Римской Имперїи при Антонинахъ.

(Отрывокъ изъ Исторїи упадка и разрушенїя Римской Имперїи.)

Спраны, подвластныя скипешру Траяна и Антониновъ, были шѣсно соединены между собою законами и украшены произведенїями художествъ. Могло случиться, что пославленные надъ ними чиновники употребляли во зло власпъ свою; но никакъ не могли они причиняшь имъ великихъ ушѣсненїй; шѣмъ болѣе что у Римлянъ основанїя управы вообще были мудры, проспы и благодѣшельны. Жители провинцій безмяшежно исповѣдывали вѣру своихъ предковъ: побѣжденные, смѣшавшіеся съ побѣдшелями, одинакими наслаждались вы-

годами, и наравнѣ съ Римлянами достигали почестей и преимуществъ.

Полишики Сената и Государей въ отношеніяхъ, касавшихся до религіи, сколько содѣйствовало просвѣщеніе одной части подданныхъ, столько подкрѣпляло ее невѣжественное другой суевѣріе. Въ Римской Имперіи вѣроисповѣданія были различны: прослая чернь всѣ почитала истинными; Философы всѣ ложными; но правительство взирало вообще на всѣ вѣры, какъ на швердый оплотъ общественнаго благоденствія. — Такимъ образомъ терпимость вѣрѣ, одушевляя подданныхъ согласіемъ, внушала имъ и поддерживала въ нихъ взаимныя другъ къ другу любовь и снисхожденіе.

Въ Римѣ гонительная строгость Богословіи несуществовала. Тамъ не раздражала она своими испязаніями народнаго суевѣрія, не заключала его въ оковы системъ умозрительныхъ. Поклонникъ многихъ боговъ, привязанный сердцемъ и душою къ обрядамъ своей страны, съ несомнѣнною вѣрою посвящалъ себя различнымъ религіямъ, на землѣ исповѣдуемымъ. Спрахъ месши боговъ, благодарныя чувствованія, любопытство, сильно воспаляли его воображеніе. Сновидѣніе, предсказаніе, необычайный случай, путешествіе, предприня-

шое въ страны далекія — все безпрестанно заставляло его умножать статуи вры своей и сонмы боговъ, своихъ хранителей. Языческая Мифология составлена была изъ веществъ различныхъ, но непротивныхъ между собою. Какъ только начали боготворить героевъ и мудрецовъ, жизнью или смертию своею способствовавшихъ благу общества; тотчасъ все единодушно снали думать, что ежели боготворили ихъ и не были достойны божескаго поклоненія, по крайней мѣрѣ за великіе подвиги свои они заслуживали благоговѣнное почтеніе всего человѣческаго рода. Каждый мѣстъ и каждая рѣка были населены богами, особенно покровительствовавшими свои владычества. Римлянинъ въ то время, какъ заклиналъ себя гнѣвомъ Тибра, не могъ презирать жителя Египта, въ благоговѣнныхъ чувствованіяхъ повергавшагося предъ берегомъ Нила и благодарившаго сію рѣку за оказанныя ему благодѣянія. Видимыя силы природы, планеты и стихіи никогда во вселенной не измѣнялись; невидимыя власти нравственнаго міра были изображаемы въ вымыслахъ и аллегоріяхъ, совершенно имъ подобныхъ. Все добродѣтели содѣлались божествами; самому пороку были воздвигнуты олтари. Каждое искусство, каждое ремесло имѣло изъ житейскихъ небесныхъ своего покровителя, котораго свойства въ разные времена и въ

въ разныхъ спранахъ получили одинаксе образованіе по причинѣ сходства въ расположеніи поклонниковъ. Сомъ богъ, по различію своихъ обязанностей и характеровъ, казался, пребывая всемогущаго правителя, которому приписали высочайшія совершенства; спали именовашъ его вѣчнымъ ошцомъ и всемогущимъ владыкою.

Древніе въ вброисповданіи водимы были духомъ крошости: различіе религій не нарушало покоя вселенныя. Народы обращали вниманіе не на различіе, но на одно сходство въ обрядахъ богопочитанія. Часпо Грекъ, Римлянинъ и варваръ въ однихъ капищахъ приносили свои жерпвы. Какъ ни различествовали служебные ихъ обряды, но они увбрены были въ шомъ, что подъ различными именами поклонялись единому Богу. Гомеровы пбснопбнія украсили Мисеологію: сей великій Поэпъ первый устроилъ по чину многобожіе древняго мїра.

Греческіе Философы почерпали свою мораль болѣе изъ глубины сердца человѣческаго, нежели изъ свойствъ бышїя верховнаго; но между шѣмъ однакожъ Богъ былъ предметомъ глубочайшаго ихъ размышленія. Они въ высокихъ изслѣдованїяхъ своихъ обрѣмъ разкрыли всю силу и слабость ума человѣческаго. Философы между

собою опличались по чепыремъ главнымъ сектамъ. Спюики и Плашоники единспвенною цблю имбли примиреніе враждебной при ума сб сердцемъ, благоговбющимъ предъ Богомъ: первые оспавили намъ самыя уббдительнобйшїя истины, доказывающїя бышїе и совершенспво первоначальныя Вины, но не могли поспигнуть сошворенїя матерїи, они не различили Зиждипеля ошбшворенїй рукъ его. Напрошивъ шого Богъ Плашона и послбдовашелей его еспь сущеспво разумное, идеальное, необъемлемое чувспвами чловбческими. Епикурейцы и Академики мало разсуждали о вбрб. Скрюмная, нехваспливая система Академиковъ не позволяла имъ говорить обб ней: они сомнбвались о промыслб, а совершенное невбжеспво Епикурейцовъ совсбмъ его опшвергало. Греческіе Философы, какъ ни различныя вб своихъ толкахъ, единодушны были вб томъ, чшобъ не вбришь бреднямъ народнаго суевбрїя. Сїе великое начало было общимъ ихъ правиломъ, и они со всбмъ рвенїемъ сообщали его молодымъ ревностнымъ воспитанникамъ своимъ, шолпами къ нимъ приходившимъ вб Аѳины и другїя мбста Имперїи, украшенныя жилищами наукъ. Вб самомъ дблб, могъ ли Философъ почишпать истиннымъ оппечашкомъ свойспвб Божеспва дбшскїя бредни Поэшовъ и нескладныя преданїя древноспи? могъ ли онб

покланяясь, подобно Богу, шѣмъ, кои были на землѣ низкими рабами пороковъ и постыдныхъ вожделѣній? Цицеронъ всоружался всею силою ума и краснорѣчія прошивъ неслѣпыхъ системъ языческаго; онъ поколебалъ ихъ: но Лукіанова Сатира еще болѣе потрясла ихъ; ея оспрія спрѣлы причинили еще большее пораженіе. Сочинитель всѣми любимый не ошвыялся бы осмѣивать боговъ, если бы не былъ увѣренъ, что сіи небесные властители въ кругу просвѣщенныхъ людей содѣлались предметомъ внутренняго ихъ презрѣнія.

Во времена Антониновъ разлился дѣхъ безвѣрія; но въ Римѣ, не взирая на то, еще уважали выгоды жрецовъ и суевѣріе народа. Философы въ сочиненіяхъ и въ разговорахъ своихъ вездѣ превозносили достоинство разума; между шѣмъ однакожъ они дѣйствія свои всегда покоряли власти законовъ и обычаевъ. Будучи всегда снисходительны къ заблужденіямъ, возбуждившимъ въ нихъ сердечное соболѣзнованіе, они щадительно исполняли обряды предковъ своихъ, часто посѣщали капища боговъ, часто дѣйствовали сами на театрѣ суевѣрія, и часто безбожники, принося жертвы на оларѣ, одною только первосвященническою ризою прикрывалъ свое безбожіе.

Древніе мудрецы, пишая во глубинѣ сердецъ своихъ пакія чувствованія, никогда не вступали въ прю ни о догматахъ вѣры, ни о наружныхъ обрядахъ богопочитанія. Они съ величайшимъ хладнокровіемъ взирали на разнообразныя виды, принимаемыя заблужденіемъ для оболъщенія грубсй черни, и съ благоговѣніемъ присупали къ ошарямъ Юпишера, котораго внупренно презирали, но котораго между шбмъ со всѣмъ велелѣпіемъ славословили — Юпишера Ливійскаго, Олимпійскаго, Капитолійскаго.

Духъ гоненія не могъ вкрасься во владычештво Римской Имперіи. Правители ея не могли бытъ увлечены во слѣдъ обаяніямъ безумной ревности: ибо они были Философы; ибо законы Сенату предписывались мужами, просвѣщенными Аѣинскою мудростію. Въ государствѣ, гдѣ духовная власть соединена была съ гражданскою, не могли овладѣшь сердцами ни алчность къ корысти, ни великое честолюбіе. Знаменишѣйшіе Сенаторы опправляли священную должность жрецовъ; Государи всегда носили на себѣ санъ Великаго Первосвященника (Pontifex). Такое соединеніе религіи съ гражданскою управою одушевляло всѣ государственныя чины взаимнымъ между собою согласіемъ. Публичныя праздники успановлены были съ добрымъ намѣреніемъ — съ намѣреніемъ смягчить суровыя нравы на-

родовъ. Хироспъ Авгуровъ была полезнымъ орудіемъ въ рукахъ полишики, всячески желавшей насадить въ сердцахъ людей вѣрованіе въ жизнь будущую. Боги мстищели должны были рано или поздно наказать вѣроломца, и злодѣй, представляя себѣ люшья казни, опредѣленные богами, всегда шрепеталъ и ужасался. Такое сердечное убѣжденіе связывало общеспво самыми крѣпкими узами. Римляне, увѣренные, сколь все сіе полезно, думали, что всѣ религїи назидали благо Имперїи; имъ казалось, что во всякой странѣ суевѣрные обряды, освященные временемъ и опытомъ, должны бытъ свойственны жителямъ и климату. Спашуи боговъ и украшенїя капищъ часто были добычею алчной и ненасытимой корысти нѣкошорыхъ людей; не взирая на шо, побѣжденные народы въ исповѣданїи вѣры предковъ своихъ всегда были терпимы и даже покровительствовуемы побѣдителями. Кажешся изъ всѣхъ завоеванныхъ Римлянами странъ одна только Галлїя прешерпѣла гоненїя. Тиверїй и Клавдїй, подѣ благовиднымъ предлогомъ уничтоженїя человѣческихъ жершвъ, совершенно попрали опасную власшь Друидовъ; но ихъ изъ областей Римскихъ не изгоняли. Они богамъ своимъ и при олшаряхъ ихъ мирно въ неизвѣстности служили до самаго уничтоженїя язычеспва.

Въ Римѣ, подобно великому морскому приливу, со всѣхъ странъ свѣша толпами пришекали чужеземцы и приносили съ собою суевѣрїе своего опечесства. Тамъ жителямъ каждаго города было предоспавлено право свободно исповѣдывать древнюю вѣру предковъ своихъ; но иногда сїе общее право Римской Сенапъ давалъ имъ для того, дабы наконецъ пропшвупоспавившъ оплшщъ наводненїю смѣшныхъ обрядовъ. Изъ всѣхъ религїй самую недоспойною человекна и самую презрѣнною почиталась Египетская: по сей причинѣ часто запрещали исповѣданїе оной; часто до основанїя срывали капища Изиды и Сераписа, и не рѣдко чипшелей ихъ изгоняли изъ Рима и Италїи. Но что могутъ, что значатъ слабыя усилїя полишки передъ пламенною ревностїю фанатизма? Послѣ того опять появлялись изгнанники; скоро опять до одинаковой степени возрастало число поклонниковъ ихъ, и скоро опять съ новою, несравненно большею блистательностїю воздвигаемы были имъ капища. Наконецъ Изиду и Сераписа причислили къ сонму боговъ Римскихъ. Сей поступокъ ни мало не былъ пропшвенъ древнимъ постановленїямъ правительсшва. Римляне въ цвѣтущїя времена республики поржесшвенно чрезъ пословъ въ Капшполїю свою вызывали Сивиллу и Ескулапа, и о кажда городѣ, обыкновенно переманивали

жъ себѣ непріятельскихъ боговъ, обѣщая имъ и большія почести и отличнѣйшее поклоненіе. Такимъ образомъ Римъ, сей великолѣпный городъ, нечувствительно содѣлался храмомъ и свободнымъ обиталищемъ всѣхъ боговъ во вселенной.

Въ древнихъ республикахъ Греческихъ щизненно хранили кровь предковъ своихъ, и долгомъ поспавляли не мѣшати племени своего съ чужеземными народами. Такая ложная полишика сокрушила благососпояніе, ускорила паденіе Аѳинъ и Лакедемона. Римляне въ семъ случаѣ поступали иначе; имѣя предпріимчивый духъ, они пожертвовали гордостію власполубію. Завоеватели свѣта, слѣдуя внушеніямъ благоразумія и воспламенившись любобію ко славъ, не блюдали никакого различія ни между рабами, ни между чужеземцами, ни между варварами; всѣхъ доспойныхъ и добродѣтельныхъ людей принимали въ свои обѣщія. Въ Аѳинской Республикѣ, въ самое цвѣтущее время ея, было шридцать тысячъ гражданъ, и сіе малое число уменьшилось еще девятью тысячами. Римъ приращеніемъ гражданъ своихъ предспавляетъ намъ другую каршину. Въ первую перепись, при Сервіи Туллїи, было ихъ восемьдесятъ шри тысячъ; сіе число быспро умножилось, не взирая ни на безпреспанныя

войны, ни на колоніи, часто въ опечаспва опводимыя. — Однихъ способныхъ носить оружіе было чептыре спа шеспъдесяпъ при пысычи человкѣ. Союзные народы сб надменноспю попребовали, чпобѣ имѣ наравнѣ сб Римлянами дозволено было пропекать поприще чеспей и славы, и чпобы наравнѣ сб ними пользоваться всѣми гражданскими правами: Сенапѣ прибѣгѣ къ оружію, не восхопѣвъ опозорисп себя вынужденнымъ у него согласіемъ. Самниціи не и Луканцы спрого наказаны были за пакую дерзоспъ. Республика раскрыла свое лоно для другихъ Ипаліянскихъ областей, исполнявшихъ обязанности свои; послѣ сего случая скоро народная свобода была уничпожена. Въ Демократиическомъ правленіи граждане имѣютъ верховную власпъ: сія власпъ въ рукахъ многочисленнаго народа, немогущаго слѣдовать одинакому направлепю, бываетъ испочникомъ злоупребленій, и наконецъ исчезаетъ подобно легкому воздушному фаншому. Когда Римскіе Императоры уничпожили народныя собранія, тогда побѣдители сб другими народами составили одно шѣло, одно общеспво; но не взирая однакожъ на пакое шѣсное ихъ соединіе, между подданными было нѣкое различіе; побѣдители между ими занимали первое мѣсто. — Государи, слѣдовавшие мудрымъ предписаніямъ Авгу-

спа, поддерживали достоинство Римскаго имени, и не распочали шипла Римскаго гражданина.

Доколѣ права Римлянѣ не были еще распространены на всѣхъ жителей Имперіи; Испалія была шраною опличною опѣ провинцій, была средоточіемъ единства и швердымъ основаніемъ государшвеннаго усшановленія. Она гордилась шѣмъ, что была колыбелью, или жилищемъ Сенаторовъ и Цезарей. Земли Испаліанцовъ были освобождены опѣ налоговъ; сами же они ни мало не подлежали произвольной расправѣ псшавленныхъ надъ ними начальниковъ. Вольные ихъ города, образованные по примѣру самаго Рима, были управляемы гражданскими законами подѣ непосредшвенною власшю самаго Государя. Уроженцы сей шраны, начиная опѣ Альпійскихъ горъ до крайняго предѣла Калабріи, всѣ были граждане Римскіе. — Забывъ древнюю ненавись свою къ побѣдителямъ, они нечувшвишельно сосшавили одну великую націю, говорившую однимъ языкомъ и имѣвшую одни нравы и одиѣ гражданскія посшановленія, — націю, достшойную поддерживать шяжесшъ могущешвенной Имперіи. Республика гордилась сею благородною политикою своею, за которую часто достшойное возмездіе воздавали ей заслугами свои-

ми усыновленные ею чада. Если бы пишло Римагражданина почпены были одни жишелы города Рима, однѣ польно древнѣя фамилии; тогда сѣ безмерпное пишло лишилось бы самыхъ богахъ своихъ украценѣй. Виргилѣй былъ уроженецъ Манпуи. Гораціѣй не знаешь, Луканецъ ли онѣ, или гражданинѣ Апулѣи. Падуа произвела на свѣтѣ славнаго Испорика, доспойно описавшаго знзменишые воинскѣе подвиги великаго народа. Фамилѣя Капоновѣ, одушевленная всѣми папрѣопическими доблеспями, произошла въ Тускулумѣ. Городокѣ Арпинумѣ былъ родимую спраную двухъ великихъ мужей, — Марѣя, копорый послѣ Ромула и Камилла заслужилъ доспочпимое наименованѣе основателя Рима, — и Цицерона, копорый, спасши опечество свое опѣ неистовспвѣ Капилины, возвелъ его на споль высокую спепенъ величѣя, чпо оно въ випѣйспвѣ равнялось свѣ краснорѣчивѣйшею Греціею.

Прсвинциѣ, принадлежавшѣя Имперѣи, описанныя нами въ предвѣдущей главѣ, пали, ушрапили силу свою и независимоспѣ; Римской Сенапѣ разпоргѣ опасныя для себя связи Грециѣ, Еспрурѣи и Галлѣи. Завоеватели свѣта побѣдоносны были опѣ единого посѣянѣя раздора между непрѣяшелями своими. Соединенныя силы противниковѣ мо-

гли бы поставишь непреборимыя препоны успѣхамъ ихъ оружія. Римляне власполюбіе свое часто прикрывали личиною добродушія или признашельности; Государи ихъ самодержавіемъ своимъ нѣсколько времени единственно были обязаны симъ ложнымъ добродѣтелямъ: но какъ скоро по возложенной на нихъ обязанности приспустили къ порабощенію побѣжденныхъ народовъ подъ свое иго; тогда они были низвергаемы съ Императорскихъ своихъ троновъ. Вольныя государства и города, приверженные къ Римлянамъ, сперва были пощены именемъ союзниковъ, потомъ преклоняемы подъ ярмо неволи. Правители, назначаемые къ нимъ Сенатомъ и Императорами, имѣли надъ ними власть неограниченную, деспотическую; но спасительныя уставы Римской управы, водворившіе въ Италіи миръ и подчиненность, были распространены въ самыхъ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ земли. Учрежденіе колоній и право Римскаго гражданина, даруемое подданнымъ опличившимся заслугами и вѣрностію, размножили націю. Скоро увидѣли Римлянъ во всей Имперіи.

Куда только Римлянинъ приносилъ оружіе свое, тамъ онъ строилъ жилища: истина, сказанная Сенекою и оправданная событіями. Жители Италіи, увлеченные удовольствіями и выгодами, сѣвши на сла-

дидься плодами побѣды. Мы знаемъ, что спуспя сорокъ лѣтъ послѣ покоренія Азїи, въ одинъ день по повелѣнїю любаго Миширидаша Римлянъ побито было восемьдесятъ тысячъ человекъ. Сїи добровольные изгнанцы переселились въ земли отдаленныя отъ своего отечества съ тѣмъ, дабы тамъ опправлять торговлю, занимаясь хлѣбопашествомъ и получають доходы. Въ послѣдствїи, когда легїсны при Императорахъ содѣлались не временнымъ, но непремѣннымъ воинствомъ: тогда всѣ провинціи спали наполнены воинами. Вепераны, получивъ за службу награжденїе деньгами или землею, обыкновенно съ семействами своими селились въ спранахъ, бывшихъ шеапромъ ихъ доблестей. Во всей Имперїи, особенно въ западной ея части, плодороднѣйшія земли и выгоднѣйшія мѣстоположенія были оставлены для основанія колоній, изъ копорыхъ тамъ однѣ управляемы были гражданскими законами, другія военными. — Обычаями и внутреннимъ благоустройствомъ онѣ совершенно походили на столицу. Жилили спранъ, въ копорыхъ сїи колонїи основывались, распроспраняли уваженїе къ имени всихъ побѣдителей; въ скоромъ времени соединясь съ ними союзомъ и дружествомъ, они возжелали пользоваться одинакими почестями и выгодами, для полученія копорыхъ ничего не щадили. Воль-

ные города нечувствительнѣю достигли поимепенн блнспательнаго велнчїя, на какую возведены были колонїи, такъ что въ царствованїе Императора Адриана не знали, чей жребїи почтнть болѣе счастливымъ, вольныхъ ли городовъ, или колонїи. Преимущественное право, такъ называемое право Лаціума, жаловано было городамъ въ знакъ особенной милости. Правнтели, по окончанїи должности своей, оспавались при званїи Римскаго гражданина: а какъ такїа должности ихъ продолжались только по одному году; по отъ сего въ короткое время повсюду размножнлись Римскїа фамилїи. Жнтели провинцїи, вступающїе въ военную службу, въ легїоны, или опправляющїе какую-либо гражданскую должность, оказавшїе Имперїи услуги, или опкрывшїе ей личные свои достоинства, награждаемы были дромъ гражданства, котораго цѣна ежедневно уменьшалась отъ безпрестанно возрастающей Императорской щедрости. Во времена Антониновъ шншло Римскаго гражданина было сопряжено съ нѣкоторыми значительными выгодами, не взирая на то что онымъ жалуеты были весьма многїе подданные. Съ прїобрѣтенїемъ шншла Римскаго гражданина сопряжены были благодѣянїа Римскихъ законовъ, а особливо исключительныя преимущества вступающїе въ бравъ, совершающїе духовныя звѣщанїа и

пользоваться правомъ касательно наслѣдованія имѣній, наравнѣ съ наспоющими уроженцами города Рима. Сіе право открывало блистательное поприще для всякаго, кому только въ видахъ благопріятствовала чья-либо милость, или собственныя заслуги. Попомки Галловъ, побѣжденныхъ Цезаремъ въ Алезіи, по сему праву предводительствовали легіонами и присудствовали въ Римскомъ верховномъ Совѣтѣ; честолюбіе ихъ, вмѣсто того чтобы нарушать общественный покой, единственную цѣлю имѣло храненіе величія и безопасности Монархіи.

Г. П . . . скій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Невинность (*).

О первыхъ дней краса! Невинность дорогая!
 Блаженъ, кто любитъ, чинитъ себя!
 Блаженъ, кто, жизни путь пернистый про-
 шекая,
 Соблазнамъ не ввѣрялъ себя!

*

(*) Стихи сіи читаны были на актѣ Университетскаго Благороднаго Пансіона.

Намъ швой являетъ видъ, пришворства, мрака
чуждый,
Любезной, кропкой ручеекъ,
Подъ шбню дравъ густыхъ, безъ пышности,
безъ нужды,
Спокойно, скромно льющій шокъ.

✱

Не знаетъ бурй онъ, не знаетъ шреволненій,
Мольбы не внемлетъ ошъ пловцовъ;
Не носитъ на себъ земли произведеній;
Не зршъ по берегамъ градовъ!

✱

За шо и никому вреда не причиняетъ,
Всегда доволенъ самъ собой;
По низкимъ берегамъ цвбточшш оживляетъ,
И богатшъ луга шравой.

✱

Какъ вбрный онъ сосбдъ, для дравъ, палимыхъ
жаромъ,
Своихъ сокровищъ не щадитъ;
Семейства Папшриархъ, игривыхъ рыбокъ даромъ
Онъ кормитъ, веселитъ.

✱

Свободенъ, воленъ, быстръ, онъ вбшровъ не
штрашился,
Не знаетъ прихошей, затбш;
Природы вбрный сынъ, безъ ропоса кашшся
Къ мбшб, назначенной ошъ ней.

✱

Онъ *извивается* . . . не хшпросшю водимый,
Какъ льспець вельможъ передъ лицомъ;
Онъ вьешся здбсь и шамъ, чшобъ жаждою шо-
мимымъ
Подаетъ ошраду шварямъ всбмъ.

✱

О щасінье сладкое ! о радость неизмѣнна !
Невинность ! что сравнить съ побою ?
Какими благами богашая вселенна
Купишь возможешъ швой покой ?

*

Щаспливецъ въ хижинѣ, Небесная, съ побою
Всея Природы властелинъ ;
Въ безвѣспности великъ, доволенъ самъ собрю,
Въ уединеньи не одинъ.

*

Навѣшы злобнаго и сильнаго гоненье
Его ни мало не спрашитъ ;
Онъ въ совѣспи своей находишъ ушѣшенье ,
Когда судьба его разитъ !

*

Въ кругу своихъ родныхъ, онъ съ книгой или
съ лирой
Стократъ щаспливѣ Царей ;
Не лзя онъ горестей закрышся и порфирой :
Богашъ онъ въ бѣдности своей. —

*

Хранишель - Ангелъ нашъ ! проспри свой щитъ
надъ нами !
Стезею мирной насъ веди !
Нашъ разумъ озаряй небесными лучами,
И заблужденья упрѣди ! . . .

*

Посли смиренье намъ , любовь, доброшу , силы
Желанья дерзки укрощашъ ;
Сподоби, Крошкая, и на краю могилы
Твои намъ радости вкушашъ !

Сергей Чаллинъ.

Къ В* *

Когда придешь въ мою шы хату,
Гдѣ бѣдность въ простотѣ живешь?
Когда поклонишься Пенашу,
Который дни мои блюдетъ?

Приди — раздѣлимъ снѣдь убогу,
Сердца виною возпламенимъ,
И вмѣстѣ пѣснопѣнья богу
Часы досуга посвяшимъ;

А вечеръ, скучный долгошою,
Въ веселыхъ сократимъ мечшахъ:
Надъ всей подлунною спраною
Мечпы промчимся на крылахъ,

И въ той землѣ обѣщанной,
Гдѣ любишь духомъ обипашь,
Внимаешь шрубы звукъ будемъ бранной,
И спрашны битвы созерцаешь.

Пѣвецъ, всегда тебя живящій
И окриляющій швой духъ,
Пѣвецъ Торквашъ живошворящій
Нашъ усладишь и взоръ и слухъ;

Иль Царь, отецъ, богъ пѣснопѣнья,
Подобный лишь себѣ Омиръ,
Разкрывъ безсмершныя шворенья,
Намъ явишь созданный имъ мѣръ:

Зевеса, мещущаго громы,
И всѣхъ превыспреннихъ боговъ
Увидимъ свѣшлые мы дома
И ихъ веселіе пировъ,

Ахилла, грозно возсѣдая,
Пустившаго бразды конямъ,
Увидимъ бурю лешяща
По спонуцамъ подъ нимъ полямъ.

Иль пренесась въ спраны Морвена,
Гдѣ Сельма древняя видна,
Въ шествъ часъ, какъ ночь проспиретъ черна,
И всюду мертва шишина,

И мѣсяць, вставши надъ горою,
Сквозь облако въпошокъ глядишь,
Узримъ подъ Сельмскою стѣною,
Гдѣ пѣнистый ручей шумишь;

Узримъ, какъ Бардъ слѣпой мечшаетъ,
Въ воспоргъ священный погруженъ,
И лирою злашой бряцаетъ,
Тѣнями предковъ окруженъ;

Какъ самъ Тренморъ, отецъ героевъ,
Черпогъ воздушный разтворивъ,
Лежишь на тучахъ, въ сонмѣ воевъ,
Ко старцу взоръ и слухъ склонивъ;

Вдали тамъ легка пѣнь Мальвины,
Съ злашою арфою въ рукахъ,
Обнявшись съ пѣнью Моины,
Плывушь въ шуманныхъ облакахъ.

Но можно ли все по словами
Пересказать, иль написать,
О чемъ возможно намъ съ друзьями
Подъ часъ веселый помечтать?

Счастливъ, счастливъ еще несчастный,
Съ копорымъ хощь мечта живешъ,

Во мрачныхъ дняхъ одинъ онъ ясный
Хотя въ мечтаніяхъ найдешь.

Жизнь наша есть мечтанье пѣни;
Нѣтъ сущихъ благъ въ земныхъ спранахъ:
Придижь, подъ кровомъ дружной сѣни,
Повеселишься хоть въ мечтахъ!

Гнѣдичь.

~~~~~

О л в ъ л зь.

Твой другъ тебѣ на вѣкъ ошнынъ
Съ рукою сердце отдаешь;
Онъ отслужилъ слѣпой богинѣ,
Безплодныхъ маперѣ суешь.

*

Увы, мой другъ! я въ дни младыя
Цирцеямъ также отслужилъ!
Въ карманы заглянулъ пустыя,
Покинулъ миршъ и мечъ сложилъ!

*

Пускай кто, честолюбецъ болѣнъ,
Подъ небо громоздитъ свой домъ,
Но я — въ безвѣспности доволенъ,
И счастливъ въ уголку простомъ.

*

Такъ, глиняны свои пенашы
Подъ сѣнью дружной сѣдинимъ;
Посшавимъ брашны небогашы,
А дни мечшой позолошимъ.

*

А естли къ намъ любовь заглянешъ
Въ пріютъ, гдѣ дружбы храмъ свяшой. . . .

Увы! твой другъ не переспанетъ
Еще ей жершвовашъ собой!

*

Какъ гостъ, весельемъ пресыщенный,
Роскошной покидаешъ пиръ:
Такъ я, любовью упоенный,
Насытившись, оставлю миръ.

Констан : В . . . въ.

З а м ѣ ч а н і е.

Мужей, чьи жены злы, въ пошачкѣ обвиняютъ.
Жена какъ заоретъ, по жизни мужъ не радъ;
Но всѣ его жъ глупцомъ, безмозглымъ назы-
ваютъ :
Тссъ! вспомните, кто былъ Ксаншипцинь
мужъ? — Сократъ!

М. —

Фіялка и Колось.

Фіялка скромная на нивѣ плодовишой
Между Колосевъ разцвѣла;
И пѣнь ихъ для нее защитой
Въ дни лѣтніе была

Отъ солнечнаго зною.

Прелестна ты своею красою,
Любимица весны, сказалъ ей Колосокъ;
Но я — смолчи, какъ я высокъ!

И пѣнію своей лучей не допускаю
Жечь прелести твои! — „Я это очень знаю,
Любезной мой создѣв; благодарю судьбѣ;
Но пѣмъ обязана не одному тебѣ.“

Гудимъ.

Б а с н ь.

„Перунъ мой изоспри, сказалъ Юпишеръ Мщенью;
Успалъ я миловашь! погибель пресшупленью!“ —
Но Милосердіе, услышавъ приговоръ,
Украдкой оспріе перуна пришупляешъ.

Съ шѣхъ поръ

Онъ только лишь спрашивъ, но рѣдко пора-
жаешъ.

Ж.

Къ Делію.

Умбрень, Делій, будь въ печали,
И въ щастіи не ослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь Безсмершны дали;
Всѣмъ пушь къ Тенару проложенъ.
Хошябъ забошы насъ помили;
Хошябъ Токайское вино
Мы, нѣжася на дернѣ, пили:
Умремъ — такъ Діемъ суждено.
Несижь сюда, гдѣ шополь съ ивой
Изъ вѣтвей соплешающъ кровъ,
Гдѣ блещешъ ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ береговъ,
Вино, и масши аромашны,
И розы, дышущія мигъ.

О Делій! годы невозвратны :
 Играй, пока нишь дней швоихъ
 Еще у Парки подъ персшами !
 Ударить часъ — всему конецъ !
 Тогда — прости и лугъ съ спадами ,
 И швой изъ юныхъ розъ вбнецъ ,
 И соловья прятны шрели
 Вь лбсу , вечернею порой ,
 И звукъ пасшущеской свирбли ,
 И домъ и садикъ надъ рбкой ,
 Гдб мы , вь сяннн Діаны ,
 Кругомъ дерноваго шпола ,
 Сшущимъ спаканами вь спаканы ,
 И пемъ изъ чисшаго спекла
 Вь винъ унылости забвенье !
 Играй ! шаковъ ешь мой совбшб :
 Не вь лбшахъ жизнь , а вь наслажденб !
 Кшо шасье зналъ , шобъ жилъ спо лбшб .
 Пущб бышрымъ , лишь бы свбшлымъ шокомъ
 Промчашся дни чрезъ жизни лугъ ;
 Пущб смершь зайдетъ къ намъ ненарокомъ ,
 Какъ добрый , но нежданый другъ !

Ж.

~~~~~

*На смерть семнадцатилетней
 Эрминн.*

Едва съ младенчествомъ распалась,
 Едва для жизни разцвбла . . . .
 Какъ непорочность улыбалась,
 И Ангелъ красотою была !
 Вь душб ея , какъ утро , ясной
 Уже раждался чувшва жарб ! . . .

Но жребій сей цвѣтокъ прекрасной
Могилѣ пригошовилъ въ даръ !
И жизнь Творцу она вручила ,
И взоры тихіе закрыла ,
Не сѣшюя на смершный часъ !
Такъ слѣдъ улыбки исчезаетъ ;
Такъ за долиной умолкаетъ
Минушный Филомелы гласъ !

Ж.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ НАУКЪ.

О переводахъ вообще, и въ особенно- сти о переводахъ стиховъ.

Переводы обогащаютъ языкъ. Различіе правленій, климатовъ и нравовъ необходимо производилъ различіе и въ самыхъ языкахъ; переводы, знакомя насъ съ понятіями другихъ народовъ, знакомятъ въ то же время и съ тѣми знаками, которыми выражаютъ они свои понятія ; нечувствительно, посредствомъ ихъ переходилъ въ языкъ

множество оборотовъ, образовъ, выраженій, съ перваго взгляда чуждыхъ его духу, потомъ приближаемыхъ къ нему съ помощію аналогій, и представляющихся сначала, какъ единственно приличное слово, образъ, выраженія, потомъ терпимыхъ, потомъ обрашающихся въ собственность. Пока языкъ богашъ одними приведеніями оригинальными, по шѣхъ поръ писатели употребляютъ обороты и выраженія уже принятыя; и бросаютъ мысли свои въ извѣстную и часто совсемъ изглаженную отъ употребленія форму: но въ переводѣ — надобно съдѣсь однако разумѣть однихъ переводчиковъ искусныхъ — языкъ переводчика нечувствительно сближается съ шѣмъ языкомъ, съ котораго онъ переводитъ, не перья припомъ ничего собственного и ему одному свойственного. Сочинитель пользуется собственными богатствами, и въ то же время, если позволено такъ выразиться, изшощаетъ ихъ; напротивъ переводчикъ, можно сказать, ведетъ искусный торгъ, посредствомъ котораго доставляетъ своему языку сокровища иностраннаго; словомъ: переводы для языка поже, что путешествія для образованія ума.

Стихотворцевъ надлежитъ, по моему мнѣнію, переводить стихами: прозаическій переводъ стиховъ всегда есть самый невѣр-

ный и далекій опъ оригинала. Одна изъ главныхъ прелестей Поэзіи состоишь въ гармоніи: въ прозѣ она или исчезаетъ, или не можеть быть замѣнена пою гармонією, которая свойственна прозѣ. Одна и та же мысль, выраженная Стихотворцемъ и прозаикомъ, дѣйствуетъ на насъ различнымъ образомъ: въ *Ларошфуко* и *Лабрюйерѣ* найдемъ столько же мыслей тонкихъ и справедливыхъ, какъ и въ *Буало*; но сорокъ стиховъ изъ *Буало* гораздо легче зашвердишь, нежели десять спрокъ изъ *Лабрюйера* и *Ларошфуко*: ухо любитъ гармонію, а стихотворная гармонія безъ всякаго сравненія пріятнѣе прозаической.

Другая прелесть Поэзіи — побѣжденная трудность, что можно сказать и о прочихъ изящныхъ искусствахъ. Смотря на спашую, на каршину, и читая поэму, всего болѣе удивляемся искусству, которое могло дать мрамору такую гибкость, которое обманываетъ глаза красками; и въ стихахъ, не смотря на препяшствія, полагаемые мѣрою и риемою, выражается съ свободою обыкновеннаго языка — переводя въ прозѣ Поэта, необходимо похищаемъ всѣ сїи пречимущества у оригинала.

Наконецъ характеръ стиховъ весьма отличенъ отъ характера прозы. Смѣлость

Спихопворца успрашаетъ робаго прозайка; живоспль перваго прошиворбчипль спепенности послбдняго, и быспропа спиховль не можетль никогда перейши вль медлительную прозу. Разипельное вль спихахль спановипся рбзкимль вль прозб, сильное спановипся грубымль, живсе пылкимль и смблое опважымль; и прозайкль; непримбшно уступивль характеру прозы, замбнитль слабостлю силу, простымль выраженлемь фигурное, и обыкновеннымль языкомль гармонлю размбра, и наконець маловажноу прляпностлю легкой прозы очарованле поббжденной прудности Поэта. Пуспль будетль онль вбрнбле Спихопворца вль выраженли нбкопорыхль мыслей и вль почномль соблюденли порядка — и Спихопворецль уступаетль ему слю маловажныя преимущеспва и слю мнимую вбрность, копорая не можетль замбнитль испинной: ибо смблоспль, быспропа, гармонля и фигуры сосшавляющль сущеспвенную принадлежность Поэзли.

Тбмль, копорые ушверждающль, что лучшей переводль вль спихахль обезображивающль оригиналь и ослабляющль его красопы, — я укажу на Гомера, переведеннаго *Поломь*. Многле, знающле Греческль языкль, ушверждающль, что Англльская *Илляда* нравипся имль болбле Греческой. *Драйденовь* переводль *Виргилля* слаббле — но онль знакомипль насль сб Виргиллемль гораздо короче,

нежели всѣ пѣ, которые переводили сего Стихошворца въ прозѣ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ Поэпа, выражающаго мысли другаго Поэпа.

Скажемъ нѣсколько словъ о пѣхъ правилахъ, которыхъ необходимо надлежитъ держаться, переводя стихи стихами. Первое: излишнюю вѣрность почитаю излишнею невѣрностію. Напримѣрѣ: это выраженіе въ оригиналѣ благородно — выраженіе, соотвѣтствующее ему въ нашемъ языкѣ, низко; будучи слишкомъ почнымъ, вы унижаете благородство подлинника и замѣняете его низостию.

Далѣе: это выраженіе смѣло въ подлинникѣ, но оно слишкомъ рѣзко на языкѣ переводчика — и вмѣсто смѣлости, я нахожу въ васъ одну только грубость.

Въ подлинникѣ, отъ соединенія нѣкоторыхъ словъ, происходитъ гармонія; но пѣ же самыя слова, соединенныя въ переводѣ, оскорбляютъ нѣжный слухъ, и вы своею почностию необходимо должны уничтожить гармонію.

Въ подлинникѣ вашемъ это выраженіе, эпитѣ оборотѣ новы; напрошивъ, въ нашемъ языкѣ они уже потеряли отъ употребленія свою новосць, и вы необыкновенное замѣняете обыкновеннымъ.

Какая - нибудь Географическая подробность, или отношеніе ко нравамъ могли

быть въ переводимомъ вами Спихотворцѣ пріятны для того народа, для котораго писалъ онъ свою поэму: но вы будете только спранны, если непременно захотите сохранить всё сіи отношенія и подробности въ своемъ переводѣ.

Чтожь дѣлаетъ переводчикъ искусный? Онъ знакомится съ свойствами обоихъ языковъ. Если они сходны въ духѣ, то ему оспается быть только вѣрнымъ; если ли напрошивъ они далеки одинъ отъ другаго, то онъ спарается наполнить промежутокъ искуснымъ ихъ сближеніемъ, заимствуя изъ подлинника все то, что можно заимствовать, и сохраняя при томъ всё права собственности своего языка. Всякій писатель, можно сказать, имѣетъ собственную физиономію: онъ болѣе или менѣе живъ, болѣе или менѣе быстръ, болѣе или менѣе остроуменъ: для сего, на примѣръ, переводя Виргилія, имѣющаго простой, ясный и умѣренный слогъ, не должно занимать у Овидія ни блеска, ни многорѣчія, ни избытка.

Не забывайте о характерѣ поэмы: Энеиду не лзя переводить такимъ слогомъ, который приличенъ однимъ Георгикамъ. Не забудьте также и того, что переводимая вами поэма составлена изъ частей, заим-

снвующихъ каждая особенный свой харак-
теръ отъ мыслей и движенїи слога. Мысли
бываютъ или простыя, или блестящїя, или
веселыя, или высокїя: переводчикъ обязанъ
не только не смѣшивать сихъ разныхъ пс-
новъ, сихъ разныхъ цвѣтовъ, но онъ обя-
занъ сохранить, сколько ему 'возможно, и
главные опшбнки. Движеніе слога зависнть
особенно отъ смѣси обширныхъ перїодовъ
съ крашкими фразами, и переводчикъ не дол-
женъ ни похищать быспропы у сильнаго,
опдѣлившася отъ другихъ стиха, вы-
ражая его во многихъ словахъ, ни раздроб-
лять на части перїодовъ, копорыхъ глав-
ное достоинство гармонїя и величїе; всего
болѣе онъ долженъ быть вѣренъ гармонїи,
копорою, смѣю сказать, можно иногда жерпво-
вать и точностїю и силою. Поэзія по же,
что музыкальный инструментъ, въ копо-
ромъ вѣрность звуковъ должна уступать
ихъ прїятности.

Наконецъ переводчикъ долженъ сохра-
нить каждому члену фразы, по мѣсто, ко-
поре онъ занимаетъ въ подлинникѣ, вся-
кой разъ, когда 'поспепенность и еспествен-
ный ходъ мыслей того поспребуотъ. Силь-
ныя черты надобно выражать съ свой-
ственною имъ крашкостїю: слѣдовательно
сказанное авторомъ въ одномъ стихѣ дол-
жно быть и переводчикомъ выражено въ од-

номъ же стихѣ: сила перяется опѣ раз-
проспраненія.

Но главная должность Переводчика, ко-
торой подчинены всѣ другія, состоитъ въ
томъ, чтобы онъ вездѣ въ переводѣ своемъ
старался произвести то дѣйствіе, которое
производитъ подлинникъ. Онъ, обязанъ,
сколько возможно, представить намъ естѣ-
ли не стѣ же самыя красоты, по по край-
ней мѣрѣ такое же количество красотъ.
Переводчика можно сравнить съ должникомъ,
который обязывается заплатить естѣли не
стѣю же монетою, по по крайней мѣрѣ ту
же сумму. Напримѣрѣ: ему не возможно въ
переводѣ своемъ сохранить того или друга-
го образа: пускай замѣнитъ его мыслию; онъ
не можеть живописать для слуха, пускай
живописуетъ для ума; не можеть быть
силенъ, пускай замѣнитъ силу гармоніею;
не можеть быть красокъ, пусть будетъ
богатъ; предвидитъ, что принужденъ будетъ
ослабить оригиналъ свой въ этомъ мѣстѣ:
пускай усилилъ его въ другомъ, и возвра-
титъ въ концѣ, похищенное въ началѣ;
словомъ, онъ непременно долженъ держаться
системы спрегато вознагражденія, стараясь
однако, сколько возможно, быть близкимъ
къ главному характеру подлинника.
Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что
никогда не должно сравнивать стиховъ.

Переводчика съ стихами, соотвѣтствующими имъ въ подлинникѣ: о достоинствѣ перевода надлежитъ судить по главному дѣйствию цѣлаго.

Но чтобы переводить такимъ образомъ, необходимо нужно не только наполниться, какъ говорятъ, духомъ своего Стихотворца, заимствовать его характеръ и переселиться въ его опечесво; но должно искать его красноты въ самомъ ихъ источникѣ, то есть въ Природѣ; чтобы удобнѣе подражать ему въ изображеніи предметовъ, надлежитъ самому видѣть сии предметы, и въ такомъ случаѣ Переводчикъ становится шворцомъ. Ты хочешь переводить Томсона — оставь городъ, переселись въ деревню, пльняйся шюю Природою, которую хочешь изображать вмѣстѣ съ своимъ Поэтомъ: она будетъ для тебя самымъ лучшимъ исполновашелемъ его мыслей.

Съ Французскаго Ж.

III. КРИТИКА.

Критическій разборъ Кантемировыхъ Сатиръ, съ предварительнымъ разсужденіемъ о Сатирѣ вообще.

Кантемиръ принадлежишь въ немногимъ классическимъ Стихотворцамъ Россіи; но рѣдкій изъ Русскихъ развертываетъ его Сатиры, ибо старинный слогъ его пугаетъ читателя, который ищетъ въ стихахъ одного легкаго удовольствія. Кантемира можно сравнить съ такимъ человекомъ, котораго суровая наружность сначала не предвѣщаетъ ничего добраго; но съ которымъ надобно познакомиться короче, чтобы полюбить его характеръ, и потомъ находить наслажденіе въ его бесѣдѣ. Обращивши на сего Стихотворца вниманіе нашихъ читателей, мы надѣемся заслужить отъ нихъ благодарность; — но предварительно позволяемъ себѣ войти въ исторія разсужденія о Сатирѣ.

Какой предметъ Сатиры? Осмѣяніе человеческихъ заблужденій, глупостей и пороковъ. Смѣхъ производитъ веселость, а веселость почищается однимъ изъ щасливѣй-

шихъ состояній челоѳческаго духа. Во всѣхъ намъ изѳсннхъ языкахъ, говоритъ Адиссонъ, находимъ мешафору: *поля смѣются, луга смѣются*; это служить доказапельствомъ, что смѣхъ, самъ по себѣ, есть что - то и привлекапельное и любезное. Смѣхъ оживляетъ душу, или разсѣвая мрачность ея, когда она обременяема печалію; или возбуждая въ ней дѣяпельность и силу, когда она упомянута умщпенною, шрудною работою. По словамъ Сульцера, смѣхъ бываетъ двоякаго рода: или чистый, просто располагающій насъ къ веселости; или сложный, то есть соединенный съ чувствами и понятіями посторонними. Предметъ, самъ по себѣ забавной, заставляешь насъ смѣяться, и болѣе ничего: вопрь чистой смѣхъ; но еслили подъ личиною смѣшнаго скрывается что - нибудь ошврашительное или доспойное презрѣнїя, тогда необходимо вмѣстѣ съ смѣхомъ должно соединиться въ нашей душѣ и чувство досады, негодованїя, ошвращенїя: вопрь то, что называется смѣхомъ сложнымъ. Дарованіе смѣшишь оспроумно, принадлежишь весьма немногимъ. Рѣдкій имѣетъ способность замѣчать смѣшныя стороны вещей, находить неожиданное сходство между предметами, ни мало несходными, или соединяшь пакіе предметы, копорыхъ соединеніе или неспешвенно или чудесно: а все это составляешь сущность

смѣшнаго. Съ перваго взгляда сія шушливость, или колкая или живая, покажется свойствомъ чловѣка веселаго: но веселость есть характеръ, а дарованіе находишь въ предметахъ забавную спорону, или создашь воображеніемъ предметы смѣшныя, есть принадлежность ума, неразлучная съ другими важнѣйшими его качествами. Чловѣкъ, по характеру своему веселый, все видишь съ хорошей спороны; и люди и мѣръ, такъ сказать, принимающъ на себя цвѣтъ его сердца — все для него ясно; онъ можетъ смѣяться, попому что смѣхъ и радость почти одно и то же; но онъ менѣе способенъ замѣчать смѣшное, по есть противорѣчащее нашему понятію и чувству, ибо для сего необходимо нужно имѣть нѣсколько того бѣднаго остроумія, которое несообразно съ характеромъ крошкой и снисходительной веселости. Напрощивъ, чловѣкъ, имѣющій даръ насмѣшки, почти всегда имѣетъ и характеръ важный и умъ глубокомысленный. Чтобы найти въ предметѣ смѣшную, для обыкновеннаго взора незамѣтную спорону, надлежитъ разсмотрѣть его со всѣхъ споронъ, а для сего потребны размышленіе и проницательная тонкость; чтобы замѣшишь, въ чемъ удаляешься шотъ или другой характеръ, шотъ или другой поступокъ отъ правилъ и понятій истинныхъ, и попомъ сіе опдаленіе

представить смѣшнымъ, погрѣбно имѣть ясное и полное понятіе о вещахъ, колкое остроуміе, духъ наблюдательный и воображеніе живое: все эшо болѣе или менѣе не принадлежитъ къ характеру ясной и можетъ быть нѣсколько легкомысленной веселости. Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что дарованіе замѣчать смѣшныя спорныя предметовъ, соединенное съ искусствомъ изображать ихъ разителью для другихъ, есть дарованіе Геліевъ рѣдкихъ.

И сіе дарованіе можетъ быть или благодѣтельно, или вредно, какъ въ обществѣ, такъ и въ Словесности — но кругъ вреда и пользы, отъ него произтекающихъ, несравненно обширнѣе въ послѣдней. Насмѣшка сильнѣе всѣхъ философическихъ убѣжденій опровергаетъ упорный предрасудокъ, и дѣйствуетъ на порокъ: осмѣянное спановится въ глазахъ нащихъ низкимъ, а вмѣстѣ съ уваженіемъ къ вещи перелетя и наша къ ней привязанность. Не должно думать однако, чтобы насмѣшка могла исправить порочнаго; только открываетъ ему собственныя дурныя спорныя его, и можетъ быть болѣе даетъ чувствовать необходимость украситъ ихъ личиною пріятнаго. Но цѣль моралиста — какимъ бы онъ оружіемъ ни дѣйствовалъ, насмѣшкою или проснымъ убѣжденіемъ — не есть невозможное исправленіе порока, а только пред-

охраненіе отъ него души неспорченной, или изцѣленіе такой, копорая введена будетъ въ обманъ силою примабра, предразсудка и навыка, и сохранила при томъ ей свойственное расположеніе къ добру. Насмѣшка есть оружіе *предохранительное*; ни что лучше ея не охлаждаетъ воображенія, излишне воспламененнаго; она побѣждаетъ и памъ, гдѣ всѣ усилія спененнаго разсудка оспаюся безплодны. Съ другой стороны, дароваціе смѣяться можетъ быть весьма вреднымъ, еспли не будетъ оно соединено съ характеромъ благороднымъ и уваженіемъ чистой морали: ибо все то, что мы почиаемъ священнымъ, можетъ унижено быть въ глазахъ нашихъ дѣйствіемъ насмѣшки.

Философы и Поэты употребляютъ оружіе насмѣшки для пользы нравовъ. Саширикъ и Спихопворецъ комическій имѣютъ по сходству съ Моралистомъ-Философомъ, что они дѣйствуютъ для одной цѣли, къ копорой однако достигаютъ различными путями. Моралистъ разсуждаетъ, и убѣждаетъ умъ, говоритъ сердцу; напрошивъ Комикъ и Саширикъ осмѣиваютъ моральное безобразіе, и пѣмъ болѣе привязываютъ насъ къ красотѣ моральной, копорая становится оощущительнѣе отъ противоположности. Различіе между Саширою и Комедіею заключается въ одной только формѣ: въ

Комедїи мы видимъ *передъ глазами* тѣ оригиналы и тѣ пороки, копорые Сапирникъ представляешъ одному только *воображенію*: самъ они сами выходящъ на сцену, и сами себя обличаютъ; а здѣсь выходящъ на сцену Поэтъ, копорый или забавляетъ насъ своими колкими шутками, или производитъ въ душѣ нашей благодѣтельное негодование. Изъ всего сказаннаго выше можно легко сопоставить себѣ понятіе о характерѣ сапирническаго Спихопворца и Комика. Они необходимо должны имѣть духъ наблюдательный, глубокое знаніе человѣческаго сердца, и рѣдкимъ извѣстное искусство представлять въ смѣшномъ все то, что несогласно съ правилами и понятіями чистой морали. Искусство, осмѣивая оспроумно, тогда только бываетъ истинно полезнымъ, когда оно соединено съ высокостію чувствъ, неспорченнымъ сердцемъ и твердымъ уваженіемъ обязанности человѣка и гражданина. Истинный Сапирникъ и Спихопворецъ комическій должны ненавидѣть изображаемые ими пороки; но еслии сїя ненависть будетъ произведеніемъ не сильной привязанности къ добру, а одного только расположенія все находить или смѣшнымъ, или низкимъ; еслии они будутъ смотрѣть на міръ и на человѣка съ угрюмостію и пристрастіемъ мизантроповъ, а не съ добрымъ чувствомъ друзей человѣчества, копорые

желающъ, чтобы все передъ глазами ихъ наслаждалось счастьемъ, и потому только ненавидящъ порока, что онъ есть главнѣйшій прешивникъ сего счастья: тогда они поселяющъ въ сердцахъ своихъ чинашелей одно только мрачное чувство ненависти, которое тогда только можетъ быть благодушельно, когда оно въ равновѣсїи съ усладительнымъ чувствомъ любви: ненависть стѣсняетъ душу, напрошивъ любовь ее живошворитъ и располагаетъ къ дѣяшельности полезной. Сердечный жаръ, какъ говоритъ Сульцеръ, долженъ быть Музою Саширика. Это справедливо, и въ шу минушу, когда онъ попираетъ ногами порока, или осмѣиваетъ глупость, или забавляется на счетъ спранности, я долженъ замѣчать въ душѣ его и любовь къ добродѣтели, и чувствительность, и благородное уваженіе ко всему прекрасному. На эшихъ только условїяхъ и въ обществѣ бываетъ шерпимъ колкій насмѣшникъ: ибо тогда всѣ тѣ, которые сами имѣютъ характеръ благородный, могутъ полагаться на его справедливость; но шощъ, который всемъ безъ разбора жершвуетъ своему оспроумію, необходимо удаляетъ отъ себя всякое доброе сердце, ибо онъ произвольно обнаруживаетъ передъ нимъ собшвенную бѣдность свою въ чувствахъ высокихъ, и оскорбляетъ его своею жестокостію. Таково и дѣйствіе Саширы, въ которой замѣча-

ешь одно желаніе и искусство порицашь, и не находишь ничего пишательнаго для сердца.

Сашира, собственно такъ называемая, оплична отъ всѣхъ другихъ саширическихъ произведеній — и въ прозѣ и въ стихахъ — своею дидактическою формою. Вольперовъ *Кандидъ*, Серваншовъ *Донъ Кишоль*, Эразмова *Похвала дурачеству*, Свифшовъ *Гулливеръ*, Бошлеровъ *Гудибрасъ*, Мольеровъ *Тарлюфъ*, имѣющъ предметомъ — какъ Сашира, осмѣяніе пороковъ и глупостей; но *Кандидъ*, *Гулливеръ* и *Донъ Кишоль* романы, *Гудибрасъ* поэма, *Тарлюфъ* комедія! Сашира должна быть Саширою, слѣдовательно имѣть собственную, ей одной принадлежащую форму. Саширикъ, можно сказать, заимствуетъ эту форму у Философа; но онъ заимствуетъ какъ Стихотворецъ, и сверхъ того пользуется нѣкоторыми особенными способами. Избравши предметъ свой, онъ примѣняется къ нему пономъ, слогомъ и расположеніемъ; на примѣрѣ: нападая на странности, онъ вооружается легкою и колкою шушкою, смѣшишь и изцѣляетъ пріятнымъ лѣкарствомъ смѣха; напротивъ, имѣя въ виду какой-нибудь вредный, заразительный порокъ, онъ возвышаетъ тонъ, выражается съ жаромъ, и тогда самая насмѣшка его принимаетъ на себя наружность негодова-

нїя. Все это будетъ ощушительнѣе, когда мы взглянемъ на Сапиры Горація и Ювенала. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о шѣхъ предметахъ, копорыми всего приличнѣе занимаешь Сапирику. Онъ долженъ изъ безчисленнаго множества пороковъ, спрранностей и заблужденій выбирать только такіе, копорыхъ влїянїе и общее и самое обширное; частныя заблужденія и пороки, будучи мало замѣшны, пошому имянно и не могутъ бытъ заразительны, ибо они происходятъ по большей части отъ нѣкопорыхъ особенныхъ недоспашковъ ума и характера, копорыя надлежитъ почипашь исключенїями. Личность есть по же, что низкое мщенїе: она уничтожаетъ нашу довѣренность къ Сапирику, копорый въ глазахъ нашихъ долженъ бытъ проповѣдникомъ истинны и добрыхъ нравовъ. Одинъ человекъ не можетъ бытъ образцемъ для дру. ихъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ: Стихотворецъ изображаетъ намъ только то, что свойственно всему человечеству, соблюдая однако всѣ шѣ ошличїя, копорыя человеческая натура заимствуетъ отъ нравовъ и обычаевъ его вѣка: слѣдовательно, будучи наблюдаемъ спонкимъ, онъ долженъ изображать человека вообще, по есть представлять намъ въ добродѣтеляхъ и въ порокахъ идеаль цѣлаго, составленный изъ множества мѣлкихъ, въ разное время замѣченныхъ имъ частей: шавовы должны бытъ

нравственныя каршины Сапирика. Личная Сапира только что оскорбляетъ; а оскорбленіе почти никогда не можетъ быть дѣйствительнымъ лѣкарствомъ. Не думаю также, чтобы въ Сапирахъ было полезно нападать на пороки слишкомъ опивательные, и поному именно выходящіе изъ порядка напуры: такія каршины только что возмущаютъ чувство, но польза ихъ весьма ограничена; ибо никому нѣтъ нужды остерегаться отъ такихъ пороковъ, которые необходимо должны казаться неестественными.

Эшенбургъ раздѣляетъ Сапиры на *важныя* и *веселыя*. Въ первыхъ Спихопворецъ сражается только съ такими пороками, которые гибельны для общества: слогъ его долженъ быть силенъ, негодваніе должно быть его Геніемъ. Въ Сапирахъ веселыхъ Спихопворецъ имѣетъ впереди глазами однѣ забавныя странности, одни пороки смѣшныя, и слогъ его долженъ быть легкой, исполненный того остроумія, которое Цицеронъ называетъ солюю. Важная Сапира можетъ въ иныя минуты заимствовать легкость у веселой, а веселая заимствовать силу у важной: разнообразіе почищается одною изъ главныхъ прелестей слога. Замѣшимъ здѣсь, что важная Сапира вообще легче для Спихопворца, нежели веселая, именно поному, что въ первой изображаетъ онъ па-

кіе предметы, копорыхъ характеръ разительной, слѣдовательно и болѣе замѣтный; а въ послѣдней занимаешься мѣлкими, слѣдовательно пребующими особенной оспропы зрѣнія и занимательности предметами.

Чтобъ получить яснѣйшее понятіе о томъ, какова должна быть истинная Сашира, надлежитъ разсмотрѣть характеры шѣхъ Спихошворцевъ, копорыхъ Сапиры почипающа самыи совершенными: слѣдовательно характеры Горація и Ювенала, копорымъ всѣ лучшіе новѣйшіе Саширики, напр. Буало, Попъ и нашъ Каншемиръ, болѣе или менѣе подражали.

Гораціевы Сапиры можно назваъ сокровищемъ опытной нравственности, полезной для всякаго, во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Характеръ сего Поэта — веселость, чувствительность, пріятная и остроумная шутливость. Онъ живетъ въ свѣтѣ, и смотря на него глазами Философа, знающаго истинную цѣну жизни, привязаннаго къ удовольствіямъ непорочнымъ и свободѣ; имѣющаго проницательный умъ, характеръ опкровенный, и наконецъ способность видѣть недостатки людей, не оскорбляясь ими, а только находить ихъ забавными; посреди разсѣянности и шума придворной жизни, онъ

сохранилъ въ душѣ своей привязанность къ простымъ наслажденіямъ Природы. Онъ забавляется надъ глупостями, заблужденіями и пороками; но онъ не взыскашелевъ, не выдаешъ себя за сурогаго законодашеля нравовъ, и имѣешъ шу снисходительность, кошорая и самыя непріятныя упрёки дѣлаешъ привлекашельными; его прососердечіе и любезный характеръ примиряющъ васъ съ колкостію его оспроумія, и вы охотно соглашаешесь у него учиться, пошому что онъ говоритъ отъ сердца, по опыту, и забавляешъ васъ, предлагая вамъ нравоученіе полезное; его Философія не имѣешъ цѣлю моральнаго совершенства Споимовъ, надъ кошорыми онъ позволяешъ себѣ иногда смѣяться; она заключаешъ въ себѣ искусство пользоваться благами жизни, бышь истинно независимымъ, и любяшь Природу. Со стороны стихотворной, Сапирь его почищаются свершеннѣйшими изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. Формы его чрезвычайно разнообразны: иногда говоритъ онъ самъ, иногда выводяшъ на сцену поспороннія лица; иногда рассказываетъ чашапелю своему баснь. Его описанія чрезвычайно живы; но онъ шолько прикасаешся къ описываемому предмету, и никогда не упоминаешъ вниманія; изображая характеръ, онъ предшавляешъ однѣ главныя и самыя нужныя чершы его живою, но легкою жистію. Онъ имѣешъ даръ,

говоря уму, оживляшь воображеніе и прикасаешься къ сердцу, и мысли его всегда согрѣты пламенемъ чувства. Однимъ словомъ, прочитавъ его Сапиры (надобно въ немъ причислить и Писанія, изъ которыхъ нѣкоторыя ни въ чемъ не различуются съ Сапирою), вы остаешься съ лучшимъ знаніемъ свѣта, съ яснѣйшимъ понятіемъ о жизни, и съ большимъ расположеніемъ ко всему доброму!

Ювеналъ имѣлъ характеръ, совсѣмъ пропивуположный Гораціеву: онъ бичъ пороковъ и порока. Читая Сапиры его увѣряемся, что Ювеналъ имѣлъ пламенную, исполненную любви къ добродѣтели душу; но въ то же время и нѣкоторую угрюмость, которая заставляла его смотрѣть на предметы съ дурной только стороны, и представляя ихъ глазамъ читателя, съ намѣреніемъ увеличивать ихъ безобразіе. Онъ родился при Императорѣ Калигулѣ; но Сапиры его, изъ которыхъ дошло до насъ только шестнадцать, всѣ, по увѣренію ученыхъ людей, написаны во времена Траяна или Адриана, слѣдовательно въ глубокой старости. Сіи обстоятельство объясняютъ намъ и то, отъ чего Сапирикъ вездѣ представляется нашимъ глазамъ какъ строгій судья, и нигдѣ не утѣшаетъ насъ веселою Философіею чувствительнаго человека.

Ювеналъ, Споникъ характеромъ, видѣлъ всѣ ужасы Клавдіева, Неронова и потомъ Домиціанова царствованій; онъ былъ нѣмымъ свидѣтелемъ съ одной стороны неограниченнаго деспотизма, съ другой самой отвратительной низости, самаго отвратительнаго разврата, и въ душѣ его мало по малу скоплялось сокровище негодованія, которое усиливалось въ тишинѣ принужденнаго безмолвія. Сапиры его можно наименовать мщеніемъ пламенной души, которая долго не смѣла себя обнаружить, долго ропсала прошивъ своей неволи, и вдругъ, получивъ свободу, спѣшишь воспользоваться ею неограниченно. Спаросшь и привычка къ чувствамъ прискорбнымъ лишили его способности замѣчать хорошія стороны вещей; онъ видѣлъ одно безобразіе, онъ выражаетъ или негодованіе, или презрѣніе. Онъ не Философъ: будучи сильно поражаемъ каршиною окружающаго его разврата, онъ не имѣетъ того душевнаго спокойствія, которое необходимо для Философа, бесѣдующаго съ самимъ собою; но онъ превосходный Живописецъ: въ слогъ его находимъ силу и высоту его характера.

Juvenal, élevé dans les cris de l'école,
Poussa jusqu'à l'excès sa mordante hyperbole;

Одни предпочитаютъ Ювенала Горацию; другіе отдають преимущество послѣднему. Не разбирая, на чьей сторонѣ справедливость,

мы можемъ замѣтить, что каждый изъ сихъ спихотворцевъ имѣетъ особенный, ему одному принадлежащій характеръ. Горацій почти никогда не печаливаетъ души разительнымъ изображеніемъ порока; онъ только забавляетъ на счетъ его безобразія, и сверхъ того противопоставляетъ ему тѣ добродѣтели, которыя наиболее нужны въ общежитіи. Ювеналь производитъ въ душѣ отвращеніе къ пороку, и переливая въ нее то пламя, которымъ собственная душа его наполнена, даетъ ей и большую твердость и большую силу; но Горацій, представляя намъ вездѣ одни привлекательные предметы, привязываетъ насъ къ жизни и научаетъ довольствоваться своимъ жребіемъ; а Ювеналь, окружая насъ предметами отвращительными, производитъ въ нашей душѣ какую-то мрачность. Первый осмѣиваетъ спранныости глупыхъ людей, но приближаетъ насъ къ добрымъ; послѣдній, представляя нашимъ глазамъ одинъ порокъ, дѣлаетъ насъ недовѣрчивыми и къ самой добродѣтели. Въ сапиряхъ Горація знакомишься и съ самимъ Гораціемъ, съ его образомъ жизни, привычками, упражненіями; въ сапиряхъ Ювенала никогда не видишь самаго Поэта; ибо ничто поспорнее не отвлекаетъ нашего вниманія отъ тѣхъ ужасныхъ кар-

линѣ, которыя представляются воображенію Спихонворца. Кто хочеть научиться искусству жить съ людьми, кто хочеть почувствовать прямую пріятность жизни: тотъ вышверди наизустъ Горация и слѣдуй его правиламъ; кому нужна подпора посреди несчастій житейскихъ, кто, будучи оскорбляемъ пороками, желаетъ облегчить свою душу излишнемъ шаящагося во глубинѣ, ея негодваніи: тотъ разверни Ювенала, и онъ найдетъ въ немъ обильную для себя пищу.

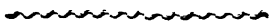
Опредѣливъ достоинство сихъ Сапиріковъ, которые почитаются образцовыми, обратимся къ нашему Кантемиру.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

Ж.

IV. С М Ъ С Ъ.

Замѣчанія о новомъ Ковентгарденскомъ театрѣ въ Лондонѣ.

Въ минувшемъ году сторбли оба Лондонскіе театра. Употреблено было все стараніе о скорѣйшемъ сооруженіи вновь театра Ковентгарденскаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ увидѣли прѣкраснѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ всѣхъ зданій, украшающихъ сію столицу. Хозяева на построеніе новаго театра издержали страшную сумму — 150,000 фунтовъ стерлинговъ. Съ неудовольствіемъ примѣтивъ народъ, что надстроены были прѣпій рядъ ложъ, въ которомъ ему помѣщаться не дозволялось; и что обѣ галереи надъ ложами, гдѣ народъ обыкновенно занимаетъ мѣста свои, сдѣланы такъ высоко, что сидя тамъ почти ничего не лзя ни видѣть, ни слышать. Когда же разнеслась молва о намѣреніи возвысить цѣну за входъ; то почтенная публика поспѣшнѣе заблагоразсудила вопрошившись такой новостію, которую почиала предпріятіемъ насильственнымъ и несомѣстнымъ съ ея правами. Въ публичныхъ листкахъ начали битъ тревогу.

Между тѣмъ хозяева театра, чтобы возвратить себѣ издержки и обезпечить предполагаемые расходы, не безъ прискорбія увидѣли себя принужденными въ самомъ дѣлѣ возвысить цѣны за мѣста въ театрѣ; но желая

предоставляешь негодование публики, они рѣшились надбавить только на мѣста, въ партерѣ и на ложи для богатыхъ людей усвоенныя, а входъ въ обѣ галлерей оставили на прежнемъ положеніи.

Въ Парижѣ судьба представляемыхъ драматическихъ сочиненій зависитъ отъ партера; въ Лондонѣ исключительное право принадлежитъ галлереймъ, откуда раздаются и свисты хулы и плевки благоволенія. Еще наблюдается здѣсь обыкновеніе, съ приходящихъ къ концу первой пьесы брать только половинную цѣну, по ешь за вторую часть представленія, которая всегда принаровлена бываетъ ко вкусу простаго народа. Хозяева думали, что распоряженіе ихъ понравится людямъ небогатымъ, и что слѣдственно большихъ затрудненій не будетъ. Однакожъ они ошиблись; при мѣсяца сряду каждое представление было прерываемо ужаснымъ шумомъ, и ни Полиція, ни власть Правительства не могли прекратить безпорядковъ, которыхъ въ другой землѣ не терпѣли бы долго, но которые въ Лондонѣ сдѣлались очень опасными. Можетъ быть любопытные читатели пожелаютъ знать причины, ходъ и вѣроятныя слѣдствія сихъ страныхъ происшествій.

При открытіи театра, когда разнеслась молва, что цѣны за мѣста возвышены, смятеніе распространилось по всему городу; народъ пѣснился у театра, мѣшалъ представлять драму и хотѣлъ силою заставить Директоровъ, чтобы установили прежнія цѣны. Такимъ образомъ первыя представленія, какъ сказано выше, были очень шумны; беспресшак-

но раздавались крики по театру: „Долой Директоровъ! прочь насильство! прочь ширанство! прочь Капалани (*)! прежняя цѣна!“ и проч. Наконецъ до того дошло, что спали плясать, прыгать, ломать скамьи; прилѣпляли къ ложамя разные надписи, и спускали ихъ на длинныхъ шестахъ въ партеръ и къ самымъ актерамъ. Многие носили на шляпахъ и на груди буквы Q. P. (old prices, старые цѣны), въ знакъ того что принадлежали къ паршии недовольныхъ. Съ криками смѣшивались спражные звуки колокольчиковъ, рожковъ, побрякушекъ, свистковъ и проч. Между пѣмъ бѣшеные ораторы подкрѣпляютъ негодование въ народъ, и *Джонъ Буллъ* (**) представляется въ наспоющемъ своемъ видѣ: ничего незначущая прибавка на цѣну за мѣста угрожала опасности Государственной конституціи; ее почисляли нарушеніемъ права народнаго и кричали о великой харши (magna charta).

Кембель, любимой актеръ, двадцать лѣтъ угождающій публикѣ ошличнымъ своимъ шалантомъ, щещелно покушался представить необходимыя причины столь маловажной надбавки; его освистываютъ, не дають ему докончить. Надѣясь укротить мятежъ, онъ объявляетъ объ удаленіи пѣвицы Капалани, на которую народъ смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на Англійскомъ театръ; предлагаетъ составить особую комиссію изъ людей почтенныхъ званіемъ своимъ и честностию для разсмотрѣнія театральныхъ доходовъ и издержекъ, и дабы попомъ рѣшительно опредѣлишь,

(*) Славная пѣвица.

(**) Англійской народъ.

почтили нужна надбавка. *Джонъ Буллъ* ничему не внемлетъ, и шумъ ежедневно возобновляется. Всего страннѣе, что въ такой ужасной суматохѣ раздавались и народныя пѣсни: *God save the King, Rule Britannia!*

Сверхъ того народъ крайне былъ недоволенъ прешимъ рядомъ ложъ, которыя, вопреки обыкновенію Лондонскаго театра, предназначены къ отдачѣ въ наемъ на цѣлой годѣ. Переднія ложи, убранныя лучше другихъ, отдѣленныя, имѣющія особую лѣспницу и прихожія комнаты, показались народу какимъ-то унижающимъ отличіемъ. Хозяева, намереваясь поспроить сей прещій рядъ, желали чрезъ это особенно угодишь богатымъ семействамъ, которыя искали удобства въ театрѣ и не хотѣли смѣшиваться съ полною зрительней. Надобно знать, что въ Лондонѣ только въ оперномъ домѣ отдаются ложи на годъ; въ другихъ же театрахъ можно тамъ взять ложу не болѣе какъ на одинъ вечеръ, и при томъ надобно быть очень осторожнымъ; ибо послѣ перваго дѣйствія и въ нанятую ложу всякой посторонній имѣетъ право съ билетомъ войти и занять въ ней праздно мѣсто. За годовую ложу платяшъ 400 гиней.

Спустя двѣ недѣли, Правительство увидѣло себя въ необходимости употребить спротивъ мѣры. При полномъ собраніи зрительней объявленъ такъ называемый *Riot-act*, то есть, что по причинѣ наставшаго мятежа отмѣняется законъ, недозволяющій брать подъ спражу гражданина, и что нарушители общественнаго спокойствія должны быть задержаны и предъставить поручителей въ своихъ

поступкахъ. Но какъ и сіе объявленіе не произвело желаемого дѣйствія, то опредѣлено запереть домъ театральный. Между тѣмъ совѣтственная коммиссія по разсмотрѣніи счетовъ наша, что надбавка сдѣлана по необходимости. Розданы печатные листки, въ которыхъ представлено опчетъ въ суммахъ. Сіимъ способомъ надѣялись успокоить народъ, и театръ отворили по прежнему. Но съ *Джономъ Буллокомъ* мудрено сладить; онъ обвиняетъ коммиссію въ пристрастномъ разсмотрѣніи, жаляется на несправедливые опчеты, и идетъ опять въ театръ съ твердымъ намѣреніемъ установить прежнія цѣны. Не трудно было поспѣшь замѣтить, что своевольные мясешники дѣйствовали по обдуманному плану, и что они собирались для шайныхъ совѣщаній. Члены партіи учредили между собою подписку о взносѣ денегъ въ пользу поварищей своихъ, которые были бы взяты подъ страху; они заблаговременно приготовились къ войнѣ наступательной и оборонительной. Въ самомъ дѣлѣ усмотрѣно, что партія была въ связи съ галереями, и что по данному отъ предводительшей знаку начинались по ужасные крики, по заглушающей вой, по продолжительные стоны, по громкое кашлянье со странымъ смѣхомъ. Упоминшись отъ волеи, хохота и свиста, рыцари О. Р. запыгивали любимую свою пѣсню, и начинали плясать по скамейкамъ. Шумъ возобновлялся, когда приходили зрители для второй половины. Успавившись на высокихъ мѣстахъ, по данному знаку они намирающъ спѣною на передніе ряды и на сидящихъ въ оркестрѣ музыкантовъ. Тѣснимые сопрошивляются, и вотъ начало кулачнаго боя. Тутъ въ свалкѣ летяющъ оше-

рланные лоскушки плащя, являющіяся изуродованныя фигуры, окровавленные носы, вспухнувшія щеки. Приходъ полицейскихъ служителей даетъ поводъ къ новому сраженію, и побѣда часто склоняется на сторону рыцарей О. Р. Однакожъ приславамъ благочинія какъ-то удалось схватить самыхъ неугомонныхъ мяшежниковъ, которые и будутъ судимы. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ одинъ Адвокатъ, именовъ Клиффордъ, извѣстный по безпокойному своему нраву. Онъ подвергнется всей строгости законовъ, какъ предводитель мяшежниковъ.

Своевольные захвачены; однакожъ пиши-ка не возстановилась на Ковентгарденскомъ театрѣ. Тѣ же безпорядки возобновляются въ каждой вечеръ, и Англійскіе журналы наполнены описаніями сихъ смѣшныхъ происшествій. Не лзя предположить на вѣрное, когда прекратится сіе комическое возмущеніе; Между тѣмъ ни одинъ порядочной человекъ не посѣщаетъ театра, публика лишается любимой своей забавы, и содержатели перпяты убытокъ. Понять не лзя, для чего Правительство не приступитъ къ мѣрамъ самымъ строгимъ, рѣшительнымъ; но причины тому искать должно въ существѣ Англійскихъ законовъ и въ устройствѣ Лондонской Полиціи.

Въ Лондонѣ не въ обычаѣ употреблять солдатъ для наблюденія благочинія въ театрѣ, или для возстановленія пишины въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Въ самомъ городѣ нѣтъ гарнизона, и даже не дозволяется вводить въ него вооруженное войско. Въ томъ состоитъ привилегія Лондона и Вестминстера, и ею

сполько дорожають памошніе жителі, что покушеніе нарушишь ея, моглобы причинишь весьма важныя слѣдствія. Полиція состоишь изъ малаго числа комиссаровъ, разбѣянныхъ по частямъ города; они не имѣють ни силы, ни возможности охраняшь общественное спокойствіе, которое оберегаешся не инымъ чѣмъ, какъ флегматическимъ характеромъ народа и удобностію доставашь себѣ дневное пропитаніе.

Правительство чувствуетъ невыгоды такого учрежденія, и знаетъ, сколь слабо дѣйствіе законовъ въ семъ отношеніи; однакожь оно не дерзаетъ помыслишь о перемѣнѣ, потому что шѣмъ дало бы случай къ возмущенію, и для того непрепятствуетъ народу шѣпшихся призракомъ вольности, несмотря на всѣ происходящія отъ того неудобства. Смущныя происшествія въ Ковенгарденскомъ шеагрѣ не иначе прекращены быць могутъ, какъ установленіемъ прежнихъ цѣнъ, или когда всѣ неугомонные зрители будущъ перехвачаны и принуждены дашь поруки въ будущемъ своемъ поведеніи.

Zeit. f. d. eleg. Welt.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

При 7 номерѣ С. Петербургскихъ Вѣдомостей приложена выписка изъ присланныхъ въ Свяшійшій Синодъ за 1808 й годъ Епаршескихъ перечневыхъ вѣдомостей, сколько въ томъ году въ каждой изъ 36 Епархій, за исключеніемъ городовъ Якутска и Камчатки съ уѣздами,

обвѣнчано браковъ, и сколько родилось и умерло людей мужеска и женска пола. Но ипогу видно, что во всей Россійской Имперіи обвѣнчано 331,611 паръ; родилось мужеска пола 703,748, женска 630,382, а всего 1,334,130 человекъ; умерло мужеска пола 465,552, женска 426,100, а всего 893,652 человека: слѣдовательно число родившихся превышаетъ число умершихъ 440,478 душами. Надобно знать, что въ семъ счетѣ включены безъ извѣстія всѣхъ состояній люди, но только содержащіе православную вѣру Греко - Россійскаго исповѣданія. Въ числѣ умершихъ было: 1 человекъ около 160 лѣтъ въ Пермской Епархіи; 1 же около 135 лѣтъ въ Кіевской; 7 человекъ отъ 125 до 130 лѣтъ, всѣ въ южныхъ и среднихъ Губерніяхъ; 8 человекъ отъ 120 до 125 лѣтъ; 24 чел. отъ 115 до 120 лѣтъ; 34 чел. отъ 110 до 115 лѣтъ; 82 чел. отъ 105 до 110 лѣтъ; 195 чел. отъ 100 до 105 лѣтъ; 1,306 чел. отъ 95 до 100 лѣтъ, и проч.

*

Достопамятнымъ явленіемъ въ Парижѣ почитается Испаліанскій Импровизаторъ *Джіанни*, копорой оспался навсегда жить во Франціи и копорому Императоръ Наполеонъ опредѣлилъ пенсію. Чудесное дарованіе его споль необычайно, что даже понять невозможно, какимъ образомъ умѣетъ онъ на заданное предложеніе вдругъ прочитывать нѣсколько софенъ стиховъ безъ всякаго приговора. Въ одномъ большомъ обществѣ въ присутствіи г-на Джіанни раздавали печатное извѣстіе о вшествіи Императора въ Вѣну; Государственный Совѣтникъ г. Корвешто попросилъ его воспѣть сіе важное происшествіе. Джіанни соглашается, шребуетъ нѣсколько прежнихъ за-

писокъ о военныхъ произшествіяхъ, про-
бѣгаетъ ихъ глазами — и вдругъ чищаетъ пре-
красные высокопарные стихи разнообразной,
самой прудной мѣры; при человекѣ ловящъ
ихъ и кладущъ на бумагу, каждой по одному
стиху, чтобы не сдѣлать пропуска. Все со-
чиненіе напечатано у Дидоша подъ названіемъ:
*L'ultima guerra Austriaca, Последняя война
Австрійская*, съ Французскимъ переводомъ.
Достоино примѣчанія, что Джіанни не боиш-
ся обнаруженія, какъ другіе Импровизаторы;
напрощивъ того онъ самъ хочетъ, чтобы
стихи его всегда были списываемы. Уже семь
разъ воспѣлъ онъ побѣды Французскаго ору-
жія. Онъ увѣряетъ, что сочиняетъ стихи та-
кимъ образомъ, безъ приговора, до крайно-
сти утомительно и вредно, и что онъ, по
причинѣ слабости здоровья, едва ли опяшь ко-
гда-либо примется за свою лиру.

*

„Живучи въ Лозаннѣ (1801 года) — пи-
шетъ Машписсонъ, извѣстный стихотворецъ
Нѣмецкій — я хаживалъ къ ученому и умному
Профессору *Леванду*. Однажды мы разсмаши-
вали недавно полученный имъ изъ Парижа пе-
чатный портретъ Наполеона Бонапарте, и на-
чали о немъ разговаривать. Тутъ услышалъ
я, что первый Консулъ, идучи съ войскомъ въ
Италію, пробылъ съ полчаса, вмѣстѣ съ Берсье
и другими чиновниками, близъ Лозанны, въ
тѣни подъ каштановымъ деревомъ. *Левандъ*
неперпѣливо желая взглянуть на сего необы-
кновеннаго человекѣ и слышать его рѣчь, вос-
пользовался случаемъ предложивъ къ услу-
гамъ его сельской домикъ, находящійся близъ
того мѣста. Такимъ образомъ начался разго-
воръ. Консулъ узнавши, что видишь передъ

себою Профессора, вдругъ съ великою живою спросилъ: „что въ Швейцаріи думаютъ о Кантовой Философіи?“ Генераль! мы ее не понимаемъ; отвѣчалъ Профессоръ. Съ веселымъ видомъ пихо ударивши правымъ кулакомъ объ лѣвую ладонь свою, сказалъ Бонапарте: „вы слышали, Бертье! вошъ и здѣсь Канта не понимаютъ!“

*

У древнихъ Грековъ въ награду за лучшее драматическое сочиненіе давали козла. Въ 1562 году при Баварскомъ дворѣ одному поешу, кошорой потѣшилъ Герцога комедією, заплачено 6 гульденовъ. Въ 1808 году Колмавъ продалъ Директору Геймаркешскаго театра въ Лондонѣ одну рукописную комедію за 1100 фуншовъ стерлинговъ!

*

Хотя въ Берлинѣ есть публичное заведеніе, въ кошоромъ всякой можетъ безденежно дѣтямъ своимъ прививать коровью оспу, и хотя почти еженедѣльно чрезъ вѣдомости вызывающія всѣ желающіе воспользоваться симъ спасительнымъ средствомъ; не смотря на то, въ прошломъ году 4000 человекъ имѣли натуральную оспу, и 388 человекъ лишились отъ нее жизни. Всѣ старанія увѣришь простой народъ въ очевидной полезности сей предохранительной оспы донынѣ были почти совершенно безуспѣшны.

*

Въ Нѣмецкихъ публичныхъ лиспкахъ недавно предлагали средство обойтись безъ сахару, безъ сего разорительнаго по нынѣшнимъ обстоятельствомъ припаса. Извѣстно, что березовой сокъ содержитъ въ себѣ много сахарныхъ частицъ, и удивительно, что до сихъ

порѣ изъ него не добываютъ сахару. Правда, что въ Германіи не вездѣ можно дозволить выпускать сокъ изъ березы; но въ Россіи, изобилующей березовымъ лѣсомъ, которой опчасти ни на что неупотребляется, а опчасти служитъ для жженія, изъ сего дерева можно доставать много вещества сахарнаго. Вотъ способъ приготовить березовой сахаръ: Надобно весною напочить произвольное количество березоваго соку, потомъ осторожно зашкнуть просверленное мѣсто и замазать варомъ; симъ средствомъ дерево предохраняется отъ поврежденія. Нацѣженной сокъ кипятить до тѣхъ порѣ, пока онъ сгустится на подобіе сиропа; потомъ разлить его въ стеклянные сосуды и держать такимъ образомъ, чтобы они были плотно зашкнуты. Сиропъ сей можно употреблять во всѣхъ кушаньяхъ, въ пуншъ и проч.; онъ не только не противенъ вкусу, но даже пріятенъ и очень сладокъ. Изъ десяти ведеръ соку можно получить полведра сиропа. Для сбереженія дровъ, надобно по мѣрѣ убавленія соку переливать его въ меньшіе сосуды и потомъ варить снова. Кто умѣетъ варить сокъ изъ моркови, тому не трудно обходиться и съ березовымъ; ибо дѣйствія въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковы.

✱

Лори, Французской врачъ, самую опчаянную *вдланую болѣзнь* вылѣчилъ селипряною кислотою, которой по 36 капель вливалъ въ одну пиншу (кружку) ячменнаго опвару. Въ тоже время составлялъ онъ для больнаго пишье изъ 4 унцъ воды изъ липовыхъ цвѣтковъ (Lindenblüthwasser), 1 гран. кошенили и 1 дош. морскаго луку. Черезъ мѣсяць больной совершенно выздоровѣлъ.

Найдено, что самое лучшее лекарство пропивъ дѣйствиа мышьяка естъ магнезіа.

Докторъ Цухъ открылъ, что кора тернового дерева можеть служишь весьма хорошею замѣною хины.

✱

„Недавно случилось мнѣ найти въ газетномъ прибавленіи слѣдующія спроки: „Кто желаетъ удостовѣриться, что необычныя событія, до которыхъ мы дожили, за нѣсколько сотъ лѣтъ были уже предсказаны; шопъ долженъ чистать *Достопамятныя пророчества изъ вѣковъ Христіанства*, книгу, которой претъа часть вышла изъ печати въ Лейпцигѣ.“ Небудучи пророкомъ, я смѣло предсказывалъ сему издѣлію торговой смѣшливости великую удачу. Я досталъ себѣ при часпи *Достопамятныхъ пророчествъ*, и нашелъ въ нихъ очень много любопытнаго. Французская революція, низложеніе Королевскаго достоинства, начало Французской Имперіи, и упадокъ Римской Герархіи съ довольною ясностію предсказаны были въ 15, 16 и 17 столѣтіяхъ. Не ужели новые пророки болѣе спюють, нежели какъ объ нихъ вообще думаютъ? Для меня очень трудно имѣть къ нимъ уваженіе. Чшобы судишь безошибочно о достоинствѣ такихъ предсказаній, надобно разсмотрѣть время, въ которое жилъ мнимой предсказатель, имѣть передъ глазами погдашнія обстоятельство, нравы и обычаи, и знать, чѣмъ окончилась судьба пророка. Небольшой опытъ можеть служишь тому доказательствомъ. Дабрицій, уроженецъ изъ Моравіи, выдалъ предсказанія свои въ половинѣ семнадцатаго вѣка. Въ нихъ находящя слѣдующія достопамятныя спроки: „Одинъ Французскій

„Король нѣкогда будетъ не только Императоромъ, но и величайшимъ Монархомъ въ Европѣ; онъ истребитъ идолопоклонническихъ жрецовъ и служителей идоламъ, и въ то же время установитъ и утвердитъ свободу совѣсти на всемъ земномъ шарѣ.“ Мѣсто сіе въ самомъ дѣлѣ спранно въ наше время; но есть ли причина кричать отъ удивленія? Я думаю, совсѣмъ никакой. Кто былъ ешоу Дабрицій? Протестантскій священникъ въ Моравіи, 1628 году выгнанный опшуда католиками; лишенный родового своего имѣнія, ограбленный солдатами, разъяренный врагъ католиковъ и Австрійскаго дома, на который успремлены были его предсказанія. Въ какое время жилъ онъ? Тридцатилѣтняя война свирѣпствовала въ Германіи; Австрійскій домъ старался сдѣлаться неограниченнымъ повелителемъ Нѣмецкой Имперіи; протестанты боялись утраты вольности своей въ исповѣданіи вѣры; Имперскіе чины боялись лишиться своей конспикуціи, и всѣ вообще исполнены были ненависти къ Австрійскому дому. Ришелье управлялъ Францію; слѣдуя правиламъ шонной политики, онъ защищалъ протестантовъ и объявилъ войну Австріи. Очень натурально, что протестантскій пророкъ предсказывалъ Австріи всѣ нещастія, а Франціи удачу и могущество. Онъ говорилъ, по примѣру большей части предсказателей, сообразно мнѣнію народа и желанію своихъ единомышленниковъ. Австрійскія владѣнія онъ роздалъ протестантскимъ Государямъ, Брандбургскому дому предсказалъ овладѣніе Моравією, Саксоніи опдалъ Богемію, и чтобы досадишь Австріи какъ можно болѣе, Спирію и Каринтію дозволилъ занять Туркамъ. Во всемъ

пророчесствѣ семѣ кто не видитъ оскорбленнаго священника, призывающаго небо и землю ко мщению! Слова его: *одинъ Французскій Король будетъ Императоромъ*, ясно показываютъ, что онѣ ничего не зналъ о предстоящемъ времени. Но скажутъ: Почему же, спустя 150 лѣтъ, сбылось предсказаніе? Если бы все то записывалъ, чего приспращіе, опасенія, шрусость, неразсудительность и проч. ожидали въ будущемъ; то мы удивились бы великому множеству несбывшихся случаевъ, между которыми однакожь нашли бы нѣсколько и сбывшихся. Когда вычислены *всѣ* возможныя произшествія; то одно или другое необходимо должно сбыться. Въ прочемъ всякое предсказаніе *объ удачѣ* неподлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; ибо всѣ дѣла человѣческія, всѣ конспируціи, всѣ монархіи неизбѣгнутъ разрушенія, точно какъ человекъ не можетъ избѣжать смерти.“ Изъ *Zeit. f. d. eleg. Welt.*

*

Гайднѣ прудился надѣ музыкальными своими сочиненіями болѣе полу-вѣка, и всѣ шворенія его соспавляютъ немалую библіотеку. Въ 1805 году онѣ вычислялъ шѣ изъ нихъ, какія шолько могъ вспомнить и которыя произведены имѣ на свѣтъ съ 18 до 73 года его жизни. Въ недокончанной росписи показано 118 симфоній, 83 кваршета, 24 прію, 19 оперъ, 5 орапорій, 163 шшукѣ для баритона, 24 концерта для разныхъ инструментовъ, 15 обѣднѣ, 10 малыхъ шшукъ церковныхъ, 44 сонаты для клавикордъ, 42 Нѣмецкія и Испанскія пѣсни, 39 каноновъ, 13 при и чешыреголосныхъ пѣснѣ, голоса и вторенья для 365 шаро-шотландскихъ пѣснѣ, множество

divertimenti, *capriccio*, фаншазій и сочиненій няши, шесши, семи, осьми и девяшиголосныхъ для разныхъ инструменшовъ. Нельзя не удивляясь шоль чудесному обилію; самъ Гайднъ удивлялся оному, и говаривалъ иногда, что незнаешъ для себя лучшей надгробной надписи какъ слѣдующей, только изъ шрехъ словъ состоящей: *vixi, scripsi, dixi!* Гайднъ, сдѣлавшій такъ много для музыки; на 74 мѣ году жизни въ день рожденія своего сказалъ, что „поле искусства его безпредѣльно; что въ музыкѣ гораздо еще болѣе можно произвести, нежели сколько до сихъ поръ сдѣлано; что ему часто мечтающа въ мысляхъ способы расширить предѣлы искусства; но слабость силъ физическихъ не дозволяетъ ему совершить своихъ намѣреній.

~~~~~

Московскія записки.

Испекшій Январь богатъ былъ представленіями вообще новыхъ и возобновленныхъ театральныхъ сочиненій, въ числѣ которыхъ достойны примѣчанія: трагедіи *Леаръ* и *Сорена* и *Замиръ*; оперы *Похищеніе изъ Сералла* и 2я часть *Русалки*.

Леаръ достался Русской публикѣ изъ прешьихъ рукъ. Первымъ шворцемъ сей трагедіи былъ *Шакеспиръ*, вторымъ *Джиссъ*. Русской Сочинитель, г. Г... въ, подражалъ образцамъ своимъ не рабски, но свободно и съ разборчивостію, какъ лишператоръ, знающій свое дѣло. *Переводитъ Шакеспира ошъ слова*

до слова для нынѣшняго театра никакъ невозможно. Одинъ онъ достоинъ былъ бы спюсть выше всѣхъ драматическихъ писателей, какіе ни славились послѣ Греческихъ прагиковъ, еслибъ въ превосходныхъ швореніяхъ его зоджо не было смѣшано съ грязью. Однакожъ гордые Брипанцы не хотѣли признавать въ немъ шѣхъ недоспашковъ, какіе замѣчаются иностранцами; они почишуютъ Шакеспира единственнѣмъ поешомъ напуры, и въ драматическихъ сочиненіяхъ его находятъ самое вѣрное зеркало чловѣческихъ нравовъ и общежитія. Мы говоримъ, что Шакеспиръ совсѣмъ не наблюдалъ драматическихъ правилъ, и что у него непосредственно за высокими мыслями, за выраженіемъ сильнѣйшей спрассти слѣдуютъ или площадныя слова, или низкія шупки. Англійскіе крипики доказываютъ (*), что лица его говорятъ и дѣйствуютъ шакъ шочно, какъ самъ чипашель говорилъ бы и дѣйствовалъ въ подобномъ случаѣ, и что иные писатели представляютъ самыя напуральныя спрассти, самыя обыкновенныя произшествія совершенно въ другомъ видѣ; а Шакеспиръ и чудесные случаи дѣлаетъ для насъ обыкновенными и вѣроятными: драмы его не принадлежатъ ни къ комедіямъ ни къ прагедіямъ, ежели разспашривать ихъ по правиламъ нынѣ господствующей Пишпики; въ его время прагедія опличилась отъ комедіи не важностію содержания и характеровъ, но плачевною развязкою. Даже противъ укоризнъ за несоблюденіе единства времени и мѣста у почишателей Шакеспира гошovy оправданія. Здѣсь онъ были бы

(*) Смощри Джонсоново предисловіе къ сочиненіямъ Шакеспира.

не у мѣста; замѣшимъ только, что Шакеспировы драматическія сочиненія *Ромео и Юлія*, *Отелло*, *Лearъ*, суть драгоценное пріобрѣтеніе для Русскаго театра, и что ежели прагическій писатель непременно долженъ возбудить ужасъ и жалость въ сердцахъ зрителей, то Шакеспиръ неоспоримо принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ прагиковъ, у которыхъ надобно учиться. Опець, гонимый неблагоприятными дѣльми своими, которыхъ любилъ со всею родителскою нѣжностію, которыхъ отдалъ и власть свою и царство — какое ужасное, истинно прагическое положеніе! . . . Но откладываемъ до другаго времени нѣкоторыя подробности о *Лearѣ*.

Сорена и Замиръ трагедія не новая; она предсавлена въ первой разъ на здѣшнемъ театрѣ 1785 года, и должна быть очень извѣстна пожилымъ любителямъ отечественной Мельпомены. Мстиславъ, *Царъ* Россійскій, бичъ народовъ и мучитель побѣжденныхъ, овладѣлъ землею Князя Половецкаго Замира, захватилъ въ плѣнъ супругу его Сорену, и желаетъ сочешаться съ нею узами брака. Сорена жестоко ненавидитъ Мстислава, любитъ своего супруга, о смерти коего Царь умышленно распустилъ молву, чтобы скорѣе получить руку прекрасной плѣнницы. Сорена, досадуя на Зенду, свою наперсницу, которая совѣшуетъ ей забыть Замира и выйти за Мстислава, говоритъ:

Кто сказывалъ тебѣ, что мертвъ супругъ
ужь мой?
Какія ты нашла тому причины въришь?
Уже ль научена Мстиславомъ лицебритъ?

Зенида. О боги! — — я съ тобой употреблю
обманъ?

Зенида? — — Нѣтъ! ни въ чемъ не оболь-
стишь ширянь:

Ни чемъ души моей къ коваршву неза-
купишь.

Зенида въ честности Соренѣ не уснупишь.

Сореня. Коль такъ, прости меня! прости по-
скѣ моей!

Все подозрительно въ странѣ мнѣ спало
сей!

Почто о бракѣ мнѣ такъ часто поминала?

Зенида. Я сердце шѣмъ швое, Царица, испы-
шала.

О бракѣ я швоемъ такъ часто говоря,
Дрожала внутренно Россійскаго Царя и
проч.

Сореня приказываетъ Зенидѣ развѣдать о За-
мирѣ:

Проникни истину, проникни шайны люшы:
Почтися преклонишь Мспиславовыхъ ра-
бовъ:

Почтися чрезъ нихъ узнать поставлен-
ный мнѣ ковъ.

Зенида доноситъ Княгинѣ, что Оспанъ, другъ
Замировъ, захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ дру-
гими Половцами, приходившими освободить
городъ. Царь, склонясь на просьбу Сорены, доз-
воляетъ привести въ чершого плѣнныхъ По-
ловцовъ, въ числѣ которыхъ является и За-
миръ. Мспиславъ узнаетъ въ немъ своего со-
перника и рѣшается оправить его ядомъ; но
по убѣжденію наперсника своего Премысла оп-
мѣняетъ жестокое намѣреніе.

Опсрочу казнь его, опсрочу; но лишь съ шѣмъ,
Чтобъ въбры истинной родишь познанье въ
немъ:

Коль хочешъ жить еще, да примешъ Христі-
янство.

Царю кажешся, что окрестивши Замира, ли-
шитъ его права соединишься съ Сореною ;
но Замиръ не спрашится никакихъ угрозъ и
готовъ лучше претерпѣть жесточайшія муки,
нежели измѣнитъ своей совѣсти. Чшожъ
Мспиславъ ? выдумываетъ хитросеть самую
спранную и нелѣпую. Онъ говоритъ Премыслу:

Коль власшь не дѣйствуешъ, упопробимъ ко-
варство :

Едва наступитъ ночь, представъ Замира въ
храмъ ;

Мспиславова судьба должна рѣшиться тамъ.

Когда душевнаго въ Замиръ постоянства

Не могъ поколебать я силою пиранства ,

Такъ страхомъ Божества пощимся въ томъ
успѣшь ;

Обманомъ — спрасненъ я — и все могу пре-
зрѣшь.

Да вѣру въ ужасъ олтарь представитъ храма,
Свѣтъ томный, шину, куренья фиміама ,

короче, Мспиславу кажешся возможнымъ скло-
нитъ Замира ложными чудесами. Несчастнаго
Князя опводящъ во храмъ; Сорена идетъ пу-
даже съ намѣреніемъ умертвить Мспислава ,
но вмѣсто его обманувшись закаляетъ Замира,
и пошомъ сама себе лишаетъ жизни кинжаломъ.

Чшо за мысль, представитъ какого-то
небывалаго Царя Мспислава честолюбцемъ,
мучителемъ и обманщикомъ, а Замира, Поло-
вецкаго Князя, великодушнымъ, справедли-
вымъ, другомъ человѣчества ? Чшо за мысль
направлять жалость зрители на предводише-

ля Половцовъ, сихъ вѣроломныхъ грабителей, почти всегда бывшихъ непріятелями Русскаго народа? Ниже шѣни псхэжаго произшествія вѣшъ вѣ Исторіи; а счѣнипель почно хомѣль шрагеди своей дашь правдоподобіе историческое, предположивъ дѣйствіе вѣ Полоцкѣ, и думая, что Полоцку надлежало бышь вѣ землѣ Половецкой!

Г - жа Воробьева предсшавляетъ Соречу очень хорошо; кѣ чести ея относшсь особливо по, что во многихъ мѣсшхъ, копорыхъ показались бы шрудны для другой акшнелы, она понимала слова свои, Мспиславу надлежало бы выучшть роль пошверже; безъ шого невозможно угодишь шѣмъ зрштелямъ, копорые вслуциваются вѣ каждое слово и замѣчаютъ каждое движеніе. М.

Издашелямъ Вѣстника Европы сообщена вѣдомостъ о числѣ больныхъ и обѣ операціяхъ, сдѣланныхъ вѣ Голицынской публичной больницѣ. Кѣ 1 му Января 1808 го года вѣ ней находилось больныхъ обоого пола 95 человекъ; вѣ печеніе упомянушаго года приняшо было спраждуцихъ разными болѣзнями, по большей части или хроническими или опасными, 844, изъ числа копорыхъ выбыло по выздоровленіи 750, выписано по совершенной неспособности кѣ излѣченію 15, умерло 55; кѣ 1 му Января 1809го года ошавалось на лицо 100 человекъ.

Приходяцихъ для пользованія *электрической и гальванической машинами*, подѣ особеннымъ попеченіемъ Доктора Е. О. Мухина, больныхъ кѣ 1 му Января 1808го года бы-

ло 18; въ теченіе года приняшо 111, вылъчено 36, выписано по совершенной неспособности къ уврачеванію 49; къ 1 му числу Января 1809го года оспавалось на лицо 44 человекъ. Получившіе излъченіе посредствомъ *електризаціи* и *гальванизаціи* одержимы были шумомъ въ глазахъ, темною водою, глухошою, сведеніемъ рукъ и ногъ, параличемъ въ разныхъ членахъ, недержаніемъ мочи, заиканіемъ, слабостию въ рукахъ и ногахъ и проч.

Операции, охотно принятыя и благополучно сдѣланныя въ Голицынской больницѣ 1808 года г-мъ Докторомъ и Операторомъ Е. О. Мухинымъ.

Выгнущы: опломокъ правой шемянной кости, верхняго ея края, послѣ совершеннаго пролома подкованною лошадиною ногою; другой опломокъ той же кости, а при лобной, пораженной любоспρασтною болѣзнію. — Выядрена (episcleatio) мѣшечная опухоль величиною въ грецкой орѣхъ, имѣвшая положеніе свое на лбу подѣ лѣвымъ глазомъ. — Срѣзанъ плоской наростъ довольно величины, имѣвшій положеніе свое на лбу надѣ корнемъ носа у женщины. — Вырѣзанъ весь шаръ глазной, открытымъ ракомъ пораженный у шрѣхъ-годичнаго младенца. — Выядрена (epi leatio) мѣшечная опухоль величиною въ грецкой орѣхъ, имѣвшая положеніе свое подлѣ наружнаго угла праваго глаза, а другая подѣ лѣвымъ глазомъ. — Срѣзана наружная кожа нижнихъ вѣкъ обоихъ глазъ, ввернувшихся внутрь ресницами. — Выядрены двѣ мѣшечныя опухоли, величиною въ большой грецкой орѣхъ, заключающія въ себѣ густошу, подобную размазѣ

(*atheroma*); изъ нихъ одна имѣла положеніе свое на нижнемъ, а другая на верхнемъ вѣкѣ глаза, у двухъ человекъ. — Выядрена мѣшечная опухоль, бывшая величиною въ большой кулакъ мозолистого свойства, занимавшая положеніемъ своимъ щеку. — Прорѣзаны обѣ ноздри совершенно сросшіяся послѣ оспы у шрехъ-лѣшняго младенца. — Выверченъ (*evulsio*) полипъ изъ лѣвой ноздри, существа мозолисто-пузыристого, у дѣвицы. — Подрѣзанъ языкъ къ низу приросшій у чешырехъ младенцевъ. — Вырѣзана часть лѣвой ноздри, открытымъ ракомъ пораженная. — Вынушы два полипа мокрошно-сухожильные изъ обѣихъ слуховыхъ наружныхъ ходовъ у одной женщины. — Опрѣзанъ грибовидной наростъ, величиною въ пятакъ, имѣвшій положеніе свое за правымъ ухомъ, и сдѣлано сошвеніе (*futura clavata*) раны. — Сшиты (*futura clavata*) разорванная верхняя губа рта, и вынушы опломленные верхушки чешырехъ боковыхъ зубовъ, отъ удара изломанныхъ. — Вырѣзанъ ракъ (*cancer*), имѣвшій положеніе свое у двухъ на верхней, а у одного на нижней губѣ рта. — Вырвано пять зубовъ, при у младенца, а два у совершеннолѣшняго. — Вынутъ весь правой уголъ нижней челюсти, пораженный костоѣдою; послѣ сыскана, что вмѣсто онаго новая часть кости выросла. — Выядрена мѣшечная опухоль нарочитой величины, имѣвшая положеніе свое подъ нижнею челюстію, заключавшая въ себѣ жидкость подобную размазѣ (*pulpa*). — Сдѣланъ разрѣзъ поднебенья (*velum palatinum*). — Продвинуша рыба кость въ желудокъ, остановившаяся въ пищепріемномъ каналѣ, причинявшая совершенную невозможность глотать. — Вырѣзана болота (*tumor cisticus*), пораженная открытымъ

ракомъ, въсомъ въ три фунша съ половиною, имѣвшая положеніе свое подлѣ праваго паха надѣ вздохною костью, толстымъ корнемъ приросшая къ брюшнымъ мышцамъ. — Выпущено воды чрезъ прободеніе брюха (*paracentesis abdominis*) двадцать восемь фуншовъ, у женщины изъ особливаго мѣшка, находившагося въ брюхѣ, и занимавшаго верхнюю часть онаго до пупа. — Выпущены камни величиною одинъ въ кедровой орѣхѣ, а другой съ грецкую горошину изъ моче-испускательнаго канала у двухъ младенцевъ. — Выпущена вода чрезъ разрѣзъ шуляшника у одного годичнаго младенца, а у другаго совершеннолѣшняго. — Вкладываемъ былъ пробовашельный мочеиспускатель нѣсколько разъ. — Сдѣланъ вдольной разрѣзъ крайней плоти чешыремъ чело-вѣкамъ. — Срѣзанъ выросшій раковаго свойства, имѣвшій положеніе свое на крайней плоти. — Срѣзаны малиновидныя шишки, на заворощѣ (*praerutium*) имѣвшія свое положеніе. — Вскрыты два паховика (*bubo*) у двухъ чело-вѣкъ. — Справлена локотная кость, вывихнушая изъ сочлененія локтя съ плечомъ. — Опрѣзано (*amputatio circularis*) плечо (*brachium*), пораженное совершенною омертвѣlostію (*fraxellus*) послѣ измятія нижней части его мѣльничнымъ колесомъ у двухъ чело-вѣкъ. — Опрѣзано предплечіе лоскутнымъ образомъ на нижнемъ концѣ его у двухъ чело-вѣкъ, изъ коихъ у одного поражено было костью доу щесць лѣшъ послѣ измятія, а у другаго совершенною омертвѣlostію. — Опрѣзаны средній ручной палець, костью доу (*caries*) пораженный. — Вынута половина шейной иглы изъ указательнаго пальца, совершенно вошедшая внутрь онаго. — Вырѣзана паховая желѣза по-

слѣ перевязки корня ея, которая была нарочитой величины, непокрывая кожей. — Вырѣзано стекло, имѣвшее видѣ шила, вошедшее у сочлененія колѣна въ сгибающія сухія жилы внутренней спороны его, находившееся внутри плѣа. — Опняшы двѣ спупени до плюсни, пораженныя совершеннымъ аншоновымъ огнемъ ошѣ ознобленія у челоуѣка, а у двухъ по одной. — Опняшы ноги (*amputatio ranniculata*) лоскушнымъ образомъ у чепырехъ челоуѣкѣ; у одного до половины берца совершенно омертвѣвшая ошѣ ранѣ съ кастоудою, продолжавшихся двадцать два года; у прочихъ также до половины берца, которыя поражены были въ сочлененіи спупени съ берцомъ и окружены опухолью, нарочитой величины, мокрощными сумочками, наполненными ошѣперелома костей въ ономъ, а одна изъ нихъ была поражена опкрышымъ ракомъ и не имѣла мягкихъ частей до половины берца. — Вырѣзана мѣшечная опухоль величиною въ кулакъ, имѣвшая положеніе свое на спицѣ спупени, заключавшая въ себѣ жирное вещество. — Опняшѣ лоскушнымъ образомъ большой ножной палецъ, пораженный аншоновымъ огнемъ ошѣ ознобленія. — Опкрышы два нарыва нарочитой величины. — Сдѣлано искусственныхъ ранокъ (*fonticul.*) на разныхъ частяхъ плѣа двенадцать. —

Операции, охотно принятыя и благополучно сдѣланныя г-мъ Донаторомъ и Операторомъ Е. О. Мухинымъ въ учрежденной имъ же Лѣчебницѣ для проходящихъ недужныхъ:

Вскрышѣ нарывѣ нарочитой величины, имѣвшій положеніе за лѣвымъ ухомъ. — Вы-

рвано изъ обѣихъ ноздрей въ два раза мокротныхъ мѣшечныхъ шесть полиповъ у одного, а у другаго изъ лѣваго уха шаковагожъ вещества одинъ. — Подрѣзанъ языкъ къ низу приросшій двумъ младенцамъ. — Вырвано девять зубовъ, костюкою пораженныхъ (caries) у разныхъ людей. — Вырванъ верхній передній зубъ, котораго корень прорѣзалъ верхнюю губу у семи-лѣтней дѣвочки. — Выядрена мѣшечная опухоль величиною въ грецкой орѣхъ, имѣвшая положеніе свое на лѣвой щекѣ. — Вправлена совершенно вывихнутая съ обѣихъ сторонъ на передъ нижняя челюсть у женщины. — Вскрыта мѣшечная опухоль значной величины, имѣвшая положеніе свое на передней и боковой сторонахъ шеи, и выпущено изъ оной жидкости темножелтаго свойства болѣе фунта. — Справлено переломленное лѣвое плечо у мужчины. — Вправлена вывихнутая нога въ сочлененіи съ берцомъ у мужчины. — Вынуты оцѣблявшіяся (exfoliatio) двѣ косточки изъ нижняго конца лѣваго бедра послѣ отнятія (amputatio) оной. — Выпущено чрезъ прободеніе воды зеленоватаго цвѣта чешыре фунта изъ мѣшечной опухоли чрезмѣрной величины, приросшей ко крестцовой кости у чешырехъ-лѣтней дѣвочки. — Срѣзанъ наростъ, имѣвшій свое положеніе на крайней плоти. — Вкладываемъ былъ мочеиспускатель два раза. — Вынутъ камень (urethrotomia), оспановившійся въ мочеиспускательномъ стволѣ величиною въ лѣсной орѣхъ. — Вскрыты два паховика (bubo) у двухъ человекъ.

*Г-мъ Штаблѣкаремъ Давыдовымъ въ
больницѣ :*

Выядрена (enucleatio) мѣшечная опухоль (atheroma), положеніе свое имѣвшая за ухомъ. —

Оспрѣзаны (amputatio) при ручные пальца, аншоновымъ огнемъ пораженные оспѣ ознобленія. — Сдѣлано прободеніе брюха (paracentesis abdominis) у двухъ человѣкъ. — Оспрѣзано (amputatio) десять ножныхъ пальцевъ, аншоновымъ огнемъ пораженныхъ. — Вскрыто на разныхъ мѣстахъ нарывовъ значной величины семь и одинъ мѣлочной, занимавшій лѣвой пахъ.

*Г - мѣ Шлаблѣкаремъ Крыловымъ въ
больницѣ :*

Вынуша рыба кость, оспановившаяся въ началѣ пищеваго канала у полугоднаго младенца, и шаковая же продвинуша въ желудокъ, оспановившаяся въ пищеваго канала. — Вырвано двадцать зубовъ, костью (caries) пораженныхъ. — Срѣзанъ наростъ величиною въ Руской лѣсной орѣхъ, имѣвшій свое положеніе на внутренней поверхности щеки. — Вырѣзанъ ракъ (cancer), имѣвшій свое положеніе у одного на верхней, а у другого на нижней губѣ рта, и сдѣлано у одного сошвеніе (futura clavata) оной. — Срѣзанъ наростъ величиною въ грецкой орѣхъ, имѣвшій свое положеніе на нижней челюсти между губами, коихъ два вырвано. — Подрѣзанъ языкъ къ низу приросшій, у двухъ младенцевъ. — Сдѣлана заволочка чрезъ мѣшечную опухоль, имѣвшую свое положеніе на передней сторонѣ шеи. — Справлена переломленная и раздробленная локопная кость, соединенная съ наружною ранюю. — Оспрѣзаны лоскушнымъ образомъ двѣ руки до пясти у одного человѣка, пораженные совершенною омертвѣlostію. — Оспрѣзано (amputatio) шесть пальцевъ ручныхъ послѣ ознобленія и пораженія аншоновымъ огнемъ у двухъ человѣкъ. — Срѣзанъ наростъ величи-

шою въ кулакѣ, открытымъ ракомъ пораженный, имѣвшій положеніе свое на правомъ боку груди. — Выпущено воды чрезъ прободеніе брюха (paracentesis abdominis) у двухъ человекъ, у одного въ два раза: въ первой двадцать семь, а во второй разъ семнадцать фунтовъ; у другаго въ одинъ разъ осьмнадцать фунтовъ. — Вкладываемъ былъ мочеиспускательный и пробовательный инструменсы (catheterismus) десять разъ разнымъ людямъ. — Сдѣланъ вдольной разрѣзъ крайней плоти шести человекамъ. — Опныша нога до половины берца, совершенною омершвѣлостію пораженная. — Отрѣзаны передніе концы предплосныя у двухъ человекъ, у одного лѣвой, а другаго правой ноги послѣ ознобленія (reptio), многолѣшними мозолистыми ранами пораженныя. — Вскрышо нарывовъ разной величины на разныхъ частяхъ шѣла десять. — Сдѣлано искусственныхъ ранокъ (fonticul.) шесть. — Вскрышъ нарывъ, имѣвшій положеніе свое на правой щекѣ нѣсколько ниже глаза. — Вырванъ зубъ, костою (caries) пораженный. — Сдѣлана искусственная ранка (fonticul.) на лѣвомъ плечѣ.

*Г - мѣ. Лѣкаремъ Михалевымъ въ
больницѣ :*

Вырванъ коренной зубъ нижній, костою пораженный. — Вскрышы нарывы (abscessus), имѣвшіе свое положеніе, одинъ на верхней части черепа, другой на передней части лба, шрешій на шеѣ, четвертый на берцовыхъ переднихъ мышцахъ, а пятый ниже уха. — Сдѣланъ вдольной разрѣзъ крайней плоти (preputium) у двухъ человекъ. — Вскрышо пять паховиковъ (bubo) у четырехъ человекъ.

У в ѣ д о м л е н і я.

Издатели получили при письмѣ отъ неизвѣстной Благотворительницы изъ Гадяцкаго повѣща 100 рублей. Деньги сіи отпращены 21 Января: въ *Ростовъ*, что на *Дону*, къ П. Н. Тешюпину для госпожи Генераль-Майорши Ф. Д. В. 50 р.; въ *Тамбовъ* къ М. А. Чулкову для бѣдной слѣпой Майорши 25 р., и сшолькожь въ *Бирючь* къ Священнику Г. И. Попову для сиротъ покойнаго діакона.

*

При письмѣ къ Издателямъ отъ А. С. изъ *Аренсбурга* присланныя въ пользу сиротъ 25 рублей, по желанію Благотворителя, отпращены будущъ 11 числа сего Февраля въ *Бирючь* къ тому же Священнику:

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Въ первой день новаго года Е. В. Императоръ и Король принималъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ поздравленія отъ Принцовъ, Принцессъ, первыхъ государственныхъ и придворныхъ Чиновниковъ и отъ находящихся въ Парижѣ чужеземныхъ Министровъ. — Король Вестфальской съ супругою своею отпращился обратно въ Кассель. Въ бытность свою въ Парижѣ онъ учредилъ новой кавалерской ордень *Вестфальской короны*. Король Виртембергскій равнымъ образомъ выѣхалъ въ свои владѣнія. Онъ получилъ въ подарокъ отъ Императора Наполеона

богатыя Гобеленскія обои и фарфоровую посуду Севрской фабрики. — Въ 1й день новаго года Императоръ Наполеонъ, также Король и Королева Баварскіе посѣтили Императрицу Юзефину. — Король и Королева Неаполитанскіе, какъ сказывающъ, скоро также уѣдутъ. На праздникъ, данномъ Ихъ Величествами, изъ иностранныхъ Министровъ одинъ только Россійскій Посолъ ужиналъ за однимъ столомъ съ Императоромъ и Королями. — Мирный трактатъ заключенъ между Франціею и Шведскимъ Королевствомъ 6 Января въ Парижѣ. Уполномоченные Шведскаго Короля, подписавшіе трактатъ, Графъ Ессенъ и Баронъ Лагербелькъ, будутъ представлены Императору до разнаго рашификацій; ибо Е. В., какъ сказывающъ, скоро отправится въ Испанію. Обозъ Маршала Дюрока уже пошелъ въ Барселону, и всѣмъ находящимся въ Парижѣ Генераламъ изъ Испанской арміи вѣрно явятся къ мѣстамъ своимъ.

Италіянское Королевство.

Всѣ королевскіе товары, опечатанные въ Триестѣ при вступленіи Французовъ, потому что оны принадлежали Англичанамъ, въ исходѣ минувшаго Ноября конфискованы и отправлены въ Венецію; по сей причинѣ жители Триеста должны выписывать для себя сахаръ, кофе и проч. изъ другихъ городовъ шорговыхъ. — Въ концѣ тогожъ мѣсяца Англичане бросили въ Триестѣ 200 ракетъ зажигательныхъ, и шѣмъ привели жителей въ страхъ, но вреда мало причинили. — Англичане съ превосходными силами заняли Кефалонию и Ишаку. Покушенія ихъ на Корфу были неудачны; островъ сей оборонялся съ чрезвычайною храбростію.

С а к с о н і я .

Король Саксонскій находишся въ Дрезденѣ, откуда увѣдомляющъ, что въ будущемъ Маршѣ Е. В. отправишся въ Варшаву. Извѣстно, что Король прибылъ въ Парижъ прежде всѣхъ Государей Рейнскаго союза, и что онъ часто наединѣ бесѣдовалъ съ Императоромъ; изъ шого выводяшъ заключенія о близкихъ весьма важныхъ событіяхъ. — Принцесса Амалия, старшая дочь Принца Максимилиана, брата Королевскаго, въ началѣ Января показалась при Дворѣ въ первой разѣ въ собраніи. Въ будущемъ Августѣ исполнишся ей 16 лѣтъ отъ рожденія.

А в с т р і я .

Для дополненія полковъ, изъ которыхъ многіе, какъ думашъ должно, прешерпбли великой уронъ, производилъся новой наборъ рекрутъ. Пѣхотные полки почти всѣ, а изъ конницы 3 уланскихъ, много пошеряли. — По 20 е число Ноября пробжали черезъ Вѣну изъ Венгріи 52 повозки съ деньгами, назначенными на уплату военной коншрибуціи. — Въ Офенѣ собранъ Государственнй сеймъ, коего дѣйствія начались съ 16 Декабря. Главный предметъ совѣщаній его состоишъ въ томъ, чтобы найти средспва, какимъ образомъ Венгрія, богатѣйшая область Австрійской Монархіи и менѣе другихъ отъ войны прешерпбвшая, можетъ поправитъ состояніе финансовъ и содѣйствовать возстановленію кредита. Императрица со всею Фамиліею все еще находишся въ Офенѣ; объ отбѣздѣ ея въ Вѣну ничего неслышно. Ерцгерцогъ Палапинъ съ главною кварширою Венгерскаго временнаго ополченія

прибыль въ Офенъ, куда опять опсправился изъ Вѣны и Е. В. Императоръ.

Ш в е ц і я.

Король Гусшавъ Адолфъ по восьмидневномъ плаваніи прибыль изъ Карлскроны въ Спралзундъ со всею своею фамиліею и свитою, соспоющею изъ 37 человекъ, въ числѣ коихъ находихся Генераль - Майоръ Скіольдебрандъ, Полковникъ Баронъ Опшеръ, два Лейшенанша, Докшоръ и Священникъ. Король пушешествуетъ подъ именемъ Графа Готшорпскаго. Въ началѣ новаго года онъ опсправихся въ Швейцарію, гдѣ куплена для него прекрасная деревня. — Декабря 25 го прибыль въ Шоктольмъ Россійскій Генераль фанъ - Сухшеленъ.

5 Февраля.

О Ш И Б К И

во 2 книжкѣ Вѣспника Есролы 1810 года.

Напечатано :

Читай :

стр. стр.

122	10 одержанъ	одержимъ
135	9 довольно имъ близкое	довольно близкое имъ
150	18 въ даръ физической своей кабинешъ	въ даръ кабинетшъ
153	2 и на разныя дѣла	и на другія дѣла.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 4. ФЕВРАЛЬ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

О состояніи Римской Имперіи при Антонинахъ.

*(Другой отрывокъ изъ Исторіи упадка
и разрушенія Римской Имперіи, соч.
Гиббона.)*

Въ республикахъ Афинской и Римской скромная простота домовъ частныхъ людей показывала равенство ихъ и свободу; но между шѣмъ величіе народа являлось шамъ въ пышныхъ зданіяхъ, сооруженныхъ для общеспвенной пользы. Богатства и монархическое правленіе не совсѣмъ испребили въ Римлянахъ духъ республиканской. Добродѣтельнѣйшіе Римскіе Монархи при сооруженіи зданій для чести и пользы націи истощали все великолѣпіе. Граждане съ крайнимъ негодованіемъ взирали на зла-

шыя чертоги Нероновы; но обширное пространство, занимаемое ими, попомъ обращено было на другія благороднѣйшія употребленія. Преемники Нерона на мѣстѣ пышныхъ его палатъ воздвигли удивленіе возбуждающія зданія — Колизей, Тицковы бани, Клавдіевъ портикъ, два храма — одинъ Богинѣ мира, другой Римскому Гелію. Сіи памятники высokaго зодчества, общественнои работы Римскаго народа, были украшены лучшими произведеніями Греческой живописи и рѣзбы. Во храмѣ мира для любопытства ученыхъ была открыта библіотека; въ близкомъ отъ него разстояніи предспавлялась Траянова площадь, окруженная возвышеннымъ, четверугольнымъ портикомъ съ четырьмя огромными воротами: споявшій среди площади столбъ изъ мрамора, величиною во сто десять футовъ, показывалъ возвышенность горы, на семъ мѣстѣ срыпой. Сей столбъ ни мало не утратилъ прежней красоты своей: на немъ еще и нынѣ видно изображеніе воинскихъ подвиговъ, совершенныхъ основателемъ его въ Дакии. Старой Римской воинъ чиналъ на немъ исторію своихъ походовъ; мирный гражданинъ, усенный народною гордостью, чиналъ на немъ его и свою славу. Сполица и вообще всѣ Римскія провинціи украшались общественными великолѣпными зданіями: повсюду видны были театры, аменштеатры.

храмы, портики, шріумфальныя ворота, бани и водопроводы: изъ сихъ зданій одни построены были для здоровья всѣхъ жителей; другія для богослуженія; иныя для удовольствій. Послѣднія достойны особеннаго вниманія. Польза отъ нихъ, опважность, съ какою построены, и прочность спавяящъ ихъ на ряду съ прекраснѣйшими памятниками ума и могущества Римлянъ. Водопроводы, сдѣланные въ Римской столицѣ, по всѣмъ отношеніямъ заслуживаютъ передъ другими высокое преимущество; но любопытный путешественникъ, разсматривающій водопроводы въ Сполетѣ, въ Мепцѣ и Сеговіи, не читавши Исторіи подумаешь, взирая на ихъ превосходство, что каждой изъ сихъ городовъ былъ некогда столицею великаго какого-либо Монарха. Азійскія и Африканскія пустыни усѣяны были цвѣтущими колоніями, копорыя народонаселеніемъ и самымъ бытіемъ своимъ обязаны единственно симъ искусственнымъ пропикамъ здоровой воды, всегда удовлетворяющей потребностямъ жизни.

По исчисленіи жителей Римской Имперіи и послѣ описанія великолѣпнаго зрѣлища публичныхъ зданій, наблюденія наши чинашелю покажутся еще совершеннѣе, когда исчислимъ города и представимъ ему гордое ихъ величіе. Съ удовольствіемъ, соб-

равѣ нѣкоторыя разбросанныя повѣствованія касательно сего предмета, здѣсь однакожь напомнимъ ему, что Римъ и Лавренцію, по щеславію ли націй, или по бѣдности языковъ, безъ разбора именовали городами.

Утверждающъ, что древняя Италія заключала въ себѣ тысячу сто девяносто семь городовъ. Въ опдаленнѣйшія времена какъ бы ни полагали великимъ въ ней народонаселеніе; не лзя однакожь думать, что бы при Ромулѣ было въ ней жителей больше, нежели при Антонинахъ. Могущество Римлянъ небольшія области Лаціума присоединило въ столицъ. Сіи страны, споль долго спенавшія подъ игомъ слабого и пиранническаго правленія жрецовъ и намбснниковъ, при всупленіи въ подданство Императоровъ ни мало не ушрашили своей силы. Прежде Римское оружіе нанесло имъ нѣкоторыя нещастія; но они были для нихъ сносны, и первое потрясеніе ихъ скоро совершенно вознаградилось быспрымъ приращеніемъ Цизалпинской Галліи. Блескъ Вероны еще и нынѣ видѣнъ въ развалинахъ ея; но Верона была не спольно славна, какъ города Авидея, Падуа, Миланъ или Ратенна.

Духъ Гражданской образованности просперся за Альпы и былъ ощушительнъ

даже въ непроходимыхъ лѣсахъ Британскихъ, безпрестанно истребляемыхъ для удобнѣйшаго населенія. Юркъ былъ главнымъ мѣстомъ правленія; Лондонъ уже славился богатою торговлею; Батъ извѣстенъ былъ по спасительнымъ дѣйствіямъ водъ цѣлебныхъ. Тысяча двѣсти городовъ составляли славу и украшеніе Галліи; но въ сѣверныхъ ея городахъ, не включая самаго Парижа, обитали одни дикіе и необразованные народы. Напротивъ того въ южныхъ провинціяхъ блистало все великолѣпіе и все изящество, какое только могло существовать въ Италіи. Марсель, Арль, Нимъ, Нарбона, Тулуза, Бордо, Ошунъ, Віенна, Ліонъ, Лангръ и Триръ были славные города: мы не сравниваемъ древняго ихъ состоянія съ нынѣшнимъ, пошому что они прежде процвѣтали несравненно болѣе. — Испанія, страна столь благословенная, когда еще была простою провинціею, пала съ высоты величія своего, содѣлавшись монархіею. Упошребленіе во зло собственнхъ силъ, суевѣріе и открытіе Америки совершенно распространило и испощило; не унизились ли ея гордость, если мы спросимъ ее о судьбѣ постигнутой пристра шестидесятъ городовъ, описанныхъ Плиніемъ въ царствованіе Веспасіанова ?

Отъ Карфагены въ Африкѣ зависѣло шрися городовъ. Не вѣроятно, чптобы число ихъ уменьшилось при Императорахъ, особливо когда самъ Карфагенъ при нихъ съ новымъ блескомъ возникла изъ подъ своего пепла. Сему городу, подобно какъ Коринѣу и Капуѣ, скоро возвращены были всѣ выгоды, приличныя тогдашнему его соспоянїю.

Въ восточныхъ провинціяхъ древнее великолѣпїе Римлянъ и нынѣшнее варварство Ошшомановъ предшавляющъ намъ самое разительное несходство. Тамъ на необитаемыхъ поляхъ теперь видишь повсюду однѣ гордыя развалины, на копорыя въ глубокое невѣжество упоающїй мусульманинъ взираетъ, какъ на чудеса, произведенныя сверхъ - естественною силою. Нынѣ сїи драгоценныя оспапки служатъ единымъ уѣжищемъ земледѣльцамъ и скипающимся Арабамъ. — При Цезаряхъ одна Азія, собственно пакъ называемая, заключала въ себѣ пять сотъ городовъ богатыхъ, населенныхъ и украшенныхъ всѣми дарами Природы и всѣми утонченностями искусственныхъ произведенїй: шамъ одиннадцать городовъ одинъ у другаго оспоривали славу посвятивъ храмъ Тиверїю; — Римской Сенатъ долженъ былъ рѣшить, кому изъ нихъ принадлежала сїя завидная почестъ. Предложенїе чешырехъ городовъ было оп-

6

вергнуто: Сенапъ полагалъ, что они не могутъ совершить столь великаго предпріяшя; въ числѣ ихъ была и Лаодивія, коея блескъ еще и нынѣ сїяетъ въ ея развалинахъ. Сей городъ получалъ значной доходъ свой отъ продажи овецъ, славившихся тонкою шерстью. За нѣсколько времени до спора, нами упомянутаго, одинъ гражданинъ оказалъ ему въ завѣщаніи чрезвычайную денежную сумму. Такова была бѣдность Лаодикіи! По ней можно судить, какъ были богаты прочіе города, получившіе преимущество предъ нею, особливо Пергамъ, Смирна и Ефесъ, сколько долго оспаривавшіе первенство у другихъ городовъ Азіійскихъ. Сирія и Египетъ спояли еще на высшей степени значности. Антіохія и Александрія взирали на множество другихъ зависящихъ городовъ окомъ презрѣнія, и почти не уступали въ величїи своемъ самому Римъ.

Всѣ изчисленные нами города между собою и съ столицею соединялись большими дорогами, которыя начинаясь отъ Римской площади, простирались чрезъ всю Италію, черезъ провинціи, и оканчивались уже на самыхъ послѣднихъ предѣлахъ сей неизмѣримой Монархіи. Если тщательно измѣримъ пространство отъ Антониновой стѣны до Рима, а отъ Рима до Іерусалима, то

найдемъ , что великая цѣпь сообщенія отъ Северо - Запада въ Юго - Востоку простиралась въ длину на четыре тысячи восемьдесятъ миль Римскихъ: по всѣмъ дорогамъ на извѣстномъ отдаленіи стояли ешолбы по прямой линіи отъ одного города до другаго. Въ проложеніи дорогъ не взирали ни на права собственности, ни на препоны, самую Натурою поставленные. Римляне для дорогъ срывали горы , и сооружали огромные мосты на рѣкахъ самыхъ быстрыхъ и широкихъ. Средина дороги, отлого возвышаясь надъ лежащимъ по сторонамъ ея полемъ , усыпана была въ нѣсколько слоевъ пескомъ , щебнемъ и извѣстью. Сверху устилали ее широкими камнями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по близости къ шолбѣ , границомъ.

Сии большія дороги проложенныя по всѣмъ владѣніямъ Римской Имперіи шакъ прочно были устроены, что швердоссти ихъ не могло разрушитъ и самое усиліе пятнадцати столѣтій. Жители отдаленнѣйшихъ провинцій посредствомъ ихъ имѣли удобныя сношенія. Главною виною учрежденія ихъ было облегченіе для солдатъ во время ихъ походовъ. — Римляне тогда нюлько почиали себя полными власпишелями какой-нибудь страны, когда воинство ихъ могло подойти къ ней ошовсюду, и

когда побѣдитель въ состоянїи былъ дѣлать
сповѣсть на нее во всѣхъ отношенїяхъ.

Императоры для скорѣйшаго полученїя
извѣстїй и для удобнѣйшаго разсыланїя
повелѣній учредили въ обширныхъ владѣ-
нїяхъ своихъ правильныя почты. Почто-
вые станціи, на которыхъ обыкновенно
содержалось по сороку лошадей, были рас-
предѣлены разстоянїемъ одна отъ другой
на пяти или шести миляхъ. Въ одинъ день
можно было пробѣжать около ста миль по
Римскимъ дорогамъ. Желаящїй ѣхать на
почтовыхъ лошадяхъ, долженъ былъ полу-
чить видѣ отъ Императора. Почты соб-
ственно учреждены были для государствен-
ныхъ надобностей; однакожъ иногда поз-
волялось ими пользоваться и частнымъ
людямъ.

У Римлянъ сообщенїе равно было сво-
бодно и равно открыто какъ по сухому пу-
ти, такъ и по морю. Средиземное море со
всѣхъ сторонъ было окружено ихъ провин-
ціями. Испалїя къ срединѣ сего великаго
озера выдавалась на подобїе мыса. На бере-
гахъ ея для кораблей не было ни одной
безопасной пристани, но человѣческая про-
мышленность вознаградила такой недоспа-
шокъ Природы. Искусственная гавань, вы-
рытая по повелѣнїю Императора Клавдія

при уснѣмъ Тибра, была однимъ изъ полезнѣйшихъ памятникѣвъ Римскаго величїя. Она отъ Рима отстояла только на шестнадцати миль. При благополучномъ встрѣченїи неа до столповъ Геркулесовыхъ можно было доплыть въ семь дней, а въ Александрію въ девять или десять.

Многіе философы и ораторы великое прославленїе Имперїи почитаютъ истиннымъ золѣмъ полищическимъ. Сколько ни справедлива сїя мысль ихъ; но огромное шло Римской Монархїи, не взирая на безпредѣльность ея, имѣло благодѣтельные послѣдствїя для челоуческаго рода. Свобода торговли и сообщенїя внесла въ нее съ собою пороки; но та же свобода распространила тамъ и выгоды общественной жизни. — Отдаленнѣйшіе вѣки древности представляють намъ земной шаръ въ различныхъ видахъ. На востокѣ искони царствовали искусство и роскошь; на западѣ обитали всегда невѣжественные и бранноносные варвары, презиравшїе земледѣліе, или совсѣмъ его не вѣдавшїе. Торговля подъ защитою швердаго и прочнаго Римскаго правленїя мало по малу распространила въ западныхъ Европейскихъ странахъ произведенїя щастливѣйшихъ климатовъ, и обитавшіе тамъ дикїе народы, наставленные примѣромъ образованнѣйшихъ націй и ободренные торгов-

лею своею, довели и сїи произведенїя и промышленность до высочайшей степени совершенства. Не возможно исчислить всѣхъ растѣній и всѣхъ живописныхъ, вывезенныхъ изъ Азіи и Египта въ Европу; но зная, сколько сей предметовъ полезенъ и сколько достоинъ важности Истории, мы по крайней мѣрѣ упомянемъ здѣсь о томъ, что составляетъ главную часть сего вывоза.

Почти всѣ цвѣты, травы и плоды, растущіе нынѣ въ нашихъ садахъ, вывезены изъ чужихъ краевъ. Сїю истину оправдываетъ самое ихъ наименованіе. Яблоко было натуральное произведеніе Италїи; но Римляне узнавъ прїятный вкусъ персиковъ, абрикосовъ, гранатъ, лимоновъ и помаранцовъ, всѣ сїи новые плоды назвали вообще яблоками, различая только одинъ ихъ родъ отъ другаго наименованіемъ той страны, откуда они вывезены.

Во времена Гомеровы, въ Сициліи и вѣроятно въ сѣверныхъ съ нею земляхъ, виноградъ произрасталъ самъ собою, безъ всякаго обработыванія. Тогда искусство не въ состояніи было еще довести его до нынѣшняго совершенства; жили сихъ невѣжественныхъ странъ не умѣли еще дѣлать изъ него прїятнаго напитка. Италїя не прежде какъ спустя тысячу лѣтъ по

смертн Гомера, могла хвалиться употребленіемъ болѣе двухъ шрешей винограда на дѣланіе лучшаго вина, котораго число сортовъ простиралось до осьмидесяти. Сіе драгоцѣнное произведеніе Природы скоро развели въ Нарбонской Галліи. Во времена Страбона по причинѣ суровыхъ холодовъ разведеніе его въ Севеннѣ почиталось дѣломъ невозможнымъ; но сіе препяшство скоро исчезло, и надобно думать, что воздѣлываніе плода сего въ Бургоніи современно вѣку Антониновъ.

На западѣ маслина почиталась символомъ мира. По прошествіи двухъ столѣтій отъ созданія Рима плодъ сей не былъ извѣстенъ ни въ Италіи, ни въ Африкѣ; но скоро послѣ развели его въ сихъ странахъ, и наконецъ размножили даже въ Галліи и Испаніи. Древніе полагали, что масличное дерево могло расти при извѣстной только степени теплоты и при томъ не подалеку отъ моря; но шрудолубіе и опыты шакую несправедливую ихъ мысль скоро опровергли.

Ленъ вывезенъ былъ въ Галлію изъ Египта, и обогатилъ ее; за то почва земли, отъ сѣянія на ней сего расцвѣтѣхъ, сдѣлалась бесплодною.

Въ Италїи и въ провинціяхъ искусственный дернъ спалъ наконецъ обыкновеннымъ расшнїемъ, а особливо луцерна, шрава; вывезенная изъ Мидїи и наименованная по нарѣчїю оной. — Жишели чрезъ загошовленїе въ большемъ количествѣ сего здороваго корму для скоша на зимнее время размножили свои спада, а спада уплодшворяли имъ землю. Къ симъ выгодамъ, получаемымъ обитателями Италїи и провинціи, можно еще опнесши рыбную ловлю и добыванїе рудъ золошыхъ и серебряныхъ. Такими шрудными работами занималось множество подданныхъ: богашые опъ нихъ получали забавы, а бѣдные посредствомъ ихъ доставали себѣ пропитанїе.

Колумелла въ прекрасномъ сочиненїи своемъ пишешъ, что при Тиверїи земледѣлїе въ Испанїи было доведено до высочайшаго совершенства. Въ Римѣ во время господствованїя надъ поработченными имъ шпранами рѣдко и почти уже никогда не былъ чувшвваемъ голодъ, споль часшо опущошавшїй республику въ младенчешвую щемъ ея сосшоянїи. Въ сїе время, при недоспашихъ въ сѣвсшныхъ припасахъ, избылїе щаспливѣйшаго сосѣда подавало всякой провинціи самую скорую и самую надежную помощь.

Земледѣліе есть основаніе мануфактуръ; ибо гдѣ нѣтъ натуральныхъ произведеній, тамъ искусство не въ состояніи ничего сдѣлать. У Римлянъ было безчисленное множество ремесленниковъ, которые безпрестанно занимались работою для богатыхъ людей. Любимцы форшуны въ платьѣ, въ сплахъ, въ домахъ своихъ и въ украшеніи ихъ соединяли всю удобность, все изящество и великолѣпіе. Ихъ окружала возможная блистательность, льстившая напыщенному ихъ щеславію и чувствственности. Такая упорченность, извѣстная намъ подъ ненавистнымъ именемъ роскоши, во все времена возбуждала на себя негодованіе моралистовъ. Люди, можешь сказать, были бы тогда добродѣтельнѣе и счастливѣе, когда бы все имѣли одно необходимое и ни одинъ не имѣлъ бы передъ другимъ ничего лишняго. Но въ шеперешнемъ несовершенномъ состояніи обществъ, кажешся, одна только роскошь вознаграждаетъ сіе зло, одна только роскошь, произведъ ли ее порокъ или глупость, уравниваетъ неравное раздѣленіе имуществъ. Трудолюбивый ремесленникъ и искусный художникъ не имѣютъ земли, не пользуются плодами ея: за то владѣльцы земель платятъ имъ за издѣлія ихъ произведеніями своими или деньгами. Такимъ образомъ тѣ и другіе, движимые взаимнымъ чувствомъ

выгоды, одни обрабатываютъ землю, доставляющую имъ удовольствія, — другіе совершенствуютъ свои произведенія, равнымъ образомъ вознаграждающія труды ихъ. Такое взаимное содѣйствованіе людей, оцущительно назидующее общее всѣхъ благо въ каждомъ гражданствѣ, въ Римской Имперіи распространилось съ величайшею повсемственной силою. Еслибъ промышленные подданные не имѣли способовъ посредствомъ издѣлій и распространенія роскоши возвращать себѣ нѣхъ денегъ, кошорыя давали на содержаніе войска и государственныхъ чиновниковъ: тогда опдаленнѣйшія провинціи пришли бы въ самое крайнее убожество. Доволь оборотъ денегъ и торговля находились внутри предѣловъ Римской Монархїи, до полъ полишическая машина дѣйствовала шамъ съ величайшею силою, и слѣдствія многа, всегда полезныя, никогда не могли быть опасны для Рима.

Но покушеніе заключить торговлю въ предѣлахъ государства есть покушеніе самое трудное. Опдаленнѣйшія страны древняго свѣта произведеніями своими должны были довольствоваться зашѣйливую пышность Рима. Изъ Сиескихъ лѣсовъ привозили драгоцѣннѣйшіе мѣха. Отъ береговъ Балтійскаго моря къ Дунаю сухопутно опшривляли янтарь, и варвары до чрезвы-

чайности удивлялись тому, что Римляне за произведеніе столь мало полезное давали имъ шавія великія деньги. Вавилонскіе ковры и всѣ восточныя рукодѣлія, какъ рѣдкость, покупаемы были весьма дорогою цѣною; но Римляне самую важную и самую богатую торговлю вели съ Арабами и Индійцами. Около лѣшняго равноденствія изъ Мюсъ - Гормса, Египетской гавани при Черномъ морѣ, ежегодно отправлялся флотъ, изъ себя двадцати кораблей состоявшій. При поспоянствѣ благопріятныхъ вѣтровъ они переплывали Океанъ въ сорокъ дней. Малабарскіе берега и островъ Цейлонъ были послѣднимъ предѣломъ сего мореплаванія. Сюда прѣвзжали купцы оподобненнѣйшихъ спранъ Азійскихъ, дожидаясь тамъ прибытія къ себѣ Римскихъ подданныхъ. Египетскій флотъ обыкновенно возвращался назадъ въ Сентябрь или Январь. Богатые товары его шли Чернаго моря до Нила перевозимы были на верблюдахъ; по Нилу отправляли ихъ до Александрійской гавани, а отсюда наконецъ безъ всякаго замедленія прямо въ Римскую столицу.

Восточные товары всѣ были блистательны, но мало полезны: они обыкновенно состояли изъ шелку, кошорый продавали въсомъ золота; изъ драгоценныхъ камней, между кошорыми по алмазъ преимущественно

спдавали жемчугу, и изв различнаго рода ароматв сожигаемыхв вв капищахв и при великолѣпныхв погребенїяхв. Труды и безпокойства Римскихв купцовв, отправалявшихся вв Цейлонв, были вознаграждаемы почти невѣроятною прибылью; но сїя прибыль не была общественная: ибо опв продажи такихв товаровв на щепв согражданв своихв обогащались только немногіе частные люди. Арабы и Индїйцы довольствовались произведенїями собственной земли, продавая Римлянамв свои товары, и ничего у нихв не покупали. За привозимыя вещи обыкновенно брали чистыя деньги. Сенатв по сему случаю вв сословіи своемв принесв жалобу, что государственныйя богатства, тратимыя на пустыя женскїя наряды, невозвратно переходящв вв руки чужеземныхв народовв. По Плинїеву исчисленїю видно, что тратя сїя ежегодно простиралась до весьма значительной суммы. Пускай исчисленїе сїе и справедливо; но справедливо и то, что смешу о тратимыхв деньгахв онв составлялв, бывв волнуемв движенїями безпокойнаго духа, погруженнаго вв задумчивость и безпрестанно мечшавшаго, будшо видящв пророческимв окомв грозящее Риму убожество. Сравнивв золотыя и серебряныя деньги, ходившія при Плинїи и Константинв, увидимв, что вв царствованїе сего Монарха сумма ихв про-

шивъ прежняго была несравненно большая. Никакія доказательства не увѣряютъ насъ, будто въ сіе время золото въ Римѣ было рѣже: — мы видимъ прошивное; тамъ серебро было тогда уже самымъ обыкновеннымъ металломъ. Такимъ образомъ, хотя Арабы и Индійцы вывозили къ себѣ великія суммы денегъ; однакожъ сіе ни мало не уменьшало числа ихъ: ибо добываніе рудъ всегда съ избыткомъ вознаграждало издержки, прашимыя на чужестранные товары.

Люди по сродной имъ слабости выхваляютъ прошедшее и жалуясь на настоящее. Но Римляне, равно какъ и жители провинцій ихъ, вопреки сему природному человѣческому чувству превозносили похвалами отъ добраго сердца настоящее благоденственнее и мирное свое состояніе. „Всѣ они согласны въ томъ, что истинныя начала гражданской жизни, законы, земледѣліе и науки сперва Аѳинскими мудрецами водворенные въ Греціи, теперъ распространены по всѣмъ владѣніямъ Рима, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ котораго самые грубые варвары управляются одними законами и говорятъ однимъ языкомъ. Всѣ они единодушно швердятъ сію истину, что побѣжденные народы, розарившись свѣтомъ наукъ, имъ обязаны

„благоденствіемъ своимъ и размноженіемъ.
 „Всѣ они превозносятъ величественную кра-
 „сопу градовъ и очаровательные виды по-
 „лей, украшенныхъ и обработанныхъ по-
 „добно нѣкому обширному саду; просла-
 „wiająть въ пѣсняхъ торжественные дни,
 „въ которые соимы столь различныхъ пле-
 „менъ среди блаженной пищи и мира к-
 „бываютъ другъ ко другу древнюю нена-
 „висть, и всѣ они болѣе уже не подверже-
 „ны никакой опасности.“ Такой орапор-
 „ской тонъ и такія пышныя выраженія мо-
 „гутъ привести чипишеля въ сомнѣніе; но
 не взирая на сіе, Плиніевы описанія совер-
 „шенно согласны съ историческою истиною.

Римлянамъ, жившимъ въ сіе время и
 наслаждавшимся столь великимъ благоден-
 „ствіемъ, почти сочѣмъ не возможно было
 вѣдѣть, что въ сердцахъ отечества ихъ
 гнѣздился сокровенный зародышъ совершен-
 „наго упадка его и разрушенія. Долговремен-
 „ный миръ и единообразное правленіе во
 „всѣ жизненные сосавы Монархїи разли-
 „чавъ тонкій, сокровенный и медленный.
 „Сердца Римлянъ изнѣжились и утратили
 „силу, съ копорою шворили чудеса воин-
 „ственнаго мужества: погасъ пламень гонїа;
 „исчезъ духъ воинскїй. Европейцы были
 „народъ мужественный и храбрый: Галлїя,
 „Испанїя, Брипанїя и Иллирїя доставляли

Риму для сославленія легионовъ лучшихъ солдатъ, которые были единственною опорою его и защипою: въ сихъ спранахъ всѣ жипели исполнены были мужества и неуспрашимости; но скоро и они перестали одушевляться шѣми благородными чувствованіями, какія внушаютъ народная гордость, любовь къ свободѣ, опасности и на-выкъ властвовать надъ другими. Сіи провинціи спали получають узаконенія и правилей по назначенію Государя: защипеніе ихъ ввѣряемо было наемнымъ полчищамъ. Пошомни непобѣдимыхъ вождей, сражавшихся за ошечество, ушрашили духъ предковъ своихъ: довольствовались только однимъ просшымъ званіемъ Римскихъ гражданъ и подданныхъ; честполюбивѣйшіе начали вступать въ придворную службу. Такимъ образомъ сіи провинціи оставленные, не имѣющія ни внушренной силы, ни единодушія, должны были наконецъ испытать всѣ пагубныя слѣдствія, сопровождающія усыпленіе и безпечную жизнь народовъ.

Науки въ государствахъ водворяющся тогда, когда народъ въ нихъ наслаждается счастьемъ и благоденственной шипиною. — Подданные Римской Монархіи ими занимались при Адріанѣ и при обоихъ Антони-нахъ, Государяхъ любопытныхъ и направленныхъ въ правилахъ мудрости; при нихъ

но всѣмъ владѣніямъ Имперіи было распро-
 странено народное просвѣщеніе. Въ сѣвер-
 ной Британіи извѣстна была Репорика ;
 на берегахъ Рейна и Дуная раздавались пѣ-
 снопѣнія и Гомера и Вирилія. Люди, упраж-
 нявшіеся въ Липшерашурѣ, при самыхъ сла-
 быхъ способностяхъ получали себѣ вели-
 чайшія награжденія. Медицина и Астроно-
 мія не были въ пренебреженіи. Но въ семъ
 сполнѣннѣи, кромѣ неподражаемаго Лукіана,
 не было ни одного такого великаго писате-
 ля, копорый бы могъ обратити на себя
 взоры позднаго потомства. Въ школахъ
 царствовали одни Платоны и Аристотели,
 одни Зеноны и Эпикуры: ихъ ученія, со слѣ-
 пымъ благоговѣніемъ ихъ послѣдователями
 преподаваемые изъ вѣка въ вѣкъ, совсѣмъ по-
 давили усилія геніевъ, могшихъ исправить
 заблужденія, или распространити сферу ума
 человѣческаго. Въ сіе время подражали кра-
 сонамъ древнихъ поетовъ и ораторовъ,
 но подражанія были холодныя и рабскія.
 вмѣсто того, чпобъ возжечь въ сердцахъ чи-
 стателя священный огонь, копорымъ сіи бо-
 жественные мужи пламенѣли, несчастливые
 ихъ подражатели ошсшували ошъ прево-
 сходныхъ своихъ образцовъ, и удалялись
 ошъ вкуса и благоприличія. Когда на гори-
 зонтѣ Европы снова появилась заря наукъ;
 тогда дѣятельное и сильное воображеніе,
 національное соревнованіе, новая Религія,

новые языки и новый свѣтъ, пробудили умы отъ глубокаго усыпленія. Но жилили провинцій Римской Имперіи, руководимые единообразнымъ иноплеменнымъ воспитаніемъ, уже не могли равновашь шѣмъ великимъ древнимъ мужамъ, которые на природномъ языкѣ своемъ изображая смѣлая мысли, достигали первыхъ степеней чести и славы. — Имя поэта было почти забыто; Сфисты испинное краснорѣчіе исказили; мѣсто мудрыхъ Философовъ засупили крикии, компилапоры и полковашели, темными и непонлшными бреднями своими омрачившіе ясный свѣтъ наукъ; за такимъ несчастнымъ паденіемъ геніевъ скоро воспослѣдовала и совершенная испорченность изящнаго вкуса.

За нѣсколько лѣтъ предъ эпохою сего времени при дворѣ Сирской Царицы явился нѣкій мужъ, который пробудясь силою генія и вознесшись превыше своего вѣка, воскресилъ собою умерщій духъ древнихъ Аѳинъ. Высокопарный Лонгинъ видя развращенность нравовъ, уничтожавшую благородныя чувствованія современниковъ, подавляющую ихъ шаманы и обезсиливавшую мужество сердецъ, въ горести души своей не могъ не оплакивать несчастной судьбы ихъ. — „Дѣши,“ говоритъ онъ въ разсужденіи своемъ, на „всегда оспающаея безсильными пигмеями,

„когда члены ихъ безжалостно повивали;
 „подобнымъ образомъ наши души никогда
 „не возвысятся, если онѣ окованы цѣпями
 „предразсудковъ и рабства; никогда не поз-
 „наютъ истиннаго величія, споль удиви-
 „тельного въ древнихъ народахъ, которые
 „съ равною свободою и писали и дѣйство-
 „вали.“

Въ Римской Монархїи всѣ люди, если
 спанемъ говорить сообразно смыслу упопре-
 бленной метафоры, со дня на день уменьша-
 лись. Когда гордые гиганты Сѣвера впог-
 щись въ нее, подавили шамъ искаженный
 родъ Римлянъ: тогда дѣйствительно она
 была населена одними пигмеями. Варвары
 возстановили духъ мужества и свободы,
 скоро попомъ опять униженный: прошекло
 десять вѣковъ, и возкресшая свобода снова
 воскресила и вкусъ и науки.

Г. II . . . снїй.

Р ъ ч ь (*).

И такъ надежда насъ не обманула; дружескія бесѣды наши болѣе и болѣе укрѣпляются.

(*) Говоренная въ обществѣ, которое собиралось въ домѣ К. К. А. В., почтенной, умной и любезной женщины. Въ сихъ бесѣдахъ время посвящено было пользѣ и удовольствію. Здѣсь не приносили жерщвъ ни бошону, ни лошо; не очерняли злорѣчїемъ добраго имени ближнихъ: занятія его были благородны. Дамы собирались съ своими рукодѣльями; почтенные старцы, прославившіеся на полѣ чести, или при Дворѣ Великой, рассказывашъ опышы прошедшаго и смягчашъ уроки свои шою прїятноштію, кошо-рая невольнo прїобрѣтаешся. въ кругу нѣжнаго пола; молодые люди образовашъ вкусъ, повѣршашъ мечшы своего уединенія и прїобрѣшашъ искусствo дѣлшшъ свои таланшы общепользными. Дарованія ума раскрывались легко и прїятно; разумокъ доходилъ до важнѣйшихъ истинъ по пушямъ, усѣяннымъ цвѣтами; сердце наслаждалось удовольствїями истинными, возвышенными. Пишашъ въ душѣ любовь къ Отчечеству, читали образцовыя шворенія и переводы отчечественныхъ нашихъ писателей; разбирали ихъ кришически; шворцовъ одного рода сравнивали между собою; переводы свѣршали съ подлинниками; и радовались, что многіе не опшщали отъ образцовъ своихъ, а нѣкоторыя даже превзошли ихъ; радовались всякому, самому малому, успѣху согражданъ. В.

Вамъ, Милоспивыя Государыни! обязаны мы заведеніемъ сихъ вечеровъ, которые споль пріятно провели мы, и которые проведемъ еще пріятнѣе, пошому что они будущъ — полезнѣе, занимательнѣе. Позвольте мнѣ при семъ случаѣ сазать нѣсколько словъ о влїяніи женщинъ на изящныя искусства, а изящныхъ искусствъ на благоденствіе общеспвенное. Для васъ, обѣ васъ буду говоришь я, и ожидаю вашего одобренія. Въ предметахъ изящности и вкуса мущины всегда усшупающъ вамъ первенство. Вы всегда были учисельницами вкуса, образцами добрыхъ нравовъ, красосы и добродѣтели.

Философу совѣтъ вашъ нуженъ,
 Чшобъ умъ людей плѣнишь, подобно какъ сердца
 Умѣете плѣнять. Любезность мудреца
 Должна быть истиннѣ приправой.
 Иначе скученъ намъ и самъ разумокъ здравой. —
 Любезность же сія есть вашъ безцѣнный даръ.

Ошъ чего, Вандамы и Готы, народы сильныя и богатыя, прешли, какъ пѣнь съ лица земли, оставя одни имена свои въ лѣтописяхъ, между пѣмъ какъ малочисленное племя, обивавшее въ уголкѣ, едва примѣшномъ на земномъ шарѣ, Греки, пережили вѣка и въ самомъ упадкѣ своемъ были учиселями Рима и Европы? Ошъ чего они были шакъ изобрѣшательны въ искусствахъ, мужеспвенны на войнѣ, за-

высловапы и вѣжливы въ обществѣ, умѣ-
 ля наслаждаться бытіемъ своимъ; какъ
 пчела собирать медъ съ цвѣтущаго луга
 жизни, и оставили намъ сполно великихъ
 памятниковъ любви къ Опечеству, мудро-
 сти, изящества? Ошъ того, что великіе
 люди Греціи учились въ школахъ умныхъ и
 нѣжныхъ женщинъ. Сократъ, любезнѣйшій,
 добродѣтельныйшій изъ философовъ, смо-
 тря каждой день на совершенство красо-
 ты, изваянной изъ мрамора, получилъ пер-
 вую идею о нравственномъ совершенствѣ.
 Въ Римѣ Горацій, Виргилій, Тибуллъ,
 Овидій и всѣ извѣстные стихотворцы лю-
 били и уважали женщинъ и образовались
 въ ихъ святилищѣ; безъ того Тибуллъ ни-
 когда бы не написалъ Элегій своихъ, а Вир-
 гилій четвертой книги Энеиды. Исторія
 передала потомству имена Сафы, Порціи,
 Горпанціи и другихъ вмѣстѣ съ именами
 Героевъ. Цицеронъ въ книгѣ о краснорѣчїи
 говоритъ, что знаменнѣйшіе Римскіе ора-
 торы собирались въ домахъ, отличныхъ по
 уму Римлянковъ, и въ ихъ обществѣ нахо-
 дили чистоту языка и вкуса, чего ни гдѣ
 можеть быть не нашли бы они. Въ Італїи
 Тассъ и Арїостъ извѣстны какъ обожате-
 ли женскаго пола. Бокасъ написалъ пох-
 вальное слово женщинамъ, а Пешрархъ за-
 служилъ безсмертіе — спрасною любовью

нѣ Лорѣ. Тогда былъ золошой вѣкѣ Испа-
лїинской словесности.

Отъ чего Французы вѣка Лудовика
XIV и Лудовика XV были шакѣ храбры,
шакѣ любезны? Отъ чего въ изящныхъ ху-
дожеспвахъ, въ самомъ образѣ ихъ жизни,
въ самой одеждѣ столько прїятности (elegantie)
и нѣжности (delicatesse)? Отъ
чего шакое знанїе челоувческаго сердца и
шакое искусство изображать самыя тон-
кїе отпѣвннн еспрасней въ ихъ стихопво-
ренїяхъ? — Отъ женщинѣ! отъ жен-
щинѣ, которыя самыя науки осыпали ро-
зами, и угрюмыхъ мудрецовѣ научили лю-
безности! Въ общеспвахъ Менпенонѣ, Се-
виньѣ, Дезульерѣ, Лафайештѣ, Неккерѣ и
Ласаблїерѣ, въ сихъ отборныхъ общесп-
вахъ, гдѣ блиспали Фоншенели и Волперы,
Моншескѣ и Боссюешы, Тюрени и Колбер-
шы, образовался и сдѣлался гибкимъ и обо-
ропливымъ языкѣ Французской, одинѣ изъ
самыхъ неполныхъ языковъ новой Европы.

Тавѣ, Милоспивыя Государыни! шоль-
ко въ общеспвахъ, въ бесѣдѣ славныхъ
любезностью и остроумїемъ женщинѣ, до-
ведено до высочайшей степени совершенства
сїе странное нарѣчїе, сїя смѣсь нѣсколь-
кихъ нарѣчїй; въ сихъ общеспвахъ учились
писать Расины, Мольеры и Делили; шамѣ
родились ихъ безсмершныя Поэмы, Коме-
дїи и Трагедїи. Сїи общеспва болѣе все-

го способствовали разпространенію изящныхъ искусствъ и далѣко раздвинули предѣлы просвѣщенія.

Однѣ только слабыя головы не видятъ пользы изящныхъ искусствъ; сднн только легкомысленные думаютъ, что Поэзія и Краснорѣчіе суть дѣтскія игрушки, не нужны для важнѣйшей цѣли человѣческой жизни, для познанія истины. Они не понимаютъ, что языкъ есть разумъ и вкусъ, превращенные въ знаки вещественные; они забыли, что цѣль сихъ искусствъ состоитъ въ томъ, чтобы подобно Природѣ всему вредному давать наружность свращательную; злодѣйство, пороки, всё прошивное благодѣланію, представлять въ шакомъ видѣ, чтобы мы чувствовали омерзене; а истиннѣ и добродѣтели давать прелестную наружность, которая бы волшебною силою своею умы и сердца наши покарала; а изящныя искусства дикаго звѣря превращаютъ въ чловѣка любезнаго по уму и по качествамъ сердца.

Посредствомъ милыхъ Грацій, Музъ,
Пріятность съ пользою заключила
На вѣки дружеской союзъ.

Но случается, что изящныя искусства отъ злоупотребленія дѣлаются вредными, они подобны райскому дереву добра и зла; —

въ рукахъ злодѣя превращаются они въ смертоносную оправу шѣмъ удобнѣе, что самому пороку можно дать наружность добродѣтели. Правительствѣ въ шакомъ случаѣ должно уподобляться садовнику, который, предохраняя нѣжныя разсѣвнѣя отъ бури и морозовъ, спарается воспрепятствовать, чтобы полынь не вилась вокругъ гвоздики и ландыша. Вольтеръ говоритъ: *Un fouhaite aux arts la protection des souverains; celle de la leauté n'est elle pas au dessus?* и это справедливо. Не всякой можетъ, или захочетъ искасть покровительствѣ Государей и вельможъ, но всякому прѣяшѣ похвалы умныхъ женщинъ въ его кругѣ знакомства; и какіе лавры, какія награжденія предпочтетъ онъ похваламъ своей любезной? — *Нѣтъ ничего невозможнаго для смертныхъ*, сказалъ Гораций; нѣтъ ничего невозможнаго для женщинъ, скажемъ мы: Француженки любили свою словесность, ободряли писателей, говорили по Французски — и Французы ошвыкая мало по малу отъ Латынскаго языка, образовали свой опечесшвенной. — Почти всѣ Англичанки знаютъ, но никогда не говорятъ по Французски. Не уже ли Руской языкъ хуже и Англинскаго и Французскаго? Не уже ли Россіянки меньше Француженокъ и Англичанокъ любящъ свое Опечество? Наши Бышописанія сохранили намъ знаменитыя

опышмы женскаго патриотизма. Женщина ввела въ Россію Христіянскую Вѣру. Женщина спасла намъ Петра Великаго и не допустила Россію погрузиться въ прежній нравъ невѣжества и безсилія. Женщина украсила, возвеличила, прославила Россію, дала законы Государству и права гражданамъ, ввела вкусъ и вѣжливость при Дворѣ своемъ, посприела Кеншаншинополъ и Спокгольмъ громомъ и бѣдоснаго своего оружія, покорила и Крымъ и Польшу. Женщина недавно занимала въ Академіи нашей первое мѣсто между учеными. Женщинамъ опчаспти обязана Россія освобожденіемъ стѣ Польскаго ига — имъ хопимъ бышь обяваны нашими успѣхами въ Словесности. Такъ, Милосшивыя Государыни! вы должны учить насъ языку и вкусу. Въ наши времена вамъ не нужно бышь мученицами за Вѣру; не нужно посприять воинствъ и сраженію съ непріятелями Ошечества, или и самимъ сражаться; не нужно посылать рыцарей и защищенію невинности отъ злыхъ волшебниковъ; въ наши времена народы соревнуютъ другъ другу въ успѣхахъ просвѣщенія; Государства хопятъ бышь славны открытіями и пережитъ вѣка въ произведеніяхъ изящныхъ художествъ.

Продолжайте, Милосшивыя Государыни! любите Словесность; ея слава неразлучна съ вашею славою, со славою Ошечества.

Руской языкѣ въ устахъ вашихъ, въ извѣ-
щеніи вашихъ чувствованій можетъ быть
по крайней мѣрѣ также нѣженъ и вырази-
зительнѣе, какъ Французской. Вы читали
Дмипріева, Карамзина, Державина, Богда-
новича; сего дня сравнивая басни Лафон-
тена съ баснями Дмипріева, вы ясно видѣ-
ли превосходство Рускаго языка передъ
Французскимъ. Великая Екатерина разсуж-
дая съ Сегюромъ о Французскомъ и Рускомъ
языкахъ, сказала: *ихъ не лзя сравни-
вать: одинъ изъ нихъ карла, другой
исполинь*. Сія Великая Жена любила и
знала обиліе, сладкогласіе и вырази-
тельность языка Славяно - Россійскаго; Она са-
ма хорошо писала на нѣмъ; основала Рос-
сійскую Академію; участвовала въ повре-
менномъ изданіи Собесѣдника Россійскаго
слова. Подъ Ея покровительствомъ учреж-
дены первыя общесства Словесности; послѣ
Нее при Академіи, при Московскомъ Уни-
верситетѣ, при Университетскомъ Благо-
родномъ Пансіонѣ, въ Петербургѣ и Мо-
сквѣ въ домахъ частныхъ любителей заве-
дены общесства, собранія, вечера чтенія
для разбора образцовыхъ нацихъ Писате-
лей и сравненія Рускихъ переводовъ съ ино-
спранными подлинниками; многихъ изъ
нихъ былъ и я членомъ, но ни въ одномъ
женщины не участвовали и не участвуютъ;
наши вечера чтенія служатъ первымъ опы-

шомъ. Тамъ образовались и умъ и вкусъ, но сдѣсь и шомъ и другой спановяшся нѣжнѣе, пишаешся сердце, самой умъ привыкаешъ въ скромности. Наши бесѣды могутъ бышь образцомъ для другихъ; и естльи они не произведутъ отличныхъ писателей, по крайней мѣрѣ мы можемъ гордиться тѣмъ, что подали другимъ прекрасной примѣрѣ для подражанія.

Рязань.

А. Воейковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С Т И Х И

Пекинское ристалище.

Б а с н ь.

(Посвященная нѣкоторымъ изъ почтенныхъ Членовъ Россійской Императорской Академіи, удостоившихъ меня лестнаго своего одобренія.)

Когда-шо въ Пекинѣ вельможны Старшины,
Въ часы народной шишины,
Желая по трудахъ вкусить отдохновенье,
Спеклась въ ристалище своихъ извѣдать силъ.
Не злато получишь тамъ побѣдитель мнилъ;
Но плески дланей въ награжденье;

И безкорыстныхъ сихъ награда
И сами мудрецы опнюдь не возгнушались.
Два меша въ поприщѣ Пекинцевъ назначались:

Одна для малыхъ чадъ,

Другая юношамъ и возмужалымъ.

Бѣгъ начался — и вдругъ жена явилась шамъ.

Хочу сказать въ Китаѣ небывалымъ,
Что жены шамошни сидящъ въ немъ по домамъ,
И къ бѣганью у нихъ всѣ запершы дороги;
Что съ дѣшества нѣжнаго, едва изыдутъ въ
свѣтъ,
Тѣсьмами крушатъ имъ и спягиваютъ ноги;
Безъ ногъ же въ поприщѣ спяжутся выгоды
нѣтъ;

Но щастью ихъ чрезъ то, казалось, нѣтъ
упрашы.

Другихъ забавъ, другой и пляшы

Онѣ въ награду ждаты должны своихъ шрудовъ.

Да и къ чему въ краю намъ царства

Искашь того, что внутрь находится домовъ?
Будь доброю женой, безъ прихостей, коварства;
По крѣпости души кажи всѣмъ крошкѣй взглядъ;

Пекись о благонравьи чадъ,

О нуждахъ подданныхъ и ихъ забавахъ;

Будь доброй дочерью, сестрой;

Блуди семейственный покой,

И славу обрешай въ своихъ незлобныхъ нравахъ:

Вотъ поприще обширное для насъ!

Однако въ Пекинѣ на эшони разъ

Въ ристалищѣ жена возмнила состязаться.

То видно праздная, иль сирая была,

Иль дома не найдя полезнѣй чѣмъ заняться,

За славою отъ скуки пришекла,

Иль мнила милаго увеселить шѣмъ взоры.

Не знаю въ истину для нужды она какихъ,

Но знаю, что, забывъ скудѣльность ногъ своихъ,

Съ мужами вздумала войши въ неравны споры.

Знакъ къ бѣгу данъ врубой.
Коснѣя прѣпешной шплой,
Вѣжнѣ сподвижница, шатаясь съ каждымъ
шагомъ,
И смѣл не ощуша, считая благомъ,
Что мѣшны дѣтскія доспига не упавъ,
Ждетъ хохота — презора,
Угрюмага отъ шарцевъ взора
И буйныхъ юношей забавъ;
Ждетъ — и съ стыда главу на перси прекло-
няешъ. . . .
Но чтожь? . . . Все сомнище во длани ей
плескаешъ!

*

Миръ судитъ въ насъ дѣла и подвигъ лишь
единой;
Знамокъ ихъ мѣряешъ со способомъ и съ силой,
А. Б. . . . на.

~~~~~
Веселый часъ.

(Посвящено друзьямъ.)

Вы ль, други, вы ль, опять со мною
Подъ нѣвною шополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ
Съ любовью, съ дружбой на устахъ?
Други! сядьше и внемлите
Музы опытной совѣтъ:
Коль щастливо живъте хотите
Средь весеннихъ вашихъ лѣтъ,
Ошгоните приракъ славы,
Для веселья и забавы
Сѣйте розы на пуши;
Скажемъ юности: лепи!

Жизнью дай лишь насладиться,
Чашу радостей допить;
Ахъ! не долго веселиться,
И не вѣки вѣ щастьи житье . . .

Но вы, о други! вы со мною,
Подъ шѣвню пополей густою,
Съ златыми чашами вѣ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ! . . .

Спанемъ, други, наслаждашься,
Спанемъ розами вѣнчаешья,
Пить изъ чаши золотой
Съ Нимфой рѣзвой и молодой.
Ахъ! обнимемъ руками,
Съединимъ уста съ устами,
Душу мы съ душой сольемъ,
На устахъ ее . . . умремъ! —

Вы ль, други, вы ль опять со мною
Подъ шѣвню пополей густою,
Съ златыми чашами вѣ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ? . . .

Я любовью упоенной,
Васъ забылъ, мои друзья!
Какъ сквозь облакъ вижу шемной
Чаши золотой края. . . .

Лиза розою пылаешь,
Грудь любовью полна,
Улыбаясь, наливаетъ,
Чашу свѣтлаго вина! . . .
Мы поможемъ горе наше,
Други, вѣ этой полной чашѣ,
Выпьемъ разомъ и до дна
Море свѣтлаго вина! . . .

Друзья! ужъ мѣсяцъ надъ рѣкою;
Почили рожи сладкимъ сномъ;
Но намъ ли здѣсь искать покою
Съ любовью, съ дружбой и виномъ?

О радость! радость! Вакхъ веселой
Густое намъ вино лѣпѣ;
А шумъ въ одеждѣ легкой, бѣлой,
Эрапо ѣжная поетъ:
„Часы крылаты, не лепите,
„И счастье мигомъ хоть продлите!“ —
Но ѣшь! бѣгущъ счастливы дни,
Бѣгущъ, лепящъ сирѣлой они:
Ни лѣнь, ни счастьемъ наслажденье
Не могутъ ихъ сдержашъ спременье,
И время сильною рукой
Тубишь и радость и покой.
Луга веселые, зелены,
Ручьи кристальные и садъ,
Гдѣ мшисты дубы, древни клѣны
Сплещаютъ вѣчному шѣнь прохлады,
Ужель васъ зрѣшь не буду болѣ?
Уже ли шамъ на рашномъ полѣ
Судилъ мнѣ рокъ сномъ вѣчнымъ спать?
Свирѣль и чаша золотая
Во прахъ будущъ исплѣвать,
Покроешь ихъ права густая,
Покроешь — и ни чьей слезой
Забвенной прахъ не окропишься . . .
Но должно ль мнѣ о пемъ крушиться?
Умру и все умрешъ со мной.
Но вы еще, друзья! со мною
Подъ шѣнью шополей густою,
Съ златыми чашами въ рукахъ,
Съ любовью, съ дружбой на устахъ! —

Констан. Бал.

Мечта.

О сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой,
Сойди ко мнѣ съ небесъ въ шуманныхъ обла-
кахъ,

Иль въ миломъ образѣ супруги боязливой,
Съ слезой блестящею во пламенныхъ очахъ!

Ты въ душу нѣжную Поэша,
Лучемъ проникнувъ свѣша,

Горишь, какъ огонь зари, и красишь пѣснь его,
Любимца чистыхъ сесирѣ, любимца своего,

И гореснь сладостна бываетъ,
Онъ въ горести — мечтаетъ.

То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,

Гдѣ вѣтрѣ шумишь, ревешь гроза,

Гдѣ пѣнь Оскарова, одѣтая шуманомъ,

По небу шелешся надъ пѣннымъ Океаномъ;

То съ чашей радости въ рукахъ

Онъ съ Бардами поешъ, и мѣсяцъ въ облакахъ

И Кромлы шумный лѣсъ безмолвно имъ вни-
маешь,

И Эхо по холмамъ пѣснь звучну повторяешь.

О сладостна мечта! ты красишь зимній день,

Цѣфшы въ снѣгахъ рождаешь,

Зефирамъ крылья разправляешь,

И шелешъ въ льдинахъ миршовъ пѣнь.

Богиня ты, мечта! дары свои безцѣнны

Невольникамъ въ слезахъ.

Цѣпями руки ошягченны,

Замки чугуны на дверяхъ

Украшены побой; и часто заключенный

Оковы промѣнялъ . . . на цѣпь веселыхъ розъ.

Любовникъ! день и ночь ты льешь источникъ
слѣзъ,

Безъ друга жизнь влачишь унылу?

Спундай же на ея безмолвную могилу,

Здумайся, вздохни — и другъ души швоей,
Одъшый ривою прозрачной какъ шуманомъ,
Съ прелестнымъ взоромъ, съ стройнымъ сна-
номъ,

Какъ Нимфа легкая полей,
Прижмется съ препетомъ сердечнымъ,
Прижмется ко груди плающей швоей.
Скрытъ мы щасливы мечпаньемъ скоро-
печнымъ!

Мечпаніе душа Поэтовъ и стиховъ,
И бѣкосшь сильная вѣковъ
Не можетъ прелестней сокрышь Анакреона;
Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечшахъ
Любовницы Фаона.

А шы! лежащій на цвѣтахъ
Въ забвеннѣ сладостномъ межъ Нимфъ и нѣж-
ныхъ Грацій,

И вецъ веселія, Гораций,
Ты съ лирою въ рукахъ мечшалъ,
Мечшалъ среди пиршесствъ и шумныхъ и весе-
лыхъ,

И смерть угрючую . . . цвѣтами увѣнчалъ.
Въ нагихъ ли истинахъ, отъ вѣка устарѣлыхъ,
Угрюмыхъ Стоиковъ, сердитыхъ мудрецовъ
Найдемъ мы жизни нашей сладость?

Отъ нихъ, я вижу, радость
Лещитъ, какъ бабочка отъ шерновыхъ кусцовъ.
Для нихъ нѣтъ прелести и въ красотахъ При-
роды,

Имъ дѣвы не поютъ, слѣпшяся въ хороводы,
Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
Весна безъ радости, и лѣто безъ цвѣшовъ.
Увы, но съ юностью исчезнутъ и мечпанья!

Исчезнутъ Грацій лобызанья,
Какъ свѣшлыя лучи на темныхъ облакахъ,
Веселія на крилахъ

Дни юности спремляся :
Не долго на цвѣсахъ
Любовью упиваешься ;
Мечшы крылатыхъ сновъ
Не сыплюшь шамъ своихъ цвѣшовъ ,
Гдѣ юность увядаешъ ,
Гдѣ шускый опытность свѣшмльникъ зажигаешъ .

Щаспливая мечта , живи еще со мной ,
Ни свѣшъ , ни славы блескъ пусшой
Даровъ своихъ мнѣ не замѣняшъ !
Глушцы пусшь дорого суешъ блистанье цвѣняшъ ,
Лобзая прахъ златой у мраморныхъ крылецъ ;
Но щаспливъ шѣмъ пѣвецъ ,
Когда снискалъ себѣ онъ вольность и спокой-
ство ,

А онъ суешъ ушелъ забвенія пропой .
Души Поэшовъ свойство

Блаженство находишь въ убоженствѣ . . . . меч-
шой ;

Ихъ сердцу малость драгоцѣнна :
Какъ пчелка , медомъ омягченна ,
Лешаешъ съ правки на цвѣшокъ ,
Счишая моремъ — ручеекъ ,
Такъ хижику свою Поэшъ дворцомъ считаешъ ,
И щаспливъ . . . онъ мечтаетъ .

Констан. Балъ,

Э л и г р а м м ы.

Безвременна совѣтъ :

Безъ жалости все сжечь мое стихотворенье !
Быть шакъ! егожь, друзья, невинное шворенье
Своею смершю умрешъ !

К.

К ъ М а ш ъ.

О ! радуйся, мой другъ, прекрасная Марія !
Ты прелестей полна, любви и ума,
Съ шобою Граціи, ты Грація сама,
Пусть Парки ввѣвъ прядушъ тебѣ часы злашья,
Амуръ тебя благословилъ !
А я — какъ Ангелъ говорилъ,

К.

Сонъ Могольца.

(Б а с н ь ,)

Могольцу снилися жилища Еясейски ;
Визирь блаженный вѣ нихъ
За добрыя дѣла жишейски
Цилъ радость вѣчную, удѣлъ боговъ самихъ,
И спалъ на лонѣ Гурій,
Но сонный видишь адъ,
Гдѣ пламенемъ объяшъ,
Терзаемый бичами Фурій,
Пусшычникъ испускалъ ужасный вопль и спонъ,
Моголецъ вѣ ужасѣ проснулся ;
Не вѣдая, что значить сонъ,
Онъ думалъ, что пророкъ вѣ сихъ мершвыхъ
обманулся ,

Иль тайну для него скрывалъ.

Тотчасъ гадателя призвалъ ,

И шотъ ему въ отвѣтъ: я не дивлюсь ни мало,
Что въ снахъ есть разумъ , цѣль и складъ :
Намъ небо и въ мечтахъ премудрость завѣдало .
Не рѣдко сей Визирь , оставя дворъ и градъ ,
Искалъ уединенья ;
Пустынникъ на поклонъ пашкался къ Визирямъ.

Съ гадателемъ сказавъ , что значить сновидѣнье ,
Внушилъ бы я любовь къ деревнѣ и полямъ .
Чертогъ невинности ! въ шествіи успокоенье
И всѣ дары небесъ дающа щедро намъ .

Уединеніе , источникъ благъ и счастья ,
Мѣста любимыя , уже ли никогда
Не скроюсь въ вашу сѣнь отъ бури и ненастья?
Блаженству моему наснанствъ ли чреда ?
Ахъ ! кто остановишь меня подъ мрачной тѣнью ?
Когда перенесусь въ священные лѣса ?
О Музы , сельскихъ дней утѣха и краса !
Научишь ли меня небесныхъ тѣлъ печеню ?
Свѣтилъ блуждающихъ несчетны имена
Узнаю ли отъ васъ ? — Иль , если мнѣ дана
Охота малая и мало дарованье ,
Пускай плѣнишь меня источника журчанье ,
Или лужокъ въ цвѣтахъ , копорый воспою .
Пусть Парка непрядетъ изъ злата жизнь мою ,
И я не буду спать подъ дорогимъ намешомъ ;
Уже ли черезъ то я потеряю сонъ ?
И меньше ль по шрудахъ мнѣ будетъ сладокъ онъ ?
Зимой близъ огонька , въ тѣни древесной лѣномъ .
Безъ страха двери самъ я смерти отшпру ,
Безпечно вѣкъ проживъ , спокойно и умру .

К. В . . . въ .

П у т е ш е с т в е н н и к ъ .

Дней моихъ еще весною
Я покинулъ отчій домъ ;
Въ немъ покинулъ за собою
Дѣшскихъ радостей содомъ.

*

Въ ризѣ спранника убогой ,
Съ шихой въ сердцѣ проснопшой ,
Я пошелъ путемъ - дорогой —
Вѣра былъ вожаший мой.

*

Ахъ ! въ надеждѣ , въ увѣреньѣ ,
Пушь казался недалѣкъ .
Странникъ — слышалось — терпѣнье !
Прямо , прямо на востокъ !

*

Ты увидишь храмъ чудесной !
Ты въ святилище войдешь !
Тамъ въ нетлѣнности небесной
Все земное обретешь !

*

Упру вечеромъ смѣнялось ,
Вечеръ упру уступалъ ;
Ахъ ! искомое скрывалось !
Я искалъ — не обрешалъ !

*

Тамъ встрѣчались водѣ пучины ,
Тамъ высокихъ горъ хребты —
Я взбирался на спремнины ,
Чрезъ попоки слалъ мосты .

*

Вдругъ рѣка передо мною!
Водѣ склоненье на воспокѣ!
Вижу зыблемь и спруєю
Подѣб берега челнокѣ.

*

Я въ надеждѣ, я въ смятеньи
Предаю себя волнамѣ —
Щастье вижу въ ошдаленъи!
Все, что мило, мнишся, шамѣ!

*

Ахѣ! въ безвѣстномѣ океанѣ
Очушлся мой челнокѣ!
Даль по прежнему въ шуманѣ!
Брегѣ невидимѣ и далѣкѣ!

*

И вобѣки надо мною
Не сольешся, какѣ поднесѣ,
И б, свѣшное съ землєю!
Тамѣ не будешѣ вѣчно *здѣсь!*

Ж,

II. НАУКИ И ИСКУССТВА.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

О Методѣ Песталоцціа. (*)

Метода ученія, изобрѣшенная Песталоцціемъ, есть плодъ долговременнаго шруда и многихъ опытовъ: Песталоцци упошребилъ лучшее время жизни, и всѣ умспвенныя силы свои, и все свое имущество на то, чпобы сдѣлаться учителемъ и усовершеншвовать образъ наспавленія въ училищахъ народныхъ. Имѣя передъ глазами эту важную цѣль, онъ работалъ съ терпѣніемъ и неушомимостію, кошорыя шѣмъ болѣе заслуживаютъ удивленіе, чшо онъ шрудился для народа неблагодарнаго. Не лзя не ожидать великой пользы отъ шѣхъ перемѣнъ, кошорыя сдѣланы имъ въ методѣ ученія: Песталоцци есть человекъ богатый свѣдені-

---

(*) Опырокъ изъ Торлицева пушешествія въ Швейцарію (въ 1803). Эшому ученому человеку было поручено отъ Датскаго правительствна осмотрѣть Песталоцціеву школу въ Бургдорфѣ, для заведенія такой же въ Даніи.

ями, одаренный необыкновенною силою ума и пламенно привязанный къ своей наукѣ.

Не лзя описывать методы его подробно: учебныя книги, сочиненныя Песталоцціемъ, содержатъ въ себѣ все нужныя свѣденія и наставленія. Книги сіи съ принадлежащими къ нимъ таблицами должны бытъ не въ рукахъ ученика, но въ рукахъ самаго учителя, для которыхъ служатъ онѣ руководствующею нитью. Онѣ непременно должны, не уклоняясь ни въ одну сторону, идти по тому пути, который проложенъ для него Песталоцціемъ; въ сихъ книгахъ каждое слово свѣшено съ такою точностію, каждое предложеніе такъ точно соединено съ предыдущимъ и послѣдующимъ, и такъ естественнo одно за другимъ слѣдуетъ, что, при малѣйшемъ ошступленіи, весь порядокъ разрушенъ и гармонія цѣлаго разстроена. — Учитель никогда не долженъ исправлять, и не дѣлать свои дополненія, или, для показанія собщвенныхъ талантовъ въ благопріятнѣйшемъ свѣтѣ, выбирать въ нѣкоторыхъ случаяхъ особенный путь: иначе онѣ подвергается опасности испорчить всю методику и удалиться отъ Песталоцціевыхъ правилъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что учишь по методѣ Песталоцція можешь и такой чело-

вѣкъ, который не одаренъ отъ Природы талантами необыкновенными: стоишь только взять учебную книгу и таблицу въ руки и слѣдовать имъ съ рабскою почтоспью — это почитаю великою выгодною какъ для домашняго, такъ и для публичнаго воспитанія, и Песталоцціевы учебныя книги по своей ясности и точности имѣютъ неоспоримое преимущество передъ всѣми другими, которые въ рукахъ незнающаго учителя, вмѣсто пользы, могутъ сдѣлать великой вредъ воспитаннику.

По плану Песталоцція, Метода его ограничивается однимъ первоначальнымъ ученіемъ: онъ только приготовляетъ воспитанника своего къ образованію, а не образуетъ его; онъ не имѣетъ въ предметѣ никакой особенной науки, а только даетъ способность пріобрѣтать съ большею легкостію и точностію всѣ познанія. Съ начала это можешь показаться маловажнымъ; но это, напротивъ, есть самое важное въ воспитаніи. Кто исправляетъ, или исправлять долженъ учителя, тому конечно извѣстно, какъ трудно занимать ребенка пріятнымъ образомъ и съ пользою, и какъ мало выигрыша бываетъ отъ шѣхъ трудовъ, которые мы спрашиваемъ на первые уроки. Песталоцціева метода, по моему мнѣнію, представляетъ гораздо менѣе затрудненія и гораздо

болѣе выгодѣ; Песталоццій занимаешъ вниманіе учениковъ своихъ такими только предметами, которые не выходятъ изъ круга ихъ понятій и сообщившисвуяиъ ихъ потребностиамъ или выгодамъ. Въ училищѣ его вы никогда не слышите высокопарнаго предложенія лекціи, или вопросовъ затруднительныхъ : учитель не дѣлаешъ ни доказательства, ни извясненій; ученикъ не принужденъ ни разсуждать, ни угадывать. Песталоццій имѣешъ основательную недовѣрчивость къ тому, что только ближнему по наружности въ ребенкѣ; онъ предсавляешъ его вниманію такіе только предметы, которые могутъ быть для него совершенно оцущипельны, и съ которыми сопряжено полное и легкое для разсудка его убѣжденіе. Его ученіе и основательно, и понятно, и необманчиво, и точно : всѣ прошиворѣчія со стороны ученика предупреждены, всѣ недоразумѣнія сдѣланы невозможными, всѣ ошибки предсавлены оцущипельными.

Части Песталоцціева ученія по своей связи и порядку сосавляютъ одно нераздѣлимое цѣлое. Песталоццій не позволяешъ себѣ дѣлать ни одного скачка; онъ переходитъ постепенно, безъ всякаго перерыва, отъ легкаго къ трудному, и такъ что слѣдующее всегда пригешовляемо предыдущимъ, и безъ

шруда изъ него извлекаешся. Песталоцци имѣеть правило (котораго держишся безъ всякаго исключенія) не оспавяшь ничего недоумланныхъ , а напрошивъ все , что можеть бышь или выучено , или исполнено , доводишь до крайней степени совершенства. Къ такой цѣли не лзя достигашь безъ частаго повпоренія одного и того же дѣйствія : сіе-то многократное повпореніе пришой неразрывности частей , которыя соспавляють систему Песталоцціевой меподы , можеть бышь заспавило думашь , что образъ наспавленія , предписанный имъ въ его учебныхъ книгахъ , и скученъ , и ушомишеленъ , и механическій , и шяжелый. На эшо сдѣлаю слѣдующія замѣчанія :

1) Все то , что кажеться и ушомишельнымъ и скучнымъ въ учебныхъ книгахъ Песталоцціа , изчезаетъ на самомъ опытѣ : я не осмѣлился бы эшаго утверждать съ такою рѣшимельностію , когда бы самъ не занимался въ Бургдорфѣ нѣскольکو времени преподаваніемъ уроковъ , и не былъ ублжденъ собственнымъ опытомъ. Я видѣлъ самъ , что Песталоцціевымъ воспитанникамъ шавъ же весело было работашь , какъ и играть , и многіе изъ нихъ сидѣли за ученьемъ въ то время , когда другіе пользовались часами пріяшнаго отдыха. Въ другихъ школахъ эшо бываетъ весьма рѣдко ;

но здѣсь сія рѣдкость объясняется самою методою, которая принаровлена ко всякому понятию, шупое оспришѣ, а оспрое совершенствувешѣ, и канѣ для того, шакѣ и для другаго имѣешѣ въ запасѣ множествво задачъ, соотвѣпшсшвующихѣ и силѣ ихѣ и спешени развишїя.

2) Всякое ученїе должно бышѣ основано на какомъ-нибудь планѣ. Планѣ Пешпалощїя ешѣ самый вѣрный, почему и надлежшѣ почшпашѣ его самымъ лучшимъ. Я основываю это мшѣнїе на шѣхѣ выгодахѣ, кошорыя доставляешѣ намѣ шшхїй, спешейный и шзмѣренный съ великою шочностїю ходѣ Пешпалощїя: въ формѣ ученїя не заключается еше и духѣ ученїя; Пешпалощїево ученїе, не смощря на мнимую безобразность формы, превосходшѣ м дѣйствшпельностїю и силою все то, чшо написано и въ спшхахѣ и въ прозѣ для дѣшей, и чѣмѣ обыкновенно безѣ всякой мользы опягощающѣ ихѣ вниманїе.

Въ школахѣ находшмѣ обыкновенно многшхѣ учениковѣ при одномѣ учшпелѣ: до сихѣ порѣ не было еше для нихѣ шзобрѣшено никакой общей методики преподаванїя, и каждый учшпелѣ пользовался собшѣенною. Не стараясь пршспрашно дать Пешпалощїевою методѣ пршмущесшво передѣ всѣми другими.

ми, замѣчу здѣсь только то, что Песпалощи сдѣлалъ возможнымъ *одному* учипелю учипшь *многихъ* учениковъ: въ этомъ случаѣ важнѣйшій способъ его есть чшеніе всѣхъ въ одно время и въ шакшѣ. Думали, что это можетъ быть вреднымъ для груди ученика, и прѣучипъ его въ послѣдствіи къ непріятному произношенію — неудобства кошорыя, по моему мнѣнію, могутъ быть предупреждены, естли дѣши будущѣ не кричашъ и не пѣшъ, а произносишь просто и только немного пропаяннымъ голосомъ. Впрочемъ я замѣшилъ, что дѣши, чипая вмѣстѣ, въ одинъ голосъ и въ шакшѣ, приимающѣ *всѣ* учаспи въ общемъ упражненіи; ни одно изъ нихъ не можетъ ошпашъ въ бездѣйствіи, не будучи замѣченнымъ, и уйши впередъ, или ошпашъ ошъ другихъ, не разспроивъ шакша. Естлижъ учипель замѣшипъ, что кошорое - нибудь или не занимается шѣмъ, что повпоряетъ за другими, или не входитъ въ его смыслъ, то онъ, выслушивая его особенно, всегда можетъ дать себѣ ошчепъ и въ знаніи его и внимательности.

Чтобъ лучше предспавипъ вамъ все дѣйствіе описанной мною меподы, я долженъ перенестись воображеніемъ въ Бургдорфъ, и окружипъ себя воспитанниками Песпалощи. Во всѣхъ, почти безъ исключенія,

Сколь они впрочемъ ни различны лѣтами и дарованіями, нашелъ я быструю замѣчательность и способность выражать на словахъ съ великою ясностію все замѣченное; всѣ имѣютъ вѣрную руку и тонкое зрѣніе, съ помощію копорохъ могутъ, безъ всякаго инструмента, чертить фигуры и рисовать картины; описываемыя имъ другими, или представляющіяся ихъ воображенію; прибавше къ тому рѣдкое чувство пропорцій и наконецъ удивительную быстроту въ разрѣшеніи самыхъ трудныхъ задачъ Математики. Замѣчу здѣсь, что сія послѣдняя способность казалась мнѣ нѣсколько времени механическою; но скоро увѣрился я на собственномъ опытѣ, что всѣ сіи вычеты необходимо имѣютъ въ основаніи своемъ главные правила размышленія. Далѣе: всѣхъ Песталоцціевыхъ воспитанниковъ нашелъ я одушевленными дѣтскою веселостію; они имѣли довѣренность и уваженіе къ самимъ себѣ, мужество и рѣшимость при начинаніи дѣла и постоянство, необходимое для приведенія его къ концу; всѣ были соединены взаимнымъ доброжелательствомъ; всѣ имѣли почтительную довѣренность къ своимъ наставникамъ; всѣ умѣли чувствовать прекрасное и доброе, замѣчать истинное, знать цѣну и достоинство справедливаго; и признаюсь, что я

ничего подобнаго не находилъ ни въ одномъ народномъ училищѣ, мнѣ извѣстномъ.

Таковы преимущества Песталоцціевой мѣтоды; но должно ее испытать, чѣмъ получить совершенное и прямо выгодное о ней понятіе. Скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Песталоцціѣ. Наружность его представляеть вамъ совершенство безобразія. Лице, фигура, движенія, одежда, все отбѣчаетъ въ немъ сему описанію. Обремененный 70 ю годами и множествемъ прежнихъ несчастій, онъ ходитъ; пошупивъ голову; подумаешь, что онъ чего-то ищетъ; но онъ ходитъ такъ скоро, что очень часто въ чепыре часа удается ему пройти болѣе трехъ миль. Смуглое, обезображенное оспою лице его имѣетъ черты разительныя и наполнено глубокими морщинами, означающими непрерывное напряженіе духа и тяжкія заботы о будущемъ. Но я увѣренъ, что ни одинъ человекъ на свѣтѣ не будетъ введенъ въ заблужденіе лицомъ Песталоцція: подъ рѣзкими бровями его блистаютъ такіе глаза, которые обнаруживаютъ въ немъ человека сильнаго духомъ, преисполненнаго твердостью, и горюваго, для достиженія своей цѣли, сдвинуть ушесы и горы, когда бы они встрѣтились на дорогѣ его. Нужно поговорить съ нимъ одинъ только разъ, чтобы удостовериться, что

у него сердце на языкъ; съ довѣренностію, съ искреннимъ желаніемъ добра и съ неприпворною скромностію идешь онъ во всякому на вспрѣчу. Онъ веселъ и пылокъ какъ юноша; привязчивъ и шупливъ какъ дитя. „Я увѣренъ, что нѣтъ человека на свѣтѣ, который смѣялся бы болѣе меня въ своей жизни“ — сказалъ онъ мнѣ въ первый день нашего знакомства, когда я далъ ему почувствовать, что ожидалъ найти въ немъ человека суроваго, задумчиваго и удаляющагося отъ общества людей. И онъ сказалъ правду: во все время нашего пребыванія въ Бургдорфѣ я не видалъ его ни одного разу неселымъ.

Песпаллоцція весьма справедливо упрекають въ излишней нерадивости о приличіяхъ наружныхъ. Онъ не имѣетъ ни сапоговъ, ни туфель, а только одни башмаки, которыя носитъ какъ туфли, будучи дома, и которыя служатъ ему вмѣсто сапоговъ, когда онъ навѣщаетъ своихъ друзей, или бродитъ по окрестностямъ. Я увѣренъ, что эти башмаки ни разу не были черными съ тѣхъ поръ, какъ они вышли изъ рукъ башмачника. Я не видалъ на немъ ни кафтана, ни сюртука, ни бѣлья; все это накрыто длинною епанчею, которою онъ не скидаетъ ни въ будни, ни въ праздники. Волосы его никогда не бываютьъ расчесаны и вѣчно въ пуху. Онъ ходитъ безъ

шляпы. Каждую пятницу навѣщаетъ его цирюльникъ; но онъ обыкновенно брѣется въ двѣ недѣли одинъ разъ. Чулки бывають на немъ вѣчно спущены до башмаковъ. Въ шакомъ уборѣ вспрѣчаетъ онъ всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и никогда не приходитъ ему въ голову, что такая странность можетъ показаться смѣшиною и произвестъ въ другихъ несправедливое о немъ понятіе. Но онъ Песталоцци; ищожь не забудешь, смотря на шакого человека, что онъ не разчесалъ головы и ходитъ въ нечищенныхъ башмакахъ.

Онъ говоритъ весьма скоро и Цирихскимъ діалектомъ. Понимать его шѣмъ труднѣе, что онъ ни къ кому не спрашивается примѣняться и никогда не объясняетъ сказаннаго не ясно. Разгорячившись, начинаетъ онъ говорить очень громко, и весь приходитъ въ движеніе. Онъ никогда не разсуждаетъ долго объ одномъ предметѣ, особливо когда предметъ неважный; не любитъ оставаться на одномъ мѣстѣ, ибо множество спившихся въ головѣ его мыслей не даютъ ему покоя. Охотно слушаетъ анекдоты; веселость его иногда обращается въ колкость: напримѣръ, однажды, въ присутствіи Каполическаго Священника, онъ предложилъ цѣпь за здоровье всѣхъ людей женатыхъ. Онъ очень слово-

охошенъ; но въ такомъ случаѣ, когда можешь выразишься двумя словами, ни за что не употребишь прехъ. Замѣчанія его всѣ разипельны и оспроумны. Однажды спросили у него, для чего не носишь онъ національной кокарды на шляпѣ. „Со времени революціи ношу національную кокарду на башмакахъ“ ошвѣчалъ Песпалощи. Онъ написалъ одному пріятелю своему въ записную книжку: „учись презирашь, но презирашь какъ мудрецъ: гордаго презирай съ силою, а слабого возвышай съ величїемъ.“ Въ одномъ изъ писемъ его ко мнѣ находишься между прочимъ слѣдующее: „Замокъ Бургдорфъ нами наскучилъ; онъ былъ нѣкогда жилищемъ знаменишаго Владѣшеля и долженъ опять перейти къ Владѣшелю знаменишому: дадутъ ли намъ какой-нибудь уголокъ, не знаю — однако надѣюсь. Впрочемъ ни мало не почишаю эшаго для себя важнымъ: пшеницы мои скоро выдутъ изъ скорлупы, а въ такомъ случаѣ какая нужда пшницъ, ештли мальчишки сбросяшь опустѣвшее гнѣздо ея съ дерева.“

Песпалощи писалъ очень много. Кроме Журнала, который выдавалъ онъ два года, самыя важныя сочиненія его сушь слѣдующія: 1) Басни или фигуры для моей азбуки; 2) о ходѣ Натуры въ развитіи человекшества; 3) о законодательствѣ и дѣшоубійствѣ; 4) о законахъ Гельвеціи; 5) Лингардъ и Герштруда; 6) о воспитаніи,

которое даетъ своимъ дѣтямъ Герипруда; наконецъ 7) учебныя книги.

Не смотря на безпрестанную дѣятельность, Песполоци всегда доступенъ для иностранцевъ, которые со всѣхъ сторонъ міра прѣзжаютъ въ Швейцарію, чшобъ видѣть его училище. Онъ говоритъ охотно съ каждымъ, не показывая ни слѣди высокомерія. Еслии придешь къ нему въ такое время, когда онъ чѣмъ нибудь занятъ, то онъ покажется разсѣяннымъ и въ глазахъ его замѣшишь нѣкоторую дикость; но по прошествіи минуты разсѣянность его исчезаетъ; чувствуя себя неразположеннымъ работать днемъ, онъ работаетъ ночью; вообще въ занятіяхъ своихъ съ такъ же мало спрашивается съ часами, какъ и въ одеждѣ съ обычаемъ и модою. Въ Методѣ сочиненія онъ такъ же спретенъ, какъ и во всемъ; сдѣлавши въ головѣ планъ, онъ ложится одѣтый на постель и дикшуетъ, и мысли его выходятъ на бумагу въ томъ точнo порядкѣ, въ какомъ находятся онъ въ головѣ; онъ перечисываетъ написанное — попомъ дикшуетъ то же съ поправками; это продолжается по слѣхъ поръ, пока онъ сдѣлается доволенъ своею работою.

Онъ никогда не читаетъ; пишетъ весьма рѣдко; такъ же никогда не учитъ своихъ

воспитанниковъ самъ; ибо не имѣетъ того пер-
пѣнїя, которое необходимо нужно имѣть учи-
телю; онъ не способенъ пройти съ сво-
ими писмцами ни одного изъ пѣхъ уро-
ковъ, которые предписываетъ въ своихъ
учебныхъ книгахъ. Отдѣльныя части ме-
тоды и ихъ внутреннее соединѣнїе совер-
шенно ему чужды: онъ присущствуетъ
только при утренней и вечерней молитвѣ
воспитанниковъ.

Песпалотци душа своего многлюднаго
общества; всѣхъ принадлежащихъ къ ин-
спитусу любитъ онъ какъ дѣшей. Каж-
дый изъ нихъ называетъ его отцемъ. И въ
какомъ уголкѣ земли можно найсти такую
смѣсь людей, столь оживленныхъ семей-
ственными добродѣтелями, какую находилъ
я въ Бургдорфѣ! Въ Швейцарїи, всегда
возмущенной раздоромъ, такое общество еще
не имѣло примѣра.

Сильная любовь къ спечеству, которая
особенно свойственна всѣмъ обитателямъ
горъ, находится и въ Песпалотци; но это
чувство въ немъ гораздо образованнѣе и без-
присраснѣе, нежели въ другихъ, въ чемъ
увѣряетъ меня то жаркое чувство, съ
которымъ обыкновенно говоритъ онъ о
произшествїяхъ связанныхъ съ революціею.

Въ страстяхъ, обоюдно воспламененныхъ, въ безразсудности и бѣдности народа видѣлъ онъ предзнаменованіе упадка Швейцаріи; но онъ съ мужествомъ и силою прудился надъ тѣмъ, чѣобы посреди развалинъ великаго народа образовалось пакое поколѣніе, копорое, незнакомо будучи съ безуміемъ и бѣдностію наспопящими, сравнилось бы высокостію духа съ прежними щасливыми обипашелями Гельвеціи.

Неспалодци всегда жершисвалъ самимъ собою для блага тѣхъ людей, въ кругу копорыхъ онъ жилъ: по своему происхожденію и по своимъ талантамъ имѣлъ онъ право на званіе высокое; но богатство и почести никогда не бывали его предметомъ, и онъ остался между самыми низкими въ народѣ. Здѣсь былъ онъ, какъ говоряшъ Швейцары, копылемъ безногихъ, окомъ слѣпыхъ, оградою прищѣсняемыхъ, учипелемъ и опцомъ сиротъ. Славнѣйшіе люди Гельвеціи цѣнили его высоко. Доказательствомъ сему служатъ слѣдующія спрочи Лафашера:

„Единспвенный, часпо непонимаемый, но смѣлый испашель шого, на что еще никто не опваживался доселъ, да наградишь тебя Господь успѣхомъ и да увѣнчаешь Онъ спокойствіемъ твою спарость!“

Но всѣ вообще не отдавали надлежащей справедливости Песталоццію; а шѣ, которыхъ намбреніямъ прошивопслагалъ онѣ препиствія, спарались его преслѣдовать. Жизнь его есть непрерывная цѣпь опытовъ, дѣйствій, печалей, пожертвованій, оскорбленій.

Отецъ Песталоцци! вѣчно священна будешь для меня своя память! Ты побѣдилъ въ служеніи человечеству, и самый вечеръ своей жизни посвященъ великому и шягосиному труду. Въ обширномъ, неизмримомъ кругу, обѣмлемомъ глазами моими, не нахожу никого тебѣ подобнаго.

Теперь осмѣаюсь мнѣ сказаць еще о томъ, какой успѣхъ имѣло заведеніе Песталоцціевой школы въ Даніи. Дашское правительсшво хотѣло удостовѣрено быць на опытъ, что вышеописанная мешода прямо полезна, и щотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Швейцаріи, вмѣстѣ съ Шпремомъ, моимъ спутникомъ, въ началѣ 1804 года, открыта была пробная школа въ Копенгагенѣ.

Надзирашелями сей школы избраны были достойные люди, Докшора: Балле, Минстеръ и Плумъ. Они отвели приличное мѣсто для училища, доставили намъ всѣ нужные учебные матеріалы по шѣмъ образцамъ.

которыя мы привезли съ собою изъ Бургдорфа, и опредѣлили по нашему разположенію количество учениковъ и раздѣленіе учебнаго времени. Песталоцци, какъ я сказалъ выше, сдѣлалъ возможнымъ для одного учителя занимать въ одно время и съ пользою многихъ учениковъ. Чшобы это подтвердитъ опытомъ, надлежало выбрать не малое количество воспитанниковъ и также не быть излишне строгимъ въ ихъ выборѣ. Мы заботились только о томъ, чшобы всѣ наши питомцы не были уже образованы по другой методѣ. Число ихъ простиралось до 30; всѣ были дѣти бѣдныхъ людей, различныхъ возрастомъ, понятіями и способностями.

И мнѣ и Шпрему досталось по равному числу учениковъ. Мы занимались съ ними по 3 часа въ день, то есть отъ 10 часовъ утра до 1 часа. Мы съ крайнею точностію старались держаться тѣхъ предписаній, которыя находятся въ Песталоцціевыхъ учебныхъ книгахъ; ибо мы желали перенести методу его изъ Швейцаріи въ Данію, не изказивъ ее ни мало. И исправляя свое званіе, мы каждую минуту болѣе и болѣе увѣрялись, чшо весьма справедливо приписывали Песталоцціевой методѣ тѣ преимущества, о которыхъ сказано выше, то есть, чшо въ ней всѣ часши ученія сослав-

ляющъ неразрывное цѣлое; ибо Песталоцци, никогда не позволяя себѣ дѣлать скачковъ, мало по малу переходилъ отъ легкаго къ шруднѣйшему, такъ что послѣдующее самымъ естественнымъ образомъ выходилъ изъ предыдущаго, которсе служилъ ему приготоовленіемъ. И выгоды такого преподаванія очень скоро обнаружены были успѣхами воспитанниковъ. Начальныя основанія были для нихъ весьма понятны, а шѣмъ и дальнѣйшія успѣхи были приготоовлены. Въ первую половину года они пріобрѣли особенную легкость вычислять, рука сдѣлалась вѣрною, зрѣніе изосприлось и органъ языка получилъ великую гибкость. Всѣ упражненія наши имѣли форму пріятную, и воспитанники пошеряли всю робость, имѣ свойственную, какъ скоро начали замѣчать собственныя успѣхи. Они посвѣщали школу съ удовольствіемъ и шрудились съ особеннымъ прилѣжаніемъ. Лекціи продолжались до Августа. Но въ это время на Шпрема по повелѣнію Короля возложили другую должность; Школа осталась на моихъ рукахъ, и я одинъ долженъ былъ занимать ученіемъ шридцати учениковъ, различныхъ лѣтами, свѣденіями и способностями; они конечно не могли бы имѣть успѣховъ, когда бы я не старался примѣняться въ преподаваніи уроковъ къ каждому особенно; а этого не возможно было сдѣлать, не раз-

дѣливъ воспитанниковъ на классы. Но раздѣливъ ихъ на классы, надлежало необходимо имѣть и помощника: и я выбралъ одного изъ самыхъ способнѣйшихъ учениковъ, которому ввѣрилъ часть своей должности. Такимъ образомъ ученіе продолжалось до самаго Мая. По истеченіи полутора года сдѣлано было публичное испытаніе: увидѣли необыкновенную образованность во всемъ томъ, что было преподаваемо по методѣ Песталоцція, и совершенное незнаніе шѣхъ предметовъ, которые не подходили подъ сію методику. Труднѣйшія задачи, извлекаемыя и въ самой системѣ, были разрѣшаемы съ удивительною легкостію; напротивъ самыя легкія, въ системѣ находящіяся, казались трудными и темными. Послѣ сего испытанія курсъ ученія продолжался еще полутора года. Но я гораздо прежде достигнулъ бы съ моими воспитанниками до цѣли, предназначаемой въ изданной уже частіи Песталоцціевыхъ учебныхъ книгъ, когда бы курсъ продолжался съ надлежащимъ порядкомъ и когда бы не случались общешестельства, которыя препятствовали мнѣ подвигаться впередъ. Первое: ученики мои перемѣнялись безпрестанно. Родители — (что неудивительно, когда и ученые люди не все еще согласились отдавать справедливость Песталоцціевой методѣ) — родители, видя, что дѣти ихъ ни чему тому не учаща, что знали они

сами, не могли вѣрнѣе, чтобы тѣ знанія, копорыя пріобрѣтаемы были въ Школѣ и копорыхъ выгоды не лзя было имѣ ни глазами видѣть, ни умомъ постигнуть, принесли со временемъ какую-нибудь пользу. Они брали своихъ дѣтей назадъ: нѣкоторые изъ питомцевъ сами, неизвѣстно почему, переставали посѣщать классы; мѣста ихъ заступали другіе; и изъ всего этого вышло то, что никакимъ образомъ не могло быть сохранено равенство между моими учениками. Словомъ, школа существуетъ еще и теперь, но она въ упадкѣ; мы замѣтимъ, что постоянство и твердость въ исполненіи предпріятій полезныхъ не могутъ быть причислены къ добродѣтелямъ нашего вѣка. Я увѣренъ однако въ томъ, что щастливое время, въ которое Песталоцціева метода, благодѣтельная по всѣмъ отношеніямъ, получила преимущество передъ другими, не можетъ быть опдаленнымъ.

(Съ Нѣмец.)

III. КРИТИКА.

Плутархъ для юношества. или житія славныхъ мужей всѣхъ народовъ отъ древнѣйшихъ временъ до нынѣ (*).

Однаго умнаго человѣка спросили: какое изъ древнихъ сочиненій захопѣлъ бы онъ по всему выбору сохранить для потомства, если бы всѣмъ прочимъ надлежало погибнуть? Онъ отвѣчалъ: *Житія славныхъ мужей*, описанныя Плутархомъ. Въ самомъ дѣлѣ сіе превосходнѣйшее твореніе мудреца Херонейскаго достойно славилось въ древніе вѣки; и въ наше время

(*) *Съ гравированными ихъ портретами. Сочиненіе, могущее возвысить душу молодого человѣка и украситъ сердце его добродѣтелями, изданное Петромъ Бланшардомъ. Переводъ съ Французскаго исправленнаго и пересмотрѣннаго изданія, съ присовокупленіемъ жизнеописаній знаменитѣйшихъ Россіянъ, бывшихъ какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена. Въ 10 Частяхъ. Москва. Въ Типографіи С. Селивановскаго. 1809.*

при безпрестанно увеличивающемся множествѣ книгъ, оно цѣны своей не потеряло у шѣхъ людей, копорые дорожатъ истинно полезными, на опытахъ основанными наставленіями для жизни домашней и общественной. Вотъ почему Бланшардъ украсилъ книгу свою именемъ Плущарха, вознамѣрившись молодыхъ читашелей познакомиться со славными людьми вѣковъ древнихъ и новыхъ. Но Плущархъ описывалъ дѣянія однихъ только воиновъ и полководцевъ; а Бланшардъ изображаетъ вообще людей славныхъ ученостію, дарованіями, душевными качествами, великими подвигами и даже злодѣйствомъ. Только объ Русскихъ, кромѣ ПЕТРА Великаго; не разсудилъ онъ упомянуть въ своемъ сочиненіи. Теофанъ Прокоповичъ, Ломоносовъ, Румянцовъ, Суворовъ не заслужили у Господина Бланшарда чести быть въ спискѣ людей знаменитыхъ. Онъ, какъ видно, держится похвальной системы, принятой земляками его и другими чужестранцами: славныхъ людей не находить онъ въ Россіи, для того, чтобы не обратилъ нашего вниманія на самихъ себя, чтобы не далъ намъ случая догадаться о собственномъ достоинствѣ, и чтобы не помѣшалъ во благихъ намѣреніяхъ шѣмъ *славнымъ* чужестранцамъ, копорые прѣзжаютъ въ Россію кормиться и дурачить усердныхъ своихъ читашелей.

Ясно, что *Плутархъ для юношества* Россійскаго былъ бы весьма недоспащоченъ и не принесъ бы ожидаемой пользы, еслибъ къ переводу не были прибавлены жизнеописанія Россіянкъ, заслужившихъ бессмертную славу. Въ объявляемой здѣсь книгѣ чктапели къ удовольствію своему найдутъ хронологическимъ порядкомъ расположенныя біографіи *Олега, Игоря, Святослава, Владиміра Великаго, Ярослава, Нестора, Владиміра Мономаха, Александра Несскаго, Димитрія Донскаго*, обоихъ *Іоанновъ, Ермана, Бориса Годунова, Минина и Пожарскаго, Филарета, Гермогена, Алексія Михайловича, Никсна, Петра Великаго, Долгорукаго, Шереметева, Меньщикова, Теофана, Ломоносова, Суморокова, Румянцова, Суворова, Полежкина, Княжина, Хемницера, Богдановича*. Издашеть признается, что о многихъ знаменитыхъ Россіянахъ не упомянулъ онъ какъ за неимѣніемъ нужныхъ свѣдѣній для составленія ихъ біографіи, такъ и пошому, что нѣкоторые изъ нихъ еще живы и что подвиги ихъ всѣмъ известны. Мы однакожъ думаемъ, что публика и за сей трудъ не опнажеть ему въ своей признашельности.

Въ С. Петербургѣ печатаешеть другой переводъ Бланшардова *Плутарха*. Сіе изда-

нѣ уступаютъ Московскому уже и тѣмъ, что Пешербургскій Плутархъ ничего въ немъ не рассказываетъ о знаменитыхъ Россіянахъ. Чтобы показать дослѣдствіе слога обоимъ переводамъ, предлагаемъ нѣкоторыя мѣста для сравненія.

С. Пешерб. изд. Т. I. стр. 200.

„Нѣкто прицѣль уведомишь Сократа, что суди обвинили его на смерть, и онъ отвѣчалъ ему: они таковыми были и онъ самъ натуры. Великій Аѳинскій Философъ осужденъ былъ испить ядъ, и онъ услышавъ произнесенный надъ нимъ приговоръ, пошелъ въ темницу съ удивительною твердостью. Аполлоторъ, одинъ изъ его учениковъ, пришелъ къ нему изъяснить свою горесть, что онъ невинно умираетъ: не уже ли ты хочешь, прервалъ онъ, чтобы я виновнымъ умеръ?“

Моск. изд. Ч 1. стр. 146. Ты приговоренъ судьями къ смерти, сказалъ ему ш е. (Сократу) одинъ изъ его знакомыхъ. „А суди приговорены къ ней природою“, отвѣчалъ онъ. Назначено было отправить его ядомъ. По объявленіи приговора онъ пошелъ въ тюрьму съ удивительною твердостью. Аполлоторъ, одинъ изъ учениковъ Философа, изъясняя сожалѣніе, что онъ умираетъ безвиннымъ. „Развѣ ты хочешь, отвѣчалъ Сократъ, чтобы я умеръ виновнымъ?“

С. Петерб. изд. Т. V. стр. 143. „Мы уже сказали, что сѣмя дурачества можешь быть посяно и въ самой умной головѣ. Карлъ-Квинтъ имѣлъ нѣкоторыя свои призы, шоль спранные, что по справедливости сказать, оныя не были сообразны съ здравымъ разсудкомъ. Роль, какъ необыкновенная, такъ и весьма спрванная, свигранная имъ за нѣсколько времени передъ его смертію, служилъ сему самымъ лучшимъ доказательствомъ. Сей Государь, котораго въ то время почитали самымъ умнымъ человекомъ, захотѣлъ наконецъ узнать, каковы будутъ его похороны; — и сіе желаніе его исполнилось. Онъ легъ во гробъ; его спнесли въ церковь съ великимъ множествомъ зажженныхъ свѣчъ, и покрывъ шло его погребальнымъ сукномъ. Погребальное служеніе было надъ нимъ отправлено; и онъ наконецъ услышалъ и всѣ шѣ молишвы, которыя всѣ присутствующіе должны читать о усопшихъ. Такой поступокъ ни мало недостоинъ человека съ здравымъ умомъ.“

Моск. изд. Ч. V стр. 201. Мы сказали, что и въ самой лучшей головѣ можешь находиться нѣсколько глупости. Карлъ V подверженъ былъ такимъ прихотямъ, которыя нимало не сообразны съ здравымъ разсудкомъ. Сцена спольво же чрезвычайная,

кавъ и соблазнительная, сыгранная имъ за нѣсколько времени до смерти, служивъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Сей Государь, почтившійся умвѣйшею особою своего вѣна, вздумалъ бытъ свидѣтелемъ собсвеннаго своего погребенія. Онъ велѣлъ положишь себя во гробъ и поставишь среди церкви, покрышь шѣло свое смертнымъ покровомъ и окружишь множествомъ заженныхъ свѣчь. Начали опивать его, и онъ слышалъ всѣ моливы, возсылаемыя въ Богу за умершихъ. Можно сказать безъ ошибки, что сей поступокъ ни мало не показываетъ здравогомыслящаго человека.“

Предположивъ написать разсмотрѣнїе *Плутарха для юношества*, мы принуждены ограничить себя только простымъ увѣдомленїемъ о Московскомъ переводѣ; кришическая спашья о книгѣ, состоящей изъ 10 Часей, пребуетъ для себя много мѣста въ журналѣ. — *Плутархъ* Московскаго изданія переведенъ и дополненъ г-мъ Адвюнкпомъ и Докшоромъ С. А. Немировымъ, коего многими трудами публика давно уже пользуется, и копорой искусствомъ своимъ и прилжанїемъ заслуживаетъ справедливую похвалу отъ всѣхъ любшелей прїяпнаго чтенія. Намъ извѣстно, что онъ недавно перевелъ книгу *Бюффонъ для юношества, сокращенный*

*Бланшардомъ, въ пьесѣ Часляхъ, ко-
торая теперь печатается и скоро выдетъ.*

М.

IV. С М Ъ С Ъ.

Московскія записки.

Нѣсколько словъ объ Русалкѣ, которой 2ю Часть недавно опять представляли на здѣшнемъ театрѣ, и которая всякой разъ привлекаетъ множество зрителей; но прежде надобно что-нибудь сказать вообще объ оперѣ, о семъ восхинительномъ представле- нии, въ которомъ поэзія, пантомима, зодче- ство, живопись, музыка и танцовальное ис- кусство соединяются для удовольствія люби- телей изящности. Есть два рода оперы: *важ- ной* и *шутливой*. Для перваго берется содер- жаніе изъ древняго баснословія изъ исто- рій, изъ народныхъ сказокъ; для втораго изъ общежитія. Характеры въ нихъ должны быть тщательно обработаны; рѣчи должны быть приличны характерамъ дѣйствующихъ лицъ, состоянію души ихъ, обычаямъ, времени и мѣсту; правдолюбіе должно быть наблю- даемо и въ самыхъ чудесныхъ, невѣроятныхъ приключеніяхъ. Пусть Орфей ведетъ изъ цар- ства подземнаго свою Евридику: зрителю из- вѣстно, что Греки вѣрили сему несчаствен-

тому событію. Пускай Соловей - Разбойникъ молодецкимъ посвистомъ своимъ убиваетъ неосторожныхъ путешественниковъ; пускай Баба - Яга ѣздитъ въ ступѣ и пестомъ погоняетъ : всякой знаетъ о сихъ чудесахъ изъ народныхъ Русскихъ сказокъ. Русалку не лзя назвашь ни *важною* оперою, ни *шутливою*; въ ней смѣшаны оба рода. Содержаніе почерпнушо не изъ баснословія, ибо никакихъ преданій не сохранилось о мнимыхъ любовныхъ приключеніяхъ *Видостана* и *Лесты*; не изъ исторіи, ибо исторія ничего не говоритъ намъ о *Видостанѣ* и *Славомыслѣ*; не изъ народныхъ сказокъ, ибо никто не слыхивалъ сказки о *Днѣпровской Русалкѣ*. Дѣйствующія лица являющіяся и уходящія безъ всякой побудишельной къ тому причины. Тарабаръ упоминаетъ о сашанѣ, о которомъ не могъ онъ имѣть никакого понятія, не будучи ни жидомъ, ни христіаниномъ. Карлики, въ чалмахъ и халашахъ, посвящаютъ конюшаго въ рыцари, въ которые на Руси никого не посвящали, и которыхъ не должно предполагать во времена Славянскаго баснословія. По какому поводу Русалка, являющаяся въ княжескихъ чертогахъ въ видѣ безобразной нищей, подноситъ въ даръ новобрачнымъ *пару бѣлыхъ голубей*? Объ эшомъ и обо всемъ прочемъ надобно спросить Нѣмецкаго шворца *Дунайской Нижды*, изъ кошорой передѣлана *Днѣпровская Русалка*. Вовсе не будучи галломаномъ, по неволѣ вспомнишь слова Французскаго стихошворца :

Le vrai feul est aimable

Il doit regner partout et même dans la fable.

Полубарскіе затѣи комедія право очень забавная при всѣхъ своихъ недоспашкахъ и погрѣшностяхъ. Публика будетъ сморѣшь ее гораздо съ большимъ удовольствіемъ, когда Куперьминъ станеть дѣйствовать и говорить на театрѣ такъ, какъ прилично спранному его характеру. Г. Кавалеровъ долженъ или уступить роль сію другому актеру, или играть ее совсѣмъ иначе. Куперьминъ не думаешь шутишь, отвѣчая на вопросы и упошребляя въ разговорахъ стихи изъ разныхъ трагедій. Набивши голову свою романическими бреднями, онъ влюбляется въ служанку, выводитъ нелѣпныя заключенія, рѣшается увезти свою красавицу; но все это не дѣлаешь причины выспавлять Куперьмина въ видѣ каррикашуры. Онъ шолько соснавилъ себѣ особливья правила, и руководствуешься ими въ своемъ поведеніи.

*

Фердинандъ, Герцогъ Моденскій, человекъ добродѣтельный и находящійся въ полномъ разумѣ, вдругъ полюбилъ *Сидонію*, благородную чужестранку изъ Калабріи, и вдругъ разлюбилъ *Олимпію*, добрую, любви достойную супругу свою, кошорая прежде соспавляла все его блаженство. Сей *Фердинандъ*, *милосердый Государь*, всегда бывшій *достойнымъ общаго уваженія*, всею *Италією прославляемый за свое великодушіе*, вознамѣрился оправить жену свою ядомъ, и чшобы удобнѣе преклонить къ шому врача своего и заперсника *Альдобрадини*, выдумываетъ на нее гнусной пошупокъ невѣрности, обѣщаетъ врачу награду, и видя упорство его, грозишься ошдашь его змѣямъ на снѣденіе. *Альдобрадини* говоритъ, стоя на колѣняхъ: „Государь, супруга ваша невинна! лишите меня

жизни, но пощадите добродѣтельную Олимпію. Я лучше умру, нежели сдѣлаюсь злодѣемъ.“ *Фердинандъ.* „Умерешь, для меня мало. Ты знаешь змѣиную пещеру. Въ нее заключю я тебя съ женою своею и съ дѣтьми; шамъ будушъ васъ медленно перзашъ голодѣ и опчаяніе, еспльи пощадяшъ васъ ядовитыя змѣи.“ Старикъ спрусилъ, и обѣщаетъ исполнить требуемое. „Государь! я одумался; говорю онѣ. Я знаю, что вы справедливы въ своихъ дѣяніяхъ и спрашны въ осужденіи; я ничто иное, какъ кинжалъ въ рукахъ вашихъ, и *сметельн кинжалъ спрашываетъ своего властелина: за чѣмъ устремляешь ты меня туда или сюда?* Прости мнѣ Государь!“ И Олимпіи жаль ему и Герцога не лзя не послушаться. Какъ бышь? Онѣ рѣшается, вмѣсто яду, принесши къ Герцогу сонной порошокъ, и въ пужь минушу бѣжашъ за границу со всѣмъ своимъ семействомъ.

У Сидоніи служишъ пажъ Циншію, копорому ирерасная госпожа его вскружила голову и къ кошорому сама Сидонія чувствувешъ уже не малую склонность. Въ Сидонію же влюбленъ и Бруноръ, опецъ пажа Циншію, засѣдающій въ шайномъ судилищѣ. Пожилой волокипа сей приходилъ къ Сидоніи извѣсняясь въ своей любви, и предлагаешъ ее шѣмъ съ большею надежностью, что ему извѣсны нѣкошорыя важныя обшояшельства жизни сей благородной дѣвицы. Подлинное имя ея Серафима; она убѣжала изъ Калабріи опѣ корысполубивыхъ своихъ родшвенниковъ, кошорыми заключена была въ монастырь. Бруноръ не видя желаемого съ ея стороны сошвѣтшвѣд, говоритъ ей: „Опѣ себя зависишъ ше-

перь, кого хочешь ты во мнѣ видишь? Ешь-ли строгаго судью, шо онѣ не знаетъ Сидонію, но видишь скрывающуюся Серафиму; ешьли же чувствительнаго челоуѣка, шо онѣ видишь только прекрасную Сидонію, и спарается сдѣлать ее благополучною.“ Сидонія пришворяется склонною, и старикъ нашъ уходитъ совершенно довольнымъ.

Сцена, въ которой Фердинандъ исполняетъ злодѣйское свое намѣреніе, приводитъ въ сердце зрителя *неизъяснимое* впечатлѣніе. Герцогъ пришворяется передъ Олимпією, будто хочетъ помириться съ нею, и въ залогъ сего достопамятнаго дѣйствія предлагаетъ ей выпить вмѣстѣ по кубку вина. Разумѣется, что кубокъ для Олимпіи приготовленъ былъ съ *ядомъ*. Невинная жертва покорствуешь волѣ супруга, ничего не предвидя, ничего не подозрѣвая. Фердинандъ въ ужасномъ изступленіи сбѣжитъ бѣжать на охоту; выходя изъ комнаты, онѣ кричитъ: „эй! охотники, *трубите во все рога!* поспѣшайте на охоту.“ Олимпія догадывается о поступкѣ Фердинанда, и скоро засыпаетъ въ объятіяхъ чепырехъ-дѣшнаго своего сына.

Герцогъ приходитъ къ Сидоніи поговорить о своей страсти, но Олимпія непрерывно представляется воображенію его, и совѣсть перзаетъ преступника. „Завтра при звукѣ трубъ и лишавръ долженъ быть возвѣщенъ бракъ нашъ во всей Моденѣ — вѣщаетъ Фердинандъ Сидонію. Пусть все веселится и вся Италія говоритъ о моемъ великолѣпномъ шоржествѣ, какого еще не бывало. Я распочу насѣдїе моихъ предковъ, и спану платишь щедро за каждое прїятное мгновеніе! Я окончу

краткую жизнь мою въ упоеніи, и паду, не чувствуя себя, въ ожидающую меня могилу.“

Бруноръ застаешъ Цинтію и Сидонію въ объятіяхъ другъ друга. Воспламенясь яростію, онъ доноситъ въ тайномъ судилищѣ о преступленіяхъ Сидоніи. Ее обвиняютъ въ *волшебствѣ* и въ ославленіи Герцогини. И Бруноръ ищетъ еще дерзость придти въ ужасную пещицу и предлагать Сидоніи любовь свою, жизнь и свободу! Тутъ бранился онъ съ сыномъ своимъ и соперникомъ, который осылаешъ Брунора страшными укоризнами.

Умершая Олимпія оживаетъ; Сидонія признана невиною, и соединяетъ съ пажемъ Цинтію; Бруноръ обличенъ въ своихъ злодѣяніяхъ; Фердинандъ, обрадованный возстаніемъ изъ мертвыхъ супруги своей, начинаетъ любить ее по прежнему и опять спланиваетъ добрымъ человекомъ.

Вотъ извлеченіе изъ драмы *Сидонія волшебница*, которую Г. Мачаловъ выбралъ для своего бенефиса. Она *передѣлана* съ Нѣмецкаго языка. Здѣсь хотѣли бы мы упомянуть объ игрѣ актеровъ; но для нѣкоторыхъ драмъ, переводимыхъ и передѣлываемыхъ съ Нѣмецкаго языка, бесполезны самыя отличнѣйшія дарованія — дарованія Дмитревскихъ и Помежанцевыхъ. Т.

У в ѣ д о м л е н і е.

Священникъ Г. И. Поповъ пишетъ изъ Бирючи къ Издашелямъ, что онъ получилъ три письма отъ неизвѣстныхъ благошворительныхъ Особъ изъ *Богучара* по рубл. и изъ *Яссы* 50 р. для сиротъ покойнаго діакона.

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Въ первый день новаго года Е. В. Императоръ Наполеонъ подарилъ Императрицѣ Іозефинѣ дорогой брилліаншовой уборъ и изъ серебра шуалешъ позолоченный. Вещи сіи поднесены были отъ города Парижа въ день коронаванія. — По пренорученію Императора и Императрицы, Архиканцлеръ Имперіи представилъ въ Парижскій духовный Трибуналъ письменное объявленіе о расшорженіи брака Ихъ Величествъ. Трибуналъ, по выслушаніи свидѣтелей, Князя Невшашельскаго, Князя Беневенскаго и Дюка Фріаульскаго, и разсмотрѣвъ дѣло сіе, нашелъ оное сообразнымъ съ обыкновеніями Галликанской церкви и съ правилами Соборовъ.

И с п а н і я.

Въ Мадришскихъ придворныхъ Вѣдомостяхъ сдѣланы слѣдующія замѣчанія, по случаю заключеннаго мира съ Австрією. Сей мирный трактатъ касается и до Короля Испанскаго; онъ неоспорно подшверждаетъ права,

уступленныя въ Байонѣ Императору Наполеону. Императоръ Австрійскій равнымъ образомъ призналъ перемиръ, какъ шѣ, которыя уже сдѣланы въ Испаніи, шакъ и впредь прозойти могутъ. Теперь уже пора, наконецъ сказано въ шѣхъ замѣчаніяхъ, догадаться Испанцамъ, что кровь человѣческая составляетъ въ Англіи шпашью шорловыхъ разчешовъ. Тамъ не сѣшуютъ, что льется кровь человѣческая, лишь бы польза была она не изъ жилъ Бришанскихъ и лишь бы приносила пользу Англіи. — Е. В. Коро в Іосифъ поручилъ дивизионному Генералу Солимьяку разсѣять шолпы разбойниковъ, появившіяся на дорогѣ отъ Ируна до Мадрида и шѣмъ сдѣлать свободнѣе и безопаснѣе сообщеніе съ Франціею. Сей Генералъ достигъ разбойниковъ въ Гаро, убилъ изъ числа ихъ 36 человекъ и захватилъ у нихъ 114 лошадей. Другая шайка испреблена въ Сассамонѣ.

Италіянское Королевство.

Англійская флотилія все еще безпокоитъ воды Адриатическаго моря. Послѣ неудачнаго покушенія доставлять изъ Пульи въ Венецію деревянное масло на баркахъ, изъ коихъ многія перехвачены были Англичанами, начали опять возить оное сухимъ путемъ. Провозъ отъ шого шановится дороже; но за шо уже онъ не подверженъ оласности. — Кромѣ Ишаки и Кефалоніи Англичане овладѣли еще островами Занше и Чериго. Впрочемъ ежели не удастся имъ взять Корфу, шо они принуждены будутъ убраться съ острововъ Іоническихъ, а особливо когда возвращающіяся изъ Австріи Французскія войска начнутъ угро-

жати нападеніемъ на Сицилію. — Англійскіе и Сицилійскіе позары, конфискованные въ Триестѣ, цѣнились въ 6 милліоновъ гульденовъ.

Рейнский союзъ.

Извѣстный шрапфирщикъ Гоферъ, начальникъ Тиро. всихъ мяшежниковъ, живетъ скрытно въ Пассейеръ-Талѣ. Слухъ о смерти своей распусти. въ онъ умышленно. Прокламация, которою Тиро.льцы вызывающся къ возобновленію мяшежа, обнародована Гоферомъ единственно для спасенія своей жизни; самые приверженные къ нему бунтовщики принудили его къ тому кинжалами. Такова бываетъ участь людей, дерзающихъ на опасныя предпріятія.

А в с т р і я.

Въ послѣднихъ числахъ Декабря испекшаго года въ Вѣнѣ составляема была поголовная о всѣхъ обывателяхъ перепись, въ которой съ точностію означали, какіе именно инородцы находятся въ оной столицѣ и съ котораго времени. Изъ сего заключающъ, что всѣ иностранцы, живущіе въ Вѣнѣ безъ дѣла, должны будущъ выѣхать опшуда. — За ценшнеръ сахару плашили въ Вѣнѣ по 1000 гульденовъ банковыми ассигнаціями.

В е л и к о б р и т а н і я.

Въ послѣднемъ мѣсяцѣ испекшаго года Маркизъ Веллеслей вступилъ, на мѣсто Лорда Баршуса, въ должность Государственнаго Секретаря иностранныхъ дѣлъ и на вѣрность въ семъ званіи подписалъ въ присутствіи Ко-

роля присягу. — Князь Шшарембергъ, Австрійскій Посланникъ при Лондонскомъ дворѣ, получилъ отъ Государя своего повелѣніе возвратишься въ Вѣну. —

Д а н і я.

По желанію Французскаго правительсва Е. В. Король Датскій повелѣлъ ученому обществу, прудящемуся надъ измѣреніемъ земель, сдѣлать карты Шлезвига и Голштейна, которыя и отправлены уже къ Директору Парижскаго военнаго Депо, Генералу Графу Сансону. Оныя нужны для начертанія частной военной карты Германіи, долженствующей состоять изъ 400 листовъ. — Объявленіе, изданное Испанскою Юншою о войнѣ противъ Даниа, написано отъ имени *Дона Фердинанда седьмого*.

17 Февраля.

КОНЕЦЪ ХЛІХ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Люшна, цвѣшы и сонъ. (Спаринная сказка.)	-	-	3
Эдуардъ Жаксонъ, Милли и Ж. Ж. Руссо.	-	-	81
О состояніи Римской Имперіи при Антонидахъ.	-	165 и	247
Рѣчь.	-	-	270

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Эклога. Меналкъ и Дамешъ.	-	-	37
Дружба.	-	-	41
Орелъ и Чижъ.	-	-	43
Къ Эльминъ.	-	-	—
Послы Египетскіе.	-	-	106
Невинность.	-	-	181
Къ Б* *.	-	-	184
Опѣвъшъ.	-	-	136
Замѣчаніе.	-	-	187
Фіялка и Колосъ.	-	-	—
Баснь.	-	-	188
Къ Делію.	-	-	—
На смерть семнадцатилѣтней Эрминіи.	-	-	189
Пекинское ристалище.	-	-	278
Веселый часъ.	-	-	230
Мечта.	-	-	283

	Стран.
Эпиграммы. - - -	286
Къ Машѣ. - - -	—
Сонъ Могольца. (Баснь.)	—
Путешествиѣникъ. - -	288

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

ИСТОРИЯ ТЕАТРА.

Объ Италіянской Комедіи въ XVI вѣкѣ, и о Каландріѣ, сочин. Кардинала Биббіены. -	44 и 117

ТЕОРИЯ ИЗЯЦНЫХЪ НАУКЪ.

О переводахъ вообще, и въ особености о переводахъ стиховъ. - - - -	190

ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

О Методѣ Песталоцціа. -	300

III. КРИТИКА.

Исслѣдованіе баннаго строенія, о кошоромъ повѣстствуетъ лѣтописецъ Неспоръ. - -	60
Прихошникъ или Календарь объяденія. - - - -	137
Кришическій разборъ Каншемировыхъ Саширъ, и проч. -	199
Плушархъ для юношества, или житія славныхъ мужей всѣхъ народовъ отъ древнѣйшихъ временъ донынѣ. - -	310

IV. СМѢСЬ.

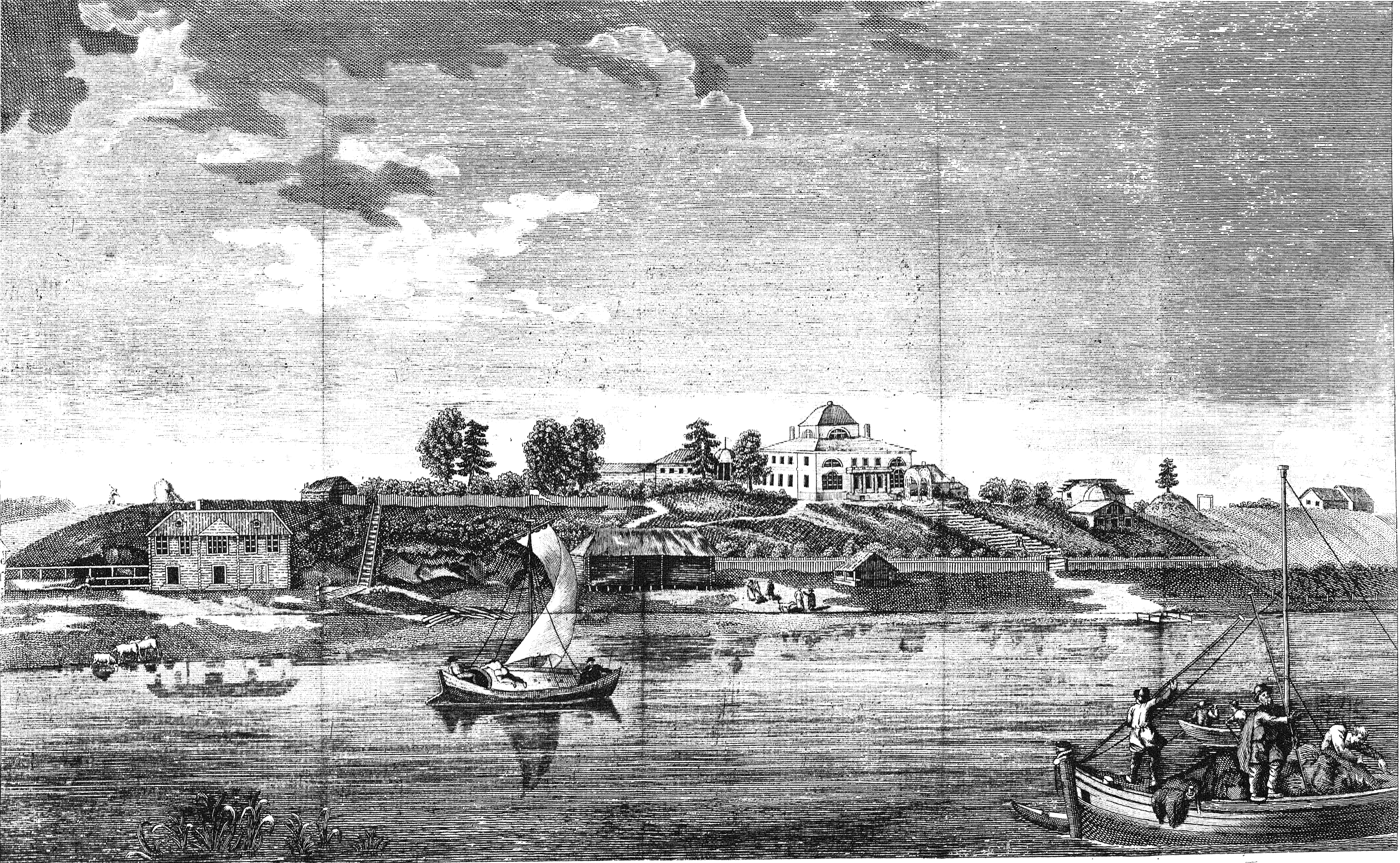
О Португальскихъ женщинахъ.	147
Замѣчанія о новомъ Коventшгарденскомъ театрѣ въ Лондонѣ.	215
Московскія записки.	71, 149, 229 и 316
Письмо къ Издаателямъ.	- - 73
Разныя извѣстія, и замѣчанія.	- 75,
- - - - -	153 и 221
Увѣдомленія.	76, 157, 229 и 322

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.	77,
- - - - -	159, 242 и 322

Видъ Званки усадьбы Г. Р. Державина внизъ по Волхову отъ стороны Нова-города.